

Присвячується
210-річчю від дня заснування
Харківського національного
медичного університету
та 70-річчю Перемоги
у Другій світовій війні

МІНІСТЕРСТВО ОХОРОНИ ЗДОРОВ'Я УКРАЇНИ
ХАРКІВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ МЕДИЧНИЙ УНІВЕРСИТЕТ

Вустанн спогадів і пам'яті

**ВИЩА МЕДИЧНА ШКОЛА
ХАРКІВЩИНИ
В РОКИ ДРУГОЇ
СВІТОВОЇ ВІЙНИ**

Видання друге,
виправлене й доповнене

За загальною редакцією В.М. Лісового та Ж.М. Перцевої

Харків
ХНМУ
2015

УДК: 61:378 «1941/1945» (477.54) (091)
ББК 5г
В 88

Затверджено вченою радою ХНМУ
(протокол № 5 від 21.04.2015)

Дизайн: «Майстерня Скл!в»

В 88 Вустами спогадів і пам'яті. Вища медична школа Харківщини в роки Другої світової війни : [мемуари та публіцистика]. — 2-ге вид. випр. й доп. / за заг. ред. В.М. Лісового та Ж.М. Перцевої. — Харків. : ХНМУ, 2015. — 184 с. : фото.

Книга є другим виданням збірки 2005 р., де вперше були опубліковані матеріали про діяльність вищої медичної школи Харкова у період Другої Світової війни. Вона містила відомості про співробітників та студентів, що загинули або померли в той період, спогади учасників бойових дій та трудового фронту, публікації у ЗМІ про події того часу. Наразі ці відомості розширені за рахунок нових документів, знайдених в архівах, спогадів ветеранів або статей, надрукованих за останнє 10-річчя в різних газетах і журналах.

Книга призначена для широкого кола читачів, усіх, хто цікавиться історією розвитку вищої медичної школи Харківщини за всі 210 років її існування.

УДК: 61:378 «1941/1945» (477.54) (091)
ББК 5г

ДОРОГІ ДРУЗІ!

На жаль, більшість історичних подій з часом зникає з пам'яті людей і стає надбанням архівних сховищ. Але є події, значення яких не зменшується з плином часу. І кожне десятиріччя, що минає, все з більшою силою підкреслює їхню велич та важливу роль у світовій історії. До таких подій належить Перемога радянського народу у Великій Вітчизняній війні 1941–1945 рр., яка стала вирішальною складовою перемоги прогресивного людства у Другій світовій війні 1939–1945 рр.

Це була одна з найжорстокіших війн в історії. Вона забрала більш ніж 20 млн. людей тільки в Радянському Союзі. Втрати України у роки Великої Вітчизняної війни склали понад 8 млн. людей, з яких 2,5 млн. загинули в боях.

У ті страшні роки на фронтах і в тилу люди жили однією думкою — робити все можливе для наближення Перемоги. Обидва Харківські медичні інститути теж зробили свій внесок у цю всенародну справу. У перші декілька днів війни в діючу армію було призвано 232 співробітники та студенти тільки 1-го Харківського медичного інституту. До лікувально-санітарних установ Червоної Армії пішов весь випускний курс; 150 слухачів військово-медичного факультету після 4-го курсу було мобілізовано на фронт зауряд-лікарями (без дипломів). Одним з перших пішов на фронт провідним хірургом евакошпиталю проф. І.І. Грищенко.

Усього за роки війни 1-ий Харківський медичний інститут, який продовжував працювати в евакуації, дав країні 1441 лікаря. Із них майже всі пішли на фронт.

У лавах Червоної Армії в роки війни було 200 тисяч лікарів і майже 500 тисяч середніх медичних працівників. Уперше в історії війн праця медичних працівників прирівнювалася до бойового подвигу: вони нагороджувалися медаллю «За відвагу» та бойовими орденами. Були такі й серед співробітників Харківських медичних інститутів.

Кажуть, що війна не вважається закінченою, поки не буде похований останній солдат. Продовжуючи цю думку, можна додати: і поки не будуть висвітлені всі, до останнього, документи щодо тих страшних подій. Лише правда розставить в історії все по своїх місцях і зробить найголовніше — примирить останніх живих учасників тих подій, щоб запобігти повторенню помилок їхніми нащадками, а значить, уникнути найстрашнішого в житті — війни.

Так, відкриті М.Горбачовим та Б.Єльциним документи щодо пакту Молотова — Ріббентропа, розстрілу 22 тисяч польських військових в Катині та Харкові довели, що багато років нас примушували невірно трактувати ці події.

Секретні архіви розкрили союзницькі дії керівництва СРСР з націонал-соціалістичною Німеччиною, що призвели до розподілу Східної Європи

та сумісного військового параду в Бресті на початку Другої світової війни. На думку сучасних істориків та політологів, тільки з липня 1941 р. починається антигітлерівський період СРСР — Велика Вітчизняна війна. Виявлено і справжніх винуватців Катинської трагедії, істинні події, що відбувалися на Західній Україні після війни, де народ вів збройну боротьбу за свою незалежність до 1961 року.

У літературі останнього десятиріччя з'явилося багато відвертих спогадів учасників тих подій. Варто згадати книги одного з найвідоміших письменників сучасної Росії, фронтовика Даниїла Граніна «Все было не совсем так» (2013 р.), книгу спогадів одного з моральних авторитетів сучасності російського академіка Д.С. Ліхачова.

Разом із тим руйнування ідеалів та переоцінка минулих подій не повинні закреслювати головного — героїзму простого солдата, простої людини в цій нелюдській війні. Сьогодні ми повинні мати на меті тільки одне — рухатися далі шляхом взаєморозуміння, примирення, поваги до всіх без виключення бійців за свободу та незалежність.

Матеріали, що розповідають про події того часу, уперше були зібрані нами у 2005 році до 60-річчя Перемоги у збірнику «Вища медична школа Харківщини в роки Великої Вітчизняної війни». За останні 10 років кропітка робота з ветеранами війни, їхніми спогадами, документами, що були знайдені, дала можливість видати до 70-річчя Перемоги друге видання цього збірника. На наш погляд, це треба зробити неодмінно, бо майже не залишилося свідків цих подій, а історична правда про минуле повинна залишитися обов'язково.

Уходять у минуле події, уходять люди — їх свідки та учасники. Але кожне нове покоління молодих лікарів, яке буде виходити з нашого університету, повинно знати про ці героїчні сторінки історії своєї alma-mater. Знати, щоб пам'ятати, знати, щоб пишатися, знати, щоб так, як їх попередники, самовіддано виконувати свій громадський та професійний обов'язок.

Ректор
Харківського національного
медичного університету
професор
В.М. Лісовий

КНИГА ПАМ'ЯТІ

Харківського національного медичного університету

1. Абрамов Іван Андрійович, 1917 р. Військлікар. Загинув у 1943 р.
2. Арнольд Дмитро Дмитрович, 1916 р. Майор медслужби, ком. 228 окр. мсб 88 с.д. Загинув 05.02.1945, захищаючи поранених, у р-ні м. Зелениця (Грюнвальд), Польща. Похований у м.Каунасі.
3. Аршавський Абрам Мойсейович, 1914 р. Військлікар 3 рангу. Загинув у 1942 р.
4. Белецька Наталя Андріївна. Ст. м/с СЕГ, мол. лейтенант м/с, ст. викладач кафебри латинської мови. Померла
5. Белинська Лариса Павлівна. М/с ППГ ст. сержант м/с, проф. кафедри пропедевтики внутрішніх хвороб. Померла
6. Белік Володимир Леонтіївич. Сержант, ас. кафедри філософії. Помер
7. Бер Лев Соломонович. Випускник ХМІ 1927 р., професор-хірург. Помер (отруївся) у 1941 р. під час окупації Харкова в бараках на ХТЗ. Оперував до останніх днів.
8. Бейзеров Лев Мойсейович, 1919 р. Молодший лікар 327 с.д. Пропав без вісті у червні 1942 р.
9. Берфман Абрам Ісаакович, 1914 р, м. Горлівка, Донецької обл. Військлікар, загинув.
10. Біленко Лев Ісаакович, 1911 р. Капітан мед.служби, ст. лікар 1083 с.п. 312 с.д. Загинув 27.07.1944 р. під час форсування р. Західний Буг (Польща).
11. Богатиренко Галина Андріанівна, 1920 р. Молодший лікар 1127 с.п 337 с.д. Загинула 22.02.1942 р. Похована: с.Гусарівка, Харківської обл.
12. Богданов Іван Петрович. Закінчив інститут у 1942 р. Військлікар. Загинув у 1945 р. під Берліном.
13. Бодня Ігор Федорович. Капітан, командир мінометної батареї, зав. кафедри рентгенології. Помер.
14. Болванович Тимофій Іванович. Випускник ХМІ 1924 р. Військлікар. Загинув у 1941 р. під Києвом.
15. Болюх Віра Анатоліївна. Військлікар 3 рангу. Загинула
16. Бондаренко Іван Павлович. Рядовий, професор, зав. кафедри терапії. Помер.
17. Борц Ольга Єремеївна — 1897 р. Асистент клініки госпітальної терапії 1-го ХМІ, загинула в 1941 р. у Дробицькому Яру м.Харкова.
18. Бранзбург Євген Данилович. Радіст, доц. кафедри філософії. Помер.
19. Брауде Рафаїл Ілліч. Закінчив інститут у 1942 р. у Чкалові, отримав диплом з відзнакою. Учасник Сталінградської битви від її початку до кінця. Загинув у 1943 р.
20. Буганов Гаджи Османович. Командир повітряно-десантного підрозділу. Помер
21. Бурлаченко Георгій Андрійович. Майор м/с, зав. відділенням ЕГ, зав. кафедри рентгенології. Помер.

22. Бутков І. Випускник педіатричного факультету 1-го ХМІ 1939 р. Військлікяр. Загинув
23. Валь Григорій Аронович. Випускник лікувального факультету 1-го ХМІ 1940 р. Диплом з відзнакою. Військлікяр. Загинув у 1944 р.
24. Васильченко Василь Опанасович, 1916 р. Ст.лікяр. 327 с.п. Загинув у 1941 р.
25. Ведмедко Яків Андрійович, 1918 р. Військлікяр 3 рангу. Ком.санвзвода 302 с.п 29 с.д. Загинув 23.08.1943 р.
26. Венгеровський Давид Оскарович, 1914 р., м. Харків. Аспірант кафедри патологічної фізіології. Призваний у червні 1941 р. Пропав без вісті.
27. Волович(к) Борис Меерович, 1872 р. Лікар 4-ої поліклініки м. Харкова, акушер-гінеколог, професор. Загинув у 1941р. у Дробицькому яру.
28. Височанський Микола Федорович, 1917 р. Ст. лікар 339 с.д. Загинув 07.01.1943 р.
29. Вишинський Трохим Трохимович, 1918 р., с.Троїцьке, Дніпропетровської області. Ст.лікяр 1161 с.п 540 с.д 57А. Загинув 07.07.1942 р. Похований: братська могила с. Вікторополь, Вейделевського р-ну, Білгородської обл., Російська Федерація разом з розстріляними пораненими, яких виводив з оточення.
30. Ганелін Захар Йосипович, 1918 р., молодший лікар, загинув (Дніпро).
31. Гейко Дмитро Єфремович. Проф. кафедри патологічної анатомії. Помер
32. Голюга Іван Антонович. Військлікяр 3 рангу. Загинув.
33. Гончаров Олександр Олексійович, 1919 р. Військлікяр 3 рангу. Загинув в жовтні 1941 р.
34. Грицай Панас Карпович, 1901 р. В/лікяр 2-го рангу, командир сан.-епід загону, підполковник м/с. доц. кафедри епідеміології. Призваний 23.06.1941 р. Загинув у лютому 1943 р. поблизу м. Харкова, виконуючи спецзавдання.
35. Грищенко Іван Іванович. Капітан м/с, ведучий хірург евакошпиталей, зав. кафедри акушерства і гінекології. Помер.
36. Гуревич Лев Михайлович, 1919 р. Військлікяр 3 рангу 375 с.п. 36 с.д. Загинув у жовтні 1941 р.
37. Дмитренко Петро Гордійович, 1915 р. с.Ярмолинці, Роменського р-ну, Сумської обл. За рекомендацією колгоспу поступив у 1-ий ХМІ, в 1939 р. закінчив навчання на санітарно-гігієнічному факультеті. Військлікяр. Загинув.
38. Добродомов Яків Тимофійович, 1918 р. Військлікяр 3 рангу. Загинув.
39. Дуденко Григорій Іванович. Рядовий, розвідник, зав. кафедри загальної хірургії. Помер.
40. Дукаревич Яків Соломонович, 1920 р., м. Мелітополь, Запорізької обл. Студент 1 курсу 1-го ХМІ. Призваний Київським РВК м. Харкова у листопаді 1939р. Пропав без вісті у січні 1941 р.
41. Ёнь Василь Павлович. Військлікяр 3 рангу. Загинув.
42. Єфименко Іван Михайлович, 1912 р. Військлікяр 3 рангу, ком. медсанроти, 1157с.п 347 с.д. Пропав без вісті у 1941 р.

43. Єфремов В.І. Закінчив у 1939 р. лікувальний факультет 1-го ХМІ. Загинув.
44. Жаріков Семен Тимофійович, 1909. Військлікяр 3-го рангу, командир 341 ОМСБ 301 с.д. Пропав без вісті у вересні 1941 р.
45. Журавльов Семен Павлович, 1915 р. Військлікяр, ком. медсанроти, 1175 с.п 347 с.д. Пропав без вісті у 1941 р.
46. Загорін Павло Іванович. Політрук батальйону, доц. кафедри історії і політології. Помер
47. Задорожний Борис Якимович. Помічник командира стрілкового взводу, проф., зав. кафедри шкірно-венеричних хвороб, ректор ХМІ. Помер
48. Зікеєва Ніна Сергіївна. Радистка, доц. кафедри мікробіології, вірусології та імунології. Померла.
49. Іост Володимир Іванович. Підполковник м/с, гол. хірург ФЄП, зав. кафедри шпитальної хірургії. Помер.
50. Калашник Василь Михайлович. Гвардії ст. лейтенант, командир батальйону, ст.. викл. Кафедри філософії. Помер.
51. Камінська Віра Олександрівна, 1896 р., м. Харків. Лікар 4-ої поліклініки. Загинула в Дробицькому яру в період окупації Харкова (1941 р.)
52. Каспін Михайло Ілліч, 1919 р. Ст. лікар 1114 с.п 328 с.д. Пропав без вісті у березні 1942 р.
53. Кестенбаум Мойсей Лазарович, 1918 р. Ст. лікар 321 арт.п. Пропав без вісті у жовтні 1942 р. (загинув під Ростовом).
54. Красильников Микола Костянтинович, 1914 р., м. Харків. Закінчив лікарський факультет 1-го ХМІ. Голова екзаменаційної комісії професор Шевандін М.М. рекомендував його на лікувально-практичну роботу. Військлікяр. Загинув.
55. Кретов Іван Федорович, 1919 р. Ст.лікар 1165 с.п, пропав без вісті у жовтні 1941 р.
56. Кудинцев Василь Іванович. Військлікяр 2-го рангу, член військово-санітарного управління Західного фронту, доц.. кафедри шпитальної хірургії. Помер.
57. Кудинцева Олімпіада Стефанівна. Капітан м/с, ведучий хірург евакошпиталей, ас. кафедри шпитальної хірургії. Померла.
58. Лобко-Лобановський Всеволод Володимирович, 1919 р. Військлікяр 3 рангу. Загинув.
59. Максимова Віра Миколаївна. Нач. фізіотерапевтичного відділення АПГ, проф., зав. кафедри лікувальної фізкультури. Померла.
60. Малая Любов Трохимівна. Майор м/с, зам. нач. шпиталю, проф., зав. кафедри шпитальної терапії. Померла.
61. Малюков Віктор Михайлович. Рядовий, доц. кафедри шпитальної терапії. Помер.
62. Мамедов Гюльмар, 1921 р. Військлікяр 3 рангу. Загинув 13.12.1942 р.
63. Марченко Микола Петрович. Гвардії ст. лейтенант, зам. командира батальйону, зав. кафедри судової медицини. Помер.

64. Мінц Хая Абрамівна. Зав. відділом інституту Охматдит. В окупованому Харкові у грудні 1941 р. розстріляна по дорозі до Дробицького яру за різку відповідь на образи з боку німецького офіцера.
65. Мігасов Іван Григорович. Капітан м/с, фельдшер медсанбату, проф., зав., кафедри факультетської хірургії. Помер.
66. Морговський Борис Оскарович, 1911 р, м. Радомишль, Київської обл. Військлікар. Загинув.
67. Москаленко Катерина Григоровна. Мол. лейтенант м/с, фельдшер батальйону, доц.. кафедри комунальної гігієни. Померла.
68. Недохлебов Володимир Петрович, 1882 р, м. Харків. Зав. кафедрою загальної хірургії, професор 2-го Харківського медичного інституту. З 27.07.1941 р. оперував поранених воїнів Радянської Армії у клініці інституту. Розстріляний гестапо у січні 1942 р. в окупованому Харкові.
69. Овденко Олександр Васильович. Лейтенант, нач. розвідки арт. дивізіону, зав. кафедри іноземних мов. Помер.
70. Одинцов Борис Олександрович, 1915 р. Військлікар 3 рангу, Північно-Кавказький військовий округ. Пропав без вісті у 1941 р. Був у розпорядженні нач. сануправління ПКВО.
71. Ольхов Юрій Ісаакович, 1918 р. Ст. лікар 36 гв.к.п 10 козачої. к. д. Загинув 08.10.1944 р.
72. Онищак Іван Опанасович, 1918 р. Військлікар 3 рангу. Мол.лікар с.п. Північно-Кавказького фронту. Пропав без вісті у 1941 р.
73. Павленко Григорій Андрійович, 1915 р. Капітан м.с., ст. лікар 547 арм. мін.п. Загинув 24.04.1945 р.
74. Панченко Степан Мартинович, 1916 р. Військлікар 699 с.п 393 с.д. Пропав без вісті в травні 1942 р.
75. Парафейник Григорій Митрофанович. Старшина, командир сан. взводу, доц.. кафедри інфекційних хвороб. Помер.
76. Пейсахін Яків. У 1942 р. закінчив лікувальний факультет 2-го ХМІ. Військлікар. Загинув.
77. Пеньков Михайло Олександрович. Штурман дальньої авіації, проф., зав. кафедри очних хвороб. Помер.
78. Перепечай Олексій Степанович. Ст. сержант, командир орудія, зав. сектором військового обліку. Помер.
79. Пестунович В., закінчила інститут у 1938 р. Загинула в окупованому Харкові на ХТЗ.
80. Пікін Костянтин Іванович. Підполковник м/с, армійський хірург, проф., зав. кафедри-факультетсько-шпитальної хірургії. Помер.
81. Пиливод Олексій Демидович. Військлікар 3 рангу. Загинув.
82. Плохий Павло Іванович. Військлікар 3 рангу. Загинув.
83. Подорожанський Ісаак Абрамович, 1919 р., м. Харків. Військлікар 3 рангу. Пропав без вісті у 1942 р.
84. Побережська Ф.І. Асистент клініки 1-го ХМІ у 1-й міськлікарні. Під час окупації Харкова розстріляна разом з дочкою в грудні 1941 р.

85. Попович Михайло Васильович, 1916 р. Ст.лікар 1151 с.п 343 с.д. Загинув 01.07.1942 р.
86. Ранцева Ольга Михайлівна, 1920 р. Мол.лікар с.п. Загинула 17.05.1942 р. у м. Ізюмі, Харківської обл.
87. Рахманінов Іван Миколайович, 1894 р., м Харків. Асистент кафедри госпітальної терапії 1-го ХМІ, працював у підпіллі (група проф. О.І. Мещанінова). За втечу військовополонених був розстріляний у лікарні німецьким офіцером.
88. Резнікова-Костелянська Єлизавета Лазарівна, 1893 р., м.Харків. Викладач 2-го-ХМІ. Розстріляна в грудні 1941 р. під час окупації Харкова фашистами.
89. Репринцев Михайло Іванович, 1919 р. Ком.санроти 1175 с.п 347 с.д. Пропав без вісті у 1942 р.
90. Риканд Борис. Закінчив 2-ий ХМІ у 1942 р. Військлікар. Загинув.
91. Рязанцев Олег Васильович, 1917 р. Ст.лікар 1106 с.п. Загинув 06.12.1941 р.
92. Саксонов Борис Соломонович, 1918 р. Ст.лікар 1151 с.п 343 с.д. Загинув 21.11.1942 р.
93. Сафронова Віра Григоровна. Гвардії капітан м/с, ординатор мед. сан-взводу, ас. кафедри госпітальної терапії. Померла.
94. Селіванов Анатолій Якович, 1918 р. Мол.лікар с.п 345 с.д. Пропав без вісті у жовтні 1941 р.
95. Сербін Петро Закінчив 2-ий ХМІ у 1942 р. (лікувальний факультет). Військлікар. Загинув.
96. Сердюк Михайло Іванович, 1917 р. с Яхники, Лохвицького р-ну, Полтавської обл. Закінчив лікувальний факультет 1-го ХМІ у 1939 р. з відзнакою. Цікавився оперативною хірургією, працював у студентському науковому гуртку. Військлікар. Загинув.
97. Скиба Сергій Іванович. Рядовий, командир сан. взводу, доц. кафедри епідеміології. Помер.
98. Соболев Леонід Андріанович., професор, зав.кафедрою шкірних і венерічних хвороб 1-го ХМІ. Помер на амбулаторному прийомі в Чкалові (евакуація) 21.11.1943 р.
99. Соркін Яків Григорович, 1918 р. Ст.лікар 1151 с.п 343 с.д. Загинув 21.11.1942 р.
100. Спиридонов Леонід Арефійович, 1918 р. Військлікар 3 рангу. Загинув.
101. Стенкін М.М. Закінчив сан-гіг. факультет 1-го ХМІ у 1939 р. Військлікар. Загинув.
102. Ступаков Василь Якович, 1920 р. Ст. лейтенант м/с п/п 141 45 «Т». Загинув 23.04.1945 у Польщі.
103. Татаренко Віктор Олександрович. Старшина батареї мінометної бригади, проф., зав. кафедри судової медицини. Помер.
104. Телевний Леонід Григорович, 1915 р. Військлікар 3 рангу. Помер від ран 06.03.1942 р.

105. Тихонова Тетяна Іванівна. Ст. лейтенант м/с, ведучий хірург шпиталів, проф., зав. кафедри шпитальної хірургії. Померла.
106. Тогер Григорій Гензельович, 1918 р. Військлікар, ком.санроти 697 с.п 393 с.д. Пропав без вісті у 1942 р.
107. Трубніков Віктор Пилипович. Сержант, командир мінометного розрахунку, проф., зав. кафедри ортопедії і травматології. Помер.
108. Туревський Рафаель Ілліч. Військлікар 3-го рангу, полковий лікар 278 с.д. Пропав без вісті 16.07.1942 р.
109. Тучинський О.Г. Закінчив лікувальний факультет 1-го ХМІ у 1939 р. Військлікар. Загинув.
110. Фоміна Ніна Закінчила лікувальний факультет 2-го ХМІ у 1942 р. Військлікар. Загинула.
111. Фрішман Микола Михайлович. Зав.кафедрою педіатрії 1-го ХМІ з 1920 р. Професор. Помер у Чкалові (евакуація) у 1944 р.
112. Хильменко Олександр Калістратович, 1918 р. Військлікар. Загинув.
113. Хрущ Іван Євгійович. Військлікар 3 рангу. Загинув.
114. Цинмер А (О?). Закінчив лікувальний факультет 2-го ХМІ у 1942 р. Військлікар 3 рангу. Загинув.
115. Черненко Володимир Дмитрович. Ст. сержант, санінструктор стрілецької роти, проф., зав. кафедри епідеміології, ректор ХМІ. Помер.
116. Чернявський Є. Закінчив лікувальний факультет 2-го ХМІ у 1942 р. Військлікар. Загинув.
117. Чуприна Йосип Іванович, 1915 р. Військлікар 3 рангу. Ординатор 275 мсб. Пропав без вісті у 1942 р.
118. Чурилін Іван Іванович, 1915 р. Військлікар 3 рангу. Загинув у 1942 р.
119. Шапіро Йосип Ісаакович. Капітан м/с, нач. відділення ЕГ, доц., кафедри анатомії. Помер.
120. Шаповал Володимир Іванович. Мол. лейтенант м/с, фельдшер санітарної роти, проф., зав. кафедри урології. Помер.
121. Шарлай Роман Іванович. Майор м/с, гол. терапевт 28-ї армії, проф., зав. кафедри шпитальної терапії, директор ХМІ. Помер.
122. Шевандін Михайло Миколайович, 1876 р. Зав.кафедрою факультетської хірургії, професор 2-го ХМІ. З 01.09.1941 р., оперував поранених радянських воїнів у клініці інституту. Розстріляний гестапо у січні 1942 р. в окупованому Харкові.
123. Шехель Сімхе Мойшович, 1921 р. Військлікар 3 рангу. Загинув 05.08.1942 р.
124. Шкіль Олександр Михайлович. Ст. сержант, командир зенітного озброєння, доц., кафедри ЛОР-хвороб. Помер.
125. Шматкова Зоя Федотівна. Військлікар 3 рангу. Загинула.
126. Шмуттер Яків Фіселійович. Асистент кафедри фізики 1-го ХМІ-Призваний у червні 1941 р. Військлікар. Загинув.
127. Штанева Ганна Савішна. Сержант тех. служби танкових військ, секретар ректорату. Померла.

128. Штельмах Микола Іванович. Рядовий, мінер, проф., зав. кафедри пропедевтики внутрішніх хвороб №1. Помер.
129. Шульга Юрій Дмитрович. Ст. лейтенант м/с, командир шпитального взводу медсанбату, проф., зав. кафедри пропедевтики внутрішніх хвороб №2. Помер.
130. Шербина Ольга Павлівна. Сержант, ст. писар, доц. кафедри шпитальної педіатрії. Померла.
131. Шокін Клавдій Іванович, 1919 р. Військлікар, нач.сан.служби 904 арт.п. 351 с.д 57 А. Загинув 04.02.1942 р.
132. Юрченко Станіслав Данилович – старшина, командир радіо відділення ЗДУ арт. полку 1 Українського фронту, доцент кафедри терапевтичної стоматології. Помер.

**ВУСТАМИ
СПОГАДІВ
І ПАМ'ЯТІ**

КАК НАЧИНАЛАСЬ ДЛЯ МЕНЯ ВОЙНА...

22 июня 1941 года мы сдавали экзамен по хирургии профессору В.П. Недохлебову. Экзамен завершился успешно, и мы весёлой шумной гурьбой высыпали на ул.Тринклера, оживлённо обсуждая, куда пойти отдохнуть. Но что-то сразу нас поразило: люди шли молчаливые, строгие, казалось, в воздухе разлита какая-то тревога. Мы стали спрашивать: «Что произошло?». И нам ответили, что началась война...

*П.Я.Шульга,
врач-фтизиатр, выпускница ХМИ-2.*

О начале войны я узнал, находясь в Красной Армии, когда служил фельдшером 331 гаубичного артполка. Мы дислоцировались в районе Житомира и в это время находились в летних лагерях.

Был воскресный день, ярко светило солнце, откуда-то доносилась музыка, а на зелёном поле стадиона, с удивительно свежей травой, играли в волейбол. И вдруг прямо на поле выехала агитмашина. Все замерли. На машине во весь рост стоял полковой политрук. От него мы узнали о начале войны. Был дан сигнал сбора, полк срочно возвращался на основную базу.

*И.Г.Митасов,
д.м.н, профессор.*

В центре нашего села висел рупор громкоговорителя. В тот воскресный июньский день, ближе к 12.00., из репродуктора раздались торжественные позывные, и голос диктора объявил, что нас ждёт важное правительственное сообщение. А в полдень выступил В.М. Молотов и объявил о вероломном нападении фашистской Германии на нашу страну. Нам было по 15 лет, и мы были уверены, что война закончится очень быстро. А поэтому сожалели лишь об одном, что не удастся принять участие в защите Родины. Разве могли мы предположить, что война продлится долгих 4 года.

*В.Д.Черненко, д.м.н.,
профессор.*

22 июня 1941 года в 4.00. бомбили Киев, аэродром в Жулянах. Я слышала взрывы, но подумала, что это учебные залпы зениток. С утра пошла в библиотеку, так как предстоял экзамен по хирургии. Я обрадовалась, потому что студенческий зал библиотеки был полупустой. Но обратила внимание на то, что читатели собирались по несколько человек, о чём-то негромко говорили. Никаких приветственных улы-

бок. А в 12.00 все собрались в подвале у репродуктора. Речь В.М.Молотова объяснила всё. Яркий солнечный день погас от сотен омрачённых и встревоженных лиц людей.

*Т.Т.Чёрная, д.м.н.,
профессор.*

МОИ ВОЕННЫЕ ДОРОГИ

Последний год перед войной я был студентом Одесского института инженеров водного транспорта. С началом Великой Отечественной войны призван в ряды Красной Армии и вскоре стал курсантом артдивизиона при Новочеркасском кавалерийском училище. В октябре и ноябре 1941 года вместе с училищем (курсантский полк) участвовал в боях на Южном фронте рядовым в минометном расчете.

По окончании училища в конце февраля 1942 года в звании лейтенанта был направлен на Западный фронт во 2-й Гвардейский кавалерийский корпус, где до ноября 1942 года командовал минометным взводом. В ноябре 1942 года под г. Ржевом был тяжело ранен.

После излечения в марте 1943 года снова прибыл во 2-й Гвардейский кавалерийский корпус и был назначен заместителем командира батареи 76-мм орудий. С июня 1943 года и до конца войны был командиром минометной батареи 61-го Гвардейского кавалерийского полка.

В составе 2-го Гвардейского кавалерийского корпуса прошел с боями от Подмосковья через Брянские и Смоленские леса, по земле Белоруссии и Западной Украины до границы с Польшей. С июля 1944 года участвовал в боях в Польше, в освобождении Варшавы, а затем в наступлении от Вислы через Померанию до Одера. Корпус принял активное участие в Берлинской операции и победно закончил войну на берегу реки Эльбы.

2-й Гвардейский Померанский Краснознаменный и ордена Суворова кавалерийский корпус десять раз отмечался в приказах Верховного Главнокомандующего за отлично проведенные боевые операции. А газета «Правда» 19 сентября 1943 года в передовой статье писала: «Новой славой покрываются боевые знамена 2-го Гвардейского кавалерийского корпуса. Советские кавалеристы показали образцы отличной боевой выучки, стойкости и умения маневрировать».

В сентябре 1943 года корпус прорвался в тыл немецких войск и, двигаясь глухими местными дорогами, отбивая вражеские контратаки, вышел к берегу Десны и форсировал ее. Этот удар по вражеским тылам сорвал план гитлеровского командования организовать обо-

рону в районе Брянска. Противник, бросив в бой сильную группу войск, пробовал улучшить свое положение. Но многочисленные атаки «штурмовых» и других дивизий, поддержанные «тиграми» и «пантерами», повторными бомбежками с воздуха, были отбиты, и ничто не смогло сломить мужества наших бойцов. Эта операция помогла нашим войскам выбить группу вражеских армий «Центр» с района Бежицы — Брянска и заставить ее отойти на Запад. Корпус за эту операцию был награжден орденом Красного Знамени.

Сражаясь в рядах этого славного соединения и командуя минометной батареей, я принимал посильное участие в победных действиях наших войск в Великой Отечественной войне. Приходилось не досыпать ночей, мерзнуть в окопах, но, преодолевая усталость, идти вперед! Идти под бомбежкой, артиллерийским и минометным обстрелом, под пулеметным огнем. Идти в дождь и зной, метель и холод. При этом личные подвиги на фоне всего, что выдержал и совершил наш народ в Великой Отечественной войне, являются такими маленькими, что вспоминать о них нескромно даже перед самим собой. Но за отличное выполнение боевых заданий командования на фронте, борьбу с немецко-фашистскими захватчиками и меткий огонь батареи награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды и медалями.

*К.м.н., доц., бывший зав. кафедрой
рентгенологии И.Ф. Бодня. 1979 р.*

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ — УРОК ДЛЯ ПОКОЛЕНИЙ.

Чем дальше уходит время от окончания Великой Отечественной войны, тем меньше остается ее участников — очевидцев этого страшного международного побоища, унесшего миллионы невинных человеческих жизней. Войны готовятся в теплых кабинетах министерств генералами, а выполняются на полях больших и малых сражений офицерами и солдатами с погибшими, ранеными, инвалидами, горем родителей, вдовами, сиротами, изменением жизненных планов и представления о справедливых и несправедливых войнах, таких как Великая Отечественная, Афганская или Чеченская. Конечно, первая была справедливая, освободительная, хотя с большими человеческими и материальными потерями, которые и до сих пор дают о себе знать.

Как известно, война не была внезапной, к ней готовились. Готовили как материальную часть, так и осознание людьми предстоя-

ших событий. Был девиз: «...И на вражьей земле мы врага разобьем малокровным кипучим ударом». Так и я, будучи подростком, был подготовлен к началу этой страшной в последующем бойни. И такое представление было у очень многих. Поэтому на Украине в начале войны патриотически настроенные люди ждали великих побед Красной Армии, которая, к сожалению, терпела поражение за поражением. Под предлогом «тактических маневров» и «выравнивания линии фронта» откатывалась на восток, стараясь уничтожить все, что могло бы как-то пригодиться оккупантам, оставляя беззащитных стариков, детей, солдатских жен, вдов и невест на издевательство врагам. Силы Красной Армии и наших врагов были явно неравные, мы, к сожалению, значительно превышали мощь нашей армии в своем сознании.

Наступили черные дни фашистской оккупации. Немцы стремились, что могли, вывезти из Украины: хлеб, скот, производственное оборудование, молодежь на работы в Германии. Оккупация длилась два года. В сентябре 1943 года дождался освобождения. Радость была беспредельной. В армию призвали тех, которые не могли быть призваны при отступлении из-за молодого возраста, и людей старше 50-ти лет, кого в воинские подразделения, а кого на восстановительные работы в Донбасс. Дома у нас осталась одна мать-инвалид: два сына — в армии, муж — в Донбассе. Война, военная разруха, непрерывные мобилизации окончательно подорвали сельское хозяйство, а страна требовала хлеба и до хлеба для армии и трудового фронта. Было очень трудно и на фронте, и в тылу, но трудности отступали перед радостью сознания, что война близится к концу.

Меня призвали в Красную Армию на третий день после освобождения нашего села от фашистских захватчиков. Было это в сентябре 1943 года.

Война шла уже в Белоруссии, где в одном из боев я был ранен. За боевые заслуги меня наградили орденом солдатской «Славы» III ст.

Рана моя заживала медленно, но через месяц меня выписали из госпиталя, направили шофером в автополк по доставке боеприпасов и продовольствия для воинских частей. Кроме того, по договоренности с временным правительством Польши подразделения заготавливали хлеб, мясо и другие продукты питания у местного польского населения для нашей армии. Последнее вызывало негодование у некоторых слоев населения, особенно у владельцев крупных сельских хозяйств: помещиков, предпринимателей и богатых крестьян. Они стремились оказать сопротивление через людей Бур-Комаровского — руководителя неудавшегося Варшавского восстания и Армии Крае-

вой: те и другие — сторонники Лондонского польского правительства в экиле. Днем они вели, казалось бы, обычный образ жизни, в действительности же следили за перемещением наших подразделений, а ночью обстреливали и уничтожали наших солдат и местное население, которое стремилось помочь нашей армии.

Освобождая Польшу, наш автополк оказывал помощь частям, бравшим Варшаву, Лодзь, Быдгощ, в форсировании Вислы. Гнетущее впечатление оставила Варшава — столица Польши. Ее почти полностью разрушили немцы, подавляя восстание жителей города. Сотен тысяч жизней наших и польских людей стоила независимость этой страны.

Немецкие войска в это время несли уже большие потери, чем мы. 1-го февраля 1945 года Красная Армия, стремительно развив наступление, на плечах отступающих войск противника вышла на реку Одер к Кюстрину и заняла важный плацдарм на левом берегу. Пришла расплата за содеянные злодеяния в саму Германию.

В марте меня перевели в группу по обслуживанию офицеров связи штаба 1-го Белорусского фронта, которым командовал на завершающем этапе маршал Г.К.Жуков. Я получил новую машину «Виллис», расширился радиус моих поездок по воинским частям. Везде готовились к окончательному разгрому фашистской Германии, захвату Берлина раньше, чем это могли бы сделать наши союзники: США, Англия, Франция. Немецкое командование предпринимало все возможное и невозможное, чтобы задержать нашу армию на Одере. Однако 16 апреля началось генеральное наступление по всему фронту. С большим трудом войска преодолели Зееловские высоты, и 21 апреля передовые части прорвались к окраинам Берлина. Город горел, был весь в дыму, много разрушенных домов, улицы перекрыты кирпичными завалами, заграждениями, на фасадах освобожденных домов выброшены белые простыни — знак капитуляции. В боях за Берлин мужественно сражались все рода войск.

Как многие участники войны, я оставил памятную надпись на стенах рейхстага и продолжал служить в Красной Армии до апреля 1947 года. В это время наша армия была самой мощной, ей не было равных в мире, с этим считались наши союзники по военному блоку, но уже в то время они готовились к новому переделу мира любыми способами. Это удалось им сделать через 45 лет после окончания Великой Отечественной войны. Жаль, что такое мощное государство, как Советский Союз, развалилось, образовались новые государства, в том числе и независимая Украина. Из истории известно, что такая независимость в прошлом Украине давалась большой кровью, сейчас — мирным путем.

В послевоенное время мне хотелось учиться в медицинском институте, стать врачом. Государство в то время поощряло фронтовиков при поступлении в институты, техникумы, во время учебы помогало стипендией, общежитием. Без этой помощи мне и моему брату-фронтовику — студенту сельхозинститута — не выжить бы на колхозных трудоднях родителей, особенно в первые годы учебы. На 5 курсе, когда в стране снова возникло военное напряжение, меня призвали в Советскую Армию, и я стал слушателем военно-медицинского факультета при Харьковском медицинском институте. В 1953 году окончил учебу, получил диплом врача, служил младшим военным врачом в Забайкальском военном округе. Уволился в запас в 1956 г. при сокращении армии более, чем на миллион человек. С тех пор работал участковым врачом, аспирантом по терапии, защитил кандидатскую диссертацию, работал ассистентом. Был командирован консультантом-терапевтом в больницу Совета Министров Монгольской Народной Республики, избран доцентом, защитил докторскую диссертацию, стал заведующим кафедрой, профессором. Теперь сотрудник Института терапии АМН Украины, оказываю помощь молодым врачам и больным людям. Мой труд оценен тремя орденами, многими медалями и почетными грамотами.

Наше государство проявляет заботу о фронтовиках-пенсионерах Великой Отечественной войны. Да, эта война была справедливой, мы защищали свое отечество от захватчиков, нас не называли и не называют поработителями, как в Афганистане или Чечне. Строительство новой державы Украины дается очень трудно. Хорошо, что не повторились у нас Круты, бендеровщина и чеченский вариант. Мы помним, как «Гомоніла Україна, довго гомоніла, а кров лилася в річки — вода червоніла». Нашим преемникам всегда нужно помнить, что враг не дремлет, постоянно ищет щель, чтобы снова под фальшивыми лозунгами «освобождения» поработить украинский народ. Надо не воевать, жить дружно с соседями, решать спорные вопросы мирным путем.

В этом кратком изложении моей солдатской судьбы словно оживает биография целого поколения, жизнь которого связана с героической судьбой нашей Родины.

*Д.м.н., профессор И.П.Бондаренко.
2003 г.*

БУДНИ АВИАЦИОННОГО МЕХАНІКА

В сентябре 1940 года после окончания средней школы я поступил учиться в авиационное училище гражданского воздушного флота на авиационного механика по эксплуатации самолетов. Однако в январе 1941 года нас, курсантов, перевели в военное Серпуховское объединенное училище летчиков и механиков. Тут нас и застала война.

Что особенно ярко врезалось в мою память, какие эпизоды Великой Отечественной войны запомнились? Прежде всего, сам труд авиационного механика — труд напряженный, кропотливый, порой незаметный. Нам, механикам, надо было в самых экстремальных условиях, нередко под бомбардировкой врага, в любую погоду, днем и ночью так подготовить материальную часть самолета, чтобы он был способен в руках летчика выполнять любые задания. Поэтому я считаю труд авиационного механика также подвигом.

Какой бы хотелось вспомнить эпизод из того страшного времени? Это было уже на границе Польши и Германии. Нас подняли в полночь. Командир полка сообщил нам, что на территорию так называемой «ничейной земли» упал подбитый немецкими истребителями наш штурмовик ИЛ-2. Неизвестно, остался ли летчик живым. Надо немедленно ехать к «ничейной земле» и спасти летчика, если он не разбился насмерть. В числе трех механиков был и я. Мы вызвались добровольно.

Когда мы подъехали на машине к границе «ничейной земли», нас встретили советские офицеры наблюдательного пункта. Они показали нам торчащее из земли крыло штурмовика, врезавшегося в землю, и предупредили, что наш самолет «пристрелен» фашистами. То есть, каждый, кто покажется у самолета, мгновенно будет изрешечен пулями. Нам посоветовали ждать ночи. Но мы не могли так поступить. Возможно, летчику, если он еще жив, нужен глоток воды или перевязка. Мы поползли к самолету, но уже через минуту нас засекли. Пронзительно тонко зажужжали снаряды, которые разорвались в нескольких шагах от нас. Мы были засыпаны комьями земли. Пришлось вернуться к НП ни с чем. Тогда кто-то из нас (точно не помню кто) предложил взять косы, и как немцы-крестьяне, которые между паузами перестрелок косили рожь, также замахать косами, сняв гимнастерки и пилотки для того, чтобы приблизиться к самолету. Наш трюк удался. По нам не стреляли. Летчик был спасен. Ночью мы его переправили в часть.

Свой боевой путь в действующих полках я прошел с Курской дуги (1943 г.) до г. Ростка в Германии, до дня Победы.

*Канд. философ. наук,
доцент кафедры философии, Е.Д. Бранзбург. 1979 г.*

ХАРЬКОВУ. 22 МАЯ 1942 г., г. ЧКАЛОВ

На фронте и в тылу люди жили ожиданием Победы и верой в неё. Об этом стихотворение профессора Ю.О.Габеля, заведующего кафедрой органической химии ХМИ (1931–1949). Оно написано в эвакуации в г. Чкалове (ныне г. Оренбург) и посвящено любимому г. Харькову.

...Люблю твоих я улиц кривизну,
Люблю твоих окраин старину.
Есть прелесть в сочетаньи
Твоих бетонных мощных зданий
С лачужками смешными,
Со ставнями косыми...
Люблю закатом освещенный
Твой парк. Я в нём под тенью клёна
Нередко отдых находил,
Сосну там в детстве посадил.
Красив наряд твой снежный,
Май тихий твой и нежный.
Осенних красок яркие узоры
Перед моим проходят часто взором.
Люблю вечерний шум я улиц главных,
Где твой троллейбус мчится плавный.
Мы с детских лет друзья с тобой.
Я знаю каждый камень мостовой.
На пустырях твоих ребёнком я играл.
Потом тебе свои я знанья отдавал.
Я помню облик прежний твой
И о другом мечтал порой...
Я наблюдал с восторгом, восхищеньем
Твоих годов последних превращения.
Проклятый враг сейчас глумится над тобой.
Теряю я от мысли этой свой покой...
Мой город, дорогой, прекрасный,
Люблю тебя! Как остро, страстно

Теперь свою лелею я мечту —
Я, как влюблённый, встречи нашей жду.

22мая 1942 г. г.Чкалов
Ю.О. Габель

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Грицай Афанасий Карпович родился в 1901 году в семье бедного крестьянина в с. Бобрик, Сумской обл., Роменского района. Окончив среднюю школу, работал санитаром в больнице г. Ромны и готовился к поступлению в ВУЗ. В 1921 г. по направлению комнезама (комитет незаможных селян) поступил в Харьковский медицинский институт на санитарно-гигиенический факультет и окончил его в 1926 г. В том же году был зачислен аспирантом на кафедру эпидемиологии и микробиологии при Наркомпросе (Народный комиссариат просвещения), одновременно работая энтомологом, а позднее заведующим Харьковской городской малярийной станцией при Горсанэпиде. В 1934 г. прошел по конкурсу ассистентом на кафедру эпидемиологии и микробиологии Харьковского медицинского института (зав. академик, проф. Соловьев М.Н.). С 1939 г. — работал доцентом на той же кафедре до 26 июня 1941 г., т. е. до мобилизации в ряды Красной Армии. В 1939 г. участвовал в освободительном походе в Западной Украине в должности дивизионного эпидемиолога.

Будучи студентом, Афанасий Карпович состоял в научном кружке по изучению малярийной инфекции и в дальнейшем много работал в этой области. В 1938 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Методика и практика противомаларийной работы в системе поликлиники и диспансера». С 1938 по 1941 гг. работал по совместительству заведующим эпидемиологическим отделом в Украинском протозойном институте.

Афанасий Карпович обладал пытливым умом, был очень энергичен и работоспособен, оптимизм проглядывал во всех его мыслях и взглядах. В различных медицинских журналах им было напечатано 36 научных работ, по запланированной теме он успел выполнить половину докторской диссертации. В своем коллективе, а также среди студентов пользовался уважением и авторитетом. Товарищи, знавшие Афанасия Карповича, и до сих пор тепло вспоминают его как чуткого и отзывчивого человека. Это академики Соловьев М.Н. и Калужный Д.Н., профессора Лукашев И.И. и Магдэ И.И., врачи Ку-

динцев В.И., Воронченко В.С. и многие другие, которые с ним учились и работали. Еще со студенческих лет Афанасий Карпович умело сочетал учебно-научную работу с общественной. С 1939 г. он член КПСС.

В первые дни объявления войны Афанасий Карпович был призван в ряды Красной Армии и зачислен командиром санитарно-эпидемиологического отряда 40-й Армии Воронежского фронта, затем — 1-го Украинского. Имел звание военврача II ранга. Награжден был медалью «За боевые заслуги». Среди бойцов своего отряда был незаменимым товарищем и своим примером оптимизма поднимал у них дух бодрости в критический момент, Я была всегда свидетельницей этого, т.к. тоже работала военврачом в этом же отряде по санхимзащите.

В 1943 г. 17 февраля, после первого освобождения г. Харькова от немецко-фашистских захватчиков, мы, пять военврачей во главе с Афанасием Карповичем, получили спецзадание от нашего командования прибыть ночью в г. Харьков, в то время, когда еще в городе продолжалась бомбежка. На подступах к г. Харькову, в районе хутора Пятихатки, Афанасий Карпович (он ехал в первой машине) получил тяжелое ранение от разрыва мины. Оказав ему первую помощь (наложение жгута), мы довезли его до города. Разбудив жильцов подвального помещения на ул. Садовой, внесли раненого. Последние его слова были: «Я умираю за любимую Родину». Установив у жильцов квартир, что на Юмовской ул. (где теперь помещается 30-я клиническая больница болезней уха, горла, носа) находится госпиталь, мы перевезли туда раненого в тяжелом состоянии — развился шок. В госпитале была сделана инъекция адреналина в сердце, но из шокового состояния Афанасия Карповича вывести так и не удалось, и он умер на рассвете 18 февраля. Один из командированных военврачей возвратился в нашу воинскую часть (г. Белгород) и доложил командованию о трагическом происшествии. К вечеру приехали на похороны заместитель Афанасия Карповича по СЭО, политрук и начфин. В госпитале был сделан гроб, на маленьких саночках мы отвезли его на городское кладбище по ул. Пушкинской и похоронили.

После похорон я со всеми приехавшими на похороны товарищами возвратилась в свою часть.

*Супруга доцента Грицай А.К.
А.А. Грицай. 1 июля 1969 г.*

ВОСПОМИНАНИЯ ВРАЧА ГЕОРГИЯ ЗАХАРОВИЧА ДЖИНЧВЕЛАДЗЕ

...На Павловской площади сгоревшее здание Универмага. Холоднoгорский мост взорван и вместо него сделан обходной деревянный. Ведут на Холодную гору. Повернули налево. Там была пересыльная каторжная тюрьма. Прошли к воротам. Немец остановился, постучался, что-то пробормотал, ворота раскрылись, и нас приняли весело посмеивающиеся гитлеровские бандиты.

Провели через первый двор, потом — через второй, третий и стали. Рядом с немцами появился русский врач — начальник санитарной части тюрьмы, который и «принял» нас. Нас провели в совершенно пустое помещение, где не было ничего, даже гвоздя в стене. Уставшие и голодные, мы легли на голый пол вдвоем, укрывшись одной шинелью, так как у многих немцы по дороге забрали шинели. Был жуткий холод, и после пережитого никто не мог ни на минуту уснуть.

Утром всех записали в журнал. Кое-кто пошел умыться во двор под краном бака с водой, утирались носовыми платками или бинтами, оставшимися в карманах. Затем в комнаты, где мы ночевали, принесли кровати, заржавевшие, искривленные, покрытые вместо сеток ржавыми листами кровельного железа до половины или 2/3 длины. Матрацы были грязные, как половые тряпки, со следами различных человеческих выделений и крови, пятна от которых засохли на матрацах. Несмотря на то, что матрацы будто бы были продезинфицированы, по ним ползало много вшей. Было страшно ложиться на эти матрацы, ни одеял, ни подушек не дали.

Затем дали еду, это была баланда. В котел с водой засыпается очень малое количество отрубей, какой-нибудь крупы и кусок конины. Все это варится до появления клейкости с отвратительным специфическим запахом, так как продукты закладываются невымытые, в грязи, а мясо с кишечными выделениями. Все это наливается в большие котлы, и 2 санитаря разносят еду по камерам и разливают в миски. Хлеба не давали две недели, затем начали давать просяной хлеб 200 гр. в день, через 10–12 дней хлеба стали давать по 300 гр.

Мы (пленные врачи — автор) обслуживали санчасть, где находились раненые, больные сыпным и брюшным тифом и голодными отеками. Больные лежали на голом полу или на соломе, некоторые на таких же кроватях, как у нас. Не было спирта, йода и вообще никаких медикаментов, для перевязки пользовались сохранившимися у раненых или у других военнопленных индивидуальными пакетами и старыми грязными бинтами.

Ежедневно выносили десятки трупов. Для того, чтобы охрана не заразилась от военнопленных тифом, их время от времени пропускали через санпропускник и дезкамеру. Одежда и белье военнопленных были одного цвета с грязью, после дезкамеры оно таким же и оставалось.

Большинство пленных с утра выгоняли на работу — рубку дров, перенос на руках кирпичей. Запрягали в повозки вместо лошадей. Утром не давали времени поесть даже эту баланду, и многие пленные брали с собой котелки ели на ходу. Сопровождали их немецкие солдаты и полицаи с резиновыми и деревянными палками.

Среди врачей был один еврей, военврач второго ранга Лев Голутчин. Он сказал, что он русский, и мы все подтвердили. Но его выдал Чкуасели Георгий, тоже врач — грузин. Его «освидетельствовали», избили и увезли. Больше мы его не видели.

В тюрьме был гараж, где стояло несколько машин. Одна из них полуторотонка, — у нее непрерывно работал мотор, выпуская массу дыма. Кузов машины был закрыт деревянной кабиной — это была «душегубка», в которой немцы душили людей. Выхлопные газы выходят в пол кузова, и т. к. кузов закрывается наглухо, герметически, то все, кто находится внутри, задыхаются, а потом трупы выбрасывали в яму.

Заболел врач Лежава острым аппендицитом, и мы настояли, чтобы его отправили в больницу. Вскоре и меня перевели в 7-ю поликлинику работать хирургом. В 7-й поликлинике на 1-м этаже происходит прием больных, а на 2-м — организован лазарет для военнопленных. Раненых было около 150 человек. Была операционная и перевязочная, обслуживаемые гражданскими работниками во главе с проф. Мещаниновым. Отделением заведовал И.С.Делевский. Там работали стоматологи, рентгенологи и т.д. Стоматолог Обухова Н.И. стала потом хирургом.

А.И.Мещанинов, получая скудные средства для питания военнопленных из лагеря, добавлял продукты, пожертвованные населением, не давая развиваться голодным отекам.

7-я поликлиника никем не охранялась, только санитарями, выделенными из военнопленных. Таким образом, выздоравливающие начали бежать из госпиталя, и немцы оградил поликлинику колючей проволокой и поставили часового-полицая. Так как окна 7-й поликлиники выходили прямо на улицу, по которой ходило население, то многие военнопленные с раннего утра из окон 2-го этажа спускали на тротуар привязанные на шпагате пустые консервные банки, и проходящие мимо люди клали в них кто хлеб, кто овощи и даже деньги.

Банки опорожнялись и снова опускались вниз. Использовались они и для передачи записок.

Вскоре к нам перевели из тюрьмы врача Джамосиашвили и санитару Нуникова. Побегу участились, и немцы решили перевести всех пленных в 1-ую городскую больницу, которую охраняли гестаповцы. В этой больнице находились еще пленные врачи Рамазанов, Курбанов, Попов. Через некоторое время отправили на тракторный завод Мисова и Джамосиашвили. Оставшиеся, Рамазанов, Попов и я, условились бежать, так как узнали, что на следующий день хотят Рамазанова и Попова отправить в Германию. Чтобы их спасти, сестры Морева, Винниченко и Никитинская А.Ф. вывели их ночью из госпиталя и где-то надежно укрыли. Я остался один. А через несколько дней всех ходячих и меня с Курбановым перевели в 13-ю школу, где была рабочая команда. Какой-то немец-лейтенант заявил, что мы все завтра-послезавтра будем отправлены в тыл. Я всю ночь не спал, а на рассвете тихо спустился вниз, увидел, что караульный зашел в караулку погреться, осторожно прошел мимо, вышел на улицу и решил бежать.

Вышел на Клочковскую и вдруг вдали увидел немцев. Я остановился у ближайших ворот, и тут ко мне подошла старушка и говорит: «Пойдемте, я провожу Вас к Госпрому другой дорогой». Она повела меня дворами и вывела к университетскому саду. Дальше я пошел к площади Дзержинского. По площади проходили колонны машин с солдатами, скрываться было негде, но я потихоньку двигался вперед...

Вдруг вижу навстречу мне по площади идут два солдата с автоматами. Я остановился, думая, что они будут стрелять в меня, т.к. один из них снял с плеча автомат, но он вынул бутылку с водкой, отпил из нее и передал ее своему товарищу. Я снова пошел своей дорогой и благополучно добрался до квартиры своих знакомых.

...В начале февраля 1943 г. немцы засуетились и стали поспешно оставлять город. Стали взрывать и сжигать все, что оставалось. Так продолжалось до 15 февраля 1943 г. Немцы подходили к дому, давали 5 минут для выхода, тех, кто не успевал выйти, сжигали вместе с домом. 16-го февраля пришли наши. Все плакали, обнимались, целовались и поздравляли друг друга с освобождением. Я выскочил на улицу и бросился обнимать и целовать проходивших мимо меня бойцов и командиров. Когда они узнали, кто я, направили меня в медчасть. Я пошел в штаб на ул. Пушкинской, где начальник санармии Морозов дал задание выявить все пригодные медицинские учреждения, аптечные склады, аптеки и др.

17 февраля немецкие самолеты бомбили город. Около меня разорвалась бомба, меня оглушило и отбросило воздушной волной на 10–13 м. в сторону. Многих ранило и убило. 18 февраля я получил назначение ведущим хирургом во вновь открывшийся окружной госпиталь. Вторым хирургом был назначен Павел Голобородько, начальником госпиталя — Кроль, а начмедом — Евгений Катков. Работы было много, т. к. раненые прибывали все время. 2-го марта сообщили, что ночью должны эвакуировать, т. к. немцы снова наступают на Харьков. Так прошло 9 дней. Раненых было около 1000 человек, но их не эвакуировали из-за недостатка бензина для автомашин, (а начальник госпиталя Кроль в подвале укрыв 18 бочек бензина и говорил, что бензина нет). Наши части отходили, а госпиталь оставался, и я не мог бросить раненых. 12 марта в город вошли немцы. Я ушел к своей квартирной хозяйке, но 13 марта ко мне пришла медсестра и просила помочь оставшимся в госпитале раненым. Затем пришел проф. Катков в гражданском костюме (во время прихода наших он был одет в военный). Он успокоил меня, сказав, что уже виделся с немецкими офицерами, которые объявили ему, что пока они заняты другими делами, наших раненых мы можем обслуживать сами.

Я пришел в госпиталь и ужаснулся: в коридорах лежали трупы умерших красноармейцев, во всех отделениях выбиты окна, всюду битое стекло, в операционной обсыпалась штукатурка. В коридорах и проходах вместе с трупами лежат и сидят совершенно беспомощные раненые, у многих началась газовая гангрена, и они нуждались в срочных операциях.

Во дворе уцелел корпус №8, куда и начали переносить всех тяжелораненых из подвалов и газоубежищ. Собрали перевязочный материал и инструментарий. Стали готовить операционную и перевязочную к работе. В это время пришел проф. Катков вместе с офицером СС, державшим в руках автомат. Немец увидел инструменты и сказал, что возьмет их. Я стал доказывать, что инструменты нужны мне для опекации. Он согласился временно оставить их и ушел вместе с Катковым. Через полчаса на 1-м этаже послышался глухой взрыв. Я собирался делать операцию, когда прибежали женщины-санитарки и закричали, что немцы бросили в окна второго этажа зажигательные бомбы и гранаты, начался пожар. Оказывается, прежде они заколотили входные двери досками, чтобы никто не вышел. Весь нижний этаж горел вместе с ранеными, дым и огонь уже распространились на 2-й этаж. Мы оказались в ловушке. Побежали вверх в противоположный конец корпуса, спустились по лестнице. Там еще огня не было, но двери были закрыты. Мы вместе с легкоранеными солда-

тами и офицерами, кто мог ходить, начали ломать дверь. С большим трудом пробили дверь в коридор и начали ломать дверь, выходящую во двор, но в это время стали раздаваться выстрелы. Люди побежали наверх, чтобы посмотреть, что происходит. Вернувшись, они рассказали, что вокруг здания стоят автоматчики и расстреливают тех, кто пытается выпрыгнуть из окна. Тогда мы прекратили ломать дверь, так как если выйдем, все равно убьют. Хотели подняться наверх, но там уже все горело. Слышались жуткие стоны и крики горящих заживо людей. Мы стояли на лестнице, где еще не было огня, хотя все заволкло дымом. Нас, сотрудников и раненых, собралось около 70 человек. Дышать было трудно, разбили окно, чтобы впустить воздух. Все здание уже было в огне, в другом конце здания обрушился потолок. В это время стоявшие у окна заметили, что немцы садятся в машины и уезжают. Мы подождали еще несколько минут, пока последняя машина уехала, выломали все ближайшие окна и рамы и начали прыгать из окон второго этажа в снег. Через 5–10 минут крыша и в этой части здания обвалилась. Если бы мы задержались там еще некоторое время, то все погибли под развалинами в огне.

В этом корпусе было сожжено более 350 тяжелораненых и больных русских бойцов и командиров. Но на этом не закончилось. Немцы узнали, что много раненых укрывается еще в подвалах других корпусов и газозубежищах, и они в течение нескольких дней являлись на территорию госпиталя, искали раненых и, когда находили, то расстреливали. Только немногих удалось спасти женщинам, вынесшим несколько человек и укрывшим их у себя на квартирах. Всего уничтожено было 600–650 человек раненых.

В течение 3-х недель я укрывался на квартире у знакомых, но без документов нельзя было выйти в город. Одна женщина помогла мне достать паспорт, и я имел возможность выходить в город. Через полтора-два месяца я поступил в Александровскую больницу ordinaryнм врачом в хирургическое отделение. Консультантом хирургического отделения был проф. Голобородько. Когда он увидел меня, то удивился. Я просил его оставить меня в гражданском отделении, чтобы не стать снова военнопленным. Но он сделал наоборот и выдал меня немцам, сообщив, что я военнослужащий Красной Армии. Так я снова стал военнопленным (гражданские получали 160 гр. просяного хлеба и 10 гр. постного масла в день), я уже не имел права ходить свободно в город. Кроме того, приходилось терпеть различные издевательства и даже побои немецких солдат). Через несколько недель немцы приказали готовить всех раненых к этапу, а пленным врачам сопровождать их. Я решил, что дальше оставаться в госпитале

нельзя, и снова на рассвете бежал, теперь уже к другому знакомому по студенческим временам (т. к. я окончил медицинский факультет в Харьковском университете). Он приютил меня и прятал в течение 10–12 дней. Затем перешел к другим знакомым, т. к. не мог подвергать долго опасности своего приятеля. Так я скрывался 17 дней, пока вновь пришла Советская Армия и освободила город от фашистской нечисти.

Последние 2 недели перед освобождением непрерывно грохотали орудия, взрывались снаряды, мины, горели дома, взлетали в воздух мосты, электростанции, заводы. К 12 часам ночи 23 августа все утихло. Стояла жуткая тишина, только изредка издали доносились отдельные выстрелы. На рассвете показались передовые отряды Красной Армии. За пехотой и автомашинами следовали вереницы машин с артиллерией, зенитками и др. Масса народа появилась на улицах, все выбежали встречать нашу Красную Армию. Это снова была 69 Армия, и я снова был назначен ведущим хирургом в один из эвакогоспиталей.

15–19 декабря 1943 г. в Харькове состоялся первый судебный процесс над 3-мя немецкими офицерами и одним русским предателем за преступления против человечества. Они не признавали свою вину, а нагло подтверждали сделанное, т. к. Гитлер им приказал так поступать всюду. Их всех приговорили к повешению.

*Врач Г.З. Джинчвеладзе. 1963 г.
Грузинская ССР, г. Ахалцик.*

ЛЕТАТЬ ВЫШЕ ВСЕХ...

Перед войной в стране велась очень активная патриотическая работа под девизом: «Летать быстрее всех, летать выше всех, летать дальше всех». И я, вдохновлённый девятиклассник, вместе с друзьями отправился записываться в аэроклуб. Но там сказали: «Малы ещё, гуляйте!» И тут неожиданно открывается спецшкола ВВС. Так с 10 класса я уже шагал по Днепропетровску в военной форме. Закончил школу 18 июня 1941 года, а 21 июня мама разбудила испуганным: «Война...» На следующий день выпускники спецшкол уже ехали в Харьков, сообщать близким времени не было, поэтому я написал открыточку и бросил в почтовый ящик. Так начались моя военная жизнь.

Попал я в Харьковское военное авиатехническое училище, но уже буквально через три месяца немцы подошли к Харькову. До сих пор, проходя мимо здания училища (а теперь Университета), вспоминаю,

как оттуда видел первые бомбёжки. В ночь на 24 октября всех курсантов подняли по тревоге и отправили к Госпрому. В подвале Академии выдали по две бутылки горючей смеси Молотова и выстроили вдоль дороги на парк им. Горького. Уже потом мы узнали, что немецкая армия прорвала Белгородское шоссе и движется с севера на Харьков, а нас выставили против этой колонны с двумя бутылками. Что бы от нас осталось? Да ничего бы не осталось! В последний момент от командира поступил приказ: бегом сдавать бутылки и к себе в училище. А там новая команда: взять самое необходимое. Этой же ночью три вагона курсантов покинули город. А на утро Харьков заняли немцы.

Ехали несколько суток, куда именно, — не знал никто. Вдруг остановка — Ташкент, но нет, едем дальше. Приехали в Сталинабад, нынешний Душанбе. Тут уже прозвучала команда выгружаться. Так и получилось, что точка нашей дислокации оказалась в Таджикистане. Нам выделили здание педагогического училища, где мы и продолжили обучение. С горем пополам в мае 42-го закончили курс, нас опять на поезд и в путь. Проезжали Москву, Калинин, Торжок, города разбитые стоят, страх и ужас. И вот прибыли мы в Штаб штурмовой дивизии, хотя учился я летать на истребителях. Назначили меня в 451 полк 264 штурмовой дивизии. В первую очередь меня подключили к грамотному технику, чтобы я переквалифицировался, а вскоре получил и личный самолёт. Основной нашей целью был Ржев, это небольшой городок на истоке Волги. Когда немцы отступали из Москвы, они укрепились в этой части фронта. Ржев был настолько защищён, что мы потеряли очень много личного состава, самолётов. Наши войска взяли город только с третьей попытки, ушло на это 8 месяцев. У немцев было большое преимущество, эти данные нигде не освещались, но мы знали, что Германия в первые часы войны организовала массированный налёт на 26 советских аэродромов, мы потеряли 1200 новейших самолётов. Об этом не говорили, чтобы не потерять боевой дух, правдой тоже надо уметь пользоваться.

И вот под Ржевом мы терпели страшное поражение: 10 вылетов — и самолёта нет, немцы гонялись за каждой машиной. Во время одного из налётов на аэродром я получил ранение, это был октябрь 1942 года. Обожженный, ослепший, я попал в госпиталь. Было страшно остаться без глаз на всю жизнь, но врач всегда подбадривал: «Сыночек, не спеши, всё будет хорошо». И действительно, скоро я увидел свет. Выписался я досрочно, чтобы догнать свой полк. Выхожу на поле к аэродрому, а там никого — товарищи улетели. Пришлось отправляться в Штаб дивизии, где меня отправили в ближайший полк — 809, моей же дивизии. Кстати, только эта маленькая запись о смене пол-

ка подтверждала моё ранение, других же документов не было. После взятия Ржева отправили нас на переформирование под Москву, шёл 1943 год. И в конце июня мы с новой боевой техникой, новым составом. Звучит команда: «Приготовиться к длительному перелёту». Перебросили нас в Старый Оскол. Первое, что мы увидели, это конный завод и огромный яблочный сад. Уже конец июня, и повсюду яблоки!

Пришло новое вооружение: вместо 50-килограммовых бомб, выдали нам 2-х килограммовые «пташки», противотанковые бомбы, теперь перед каждым вылетом надо было подготовить 240 этих бомбочек. 5 июля — первый боевой вылет, а там страх. Поле и повсюду, сколько глаз видит, — танки, с одной стороны и с другой. Работаем 5, 6, 7 июля, началось большое танковое сражение. И так всё перемешалось, что уже не видно, на своих или на чужих летит бомба. До 12 июля шла танковая бойня, а потом уж пошло наступление. На наш Степной фронт возложили задачу развить прорыв.

После удачной операции дали нам направление на Харьков. Командовал нашей Дивизией Николай Каманин, душевный был человек. Освобождали Харьков дважды, в феврале и августе. И только во второй раз советские войска смогли основательно закрепиться в городе. После Харькова запомнилась крупнейшая операция по освобождению Киева. Как сейчас помню, 2 октября приземлились в Броварах. Каманин поставил задачу освободить столицу к 7 ноября, сделать праздник стране. С того времени мы стали именоваться Киевской 264 штурмовой дивизией.

Полк улетел на следующий пункт, а я с подбитым крылом остался на ремонт, а со мной ещё один самолёт. И вот вдвоём всего с одной картой отправились мы догонять своих. Погода была тяжелой: снег, метель, — и мы заблудились. Выскочили где-то на линии фронта, начали нас обстреливать, но мы держимся друг дружки, летим дальше. Кружим над лесом, а горячее заканчивается. Делать нечего, приняли решение о слепой посадке. У штурмовиков это единственное спасение, потому что разбиваются все части самолёта, а экипаж остаётся жив. Сели в снег, а вокруг лес. Из ближайшей деревни выехали к нам сани. Кто едет: наши, немцы — не знаем. Из оружия у пилотов по пистолету, а у меня отвёртка! Приехали к нам из сельсовета. Оказалось, что немцы ушли всего сутки назад. Сверившись с картами, выяснили, что сильно отклонились от курса. В селе приютили, и мы остались ждать специальной бригады, которая забирает упавшие самолёты. Но буквально за день до приезда этой бригады появился из лесу отряд «катюш». На ближайшей станции немцы оставили цистерну метилового спирта, в результате наши, славяне, напились этого яда

и погибли. И вот чтобы не пустить сюда обратно немцев, выслали бригаду «катюш». Утром они как «запели», прорвали оборону немцев и пошли дальше.

В итоге, конечно, попали мы в свои полки в Белой церкви. Был там интересный момент. На аэродроме самолёты стояли на бетонной полосе. Неожиданная команда: «Снять с бетона все самолёты». Приказ есть приказ, он не обсуждается. И вдруг ночью три полка У2 — «Ночные ведьмы». Потом мы узнали, что наши танковые части прорвались вперёд, а их обеспечение отстало, грозило уничтожение танков немцами, поэтому вызвали женские полки. Под каждую машину на парашютах подвешивали баллоны с горючим. И мы целую ночь обеспечивали подвеску этих парашютиков. Работали, как муравьи, по цепочке. В какой-то момент ночные немецкие охотники срезали несколько наших самолётов. Но танковую колонну всё же спасли.

Потом известная Корсунь-Шевченковская битва, после которой нам присвоили новое звание — Киевская Корсунь-Шевченковская штурмовая дивизия. И вот я уже на западной Украине, закрепили нас на аэродроме в Ровно. Пока мы ждали пополнения, прилетели ребята-десантники. И мы с ними менялись ножами, у них были такие красивые производственные «кинжалы», а мы себе сами делали из нержавеющей стали, и вот происходил такой обмен.

В начале 1944 года мы узнали о гибели командующего фронтом, генерала Николая Ватутина.

Дошли мы уже до Польши и отправили нас через Карпаты на 1-ый Украинский фронт в Румынию. Прошли всю Румынию и вышли на Будапешт, где поступило распоряжение сдать все самолёты. Вместо ИЛ-2 для нас подготовили ИЛ-10, которые были гораздо легче и шли без такой большой просадки. И вот мы на этих новых самолётах летим на фронт. Оказалось, что на моём самолёте нет парашюта, без парашюта лететь нельзя. Командир предложил остаться и дожидаться следующего полка. Конечно, я не согласился, тогда меня взяли при условии, находиться в первом звене. Первая остановка была в Борисоглебске, пока перерыв в боях, решили сходить в клуб. Идём, и мне понадобилось достать платок, только я руку в карман, а меня хватъ — и на гауптвахту. Я думал, всё, отчислят, но нет, вечером пришло распоряжение освободить. Полетели дальше.

Летим над Будапештом, а на старте стоят английские спитфайеры. И командир полка решил похвастаться новыми машинами. Отдал команду: «За мной» и спикировал, да так низко, что все разбежались, все же знают, что это Илы. Врежутся же. Но не тут-то было!

Случилось это 4–5 мая 1945 года. А 8 мая мы проснулись под звуки стрельбы. Первая мысль: немцы прорвали оборону. Выбегаем на улицу, а там... конец войны! Стреляли все, кто из чего мог!

Когда всё успокоилось, из Будапешта нас перебазировали в Чехословакию. Там наш оркестр ходил играть в местный клуб. Война закончилась, я избрал путь демобилизации.

В 1946 я вернулся домой, в Днепропетровск. Родители живы, дома всё спокойно. И, конечно же, встал вопрос: «Что делать дальше?». И уговорили меня поступать в мединститут. Участники войны в то время шли вне конкурса. Так неожиданно лётчик, техник я оказался в медицине.

*Д.м.н., профессор, бывший директор НИИ
гигиены труда и профзаболеваний Г.И. Евтушенко.
2014 г.*

ПИСЬМО РЕКТОРУ

Глубокоуважаемый господин ректор!

Вам пишет врач-офтальмолог Клавдия Дмитриевна Колпакова 1920 года рождения, из Керчи (Крым), которая в 1941 году находилась в эвакуации в г. Чкалове (Оренбург). Шла война. В Чкалов съехались люди со всего Союза, туда же был эвакуирован и ХМИ-1.

Молодежь рвалась на фронт, медработники тоже там были необходимы. И когда Первый медицинский объявил набор (нам сказали, что это будет краткосрочное обучение) я поступила учиться в мединститут. Когда началась учеба, оказалось, что этот набор студентов будет обучаться пять лет. Многие бросили учебу, я же осталась.

Нам объявили, что ректором института является Ашот Михайлович Гаспарян, рассказали, какие предметы будем изучать, кто будет преподавать, и институт приступил к работе. Можно себе представить, какую железную волю надо было проявить, чтобы проводить такую сложную работу, как обучение студентов, когда вокруг холод и голод. Добрым словом и с огромной благодарностью я вспоминаю нашего ректора А.М. Гаспаряна. Он был настоящим отцом для всех студентов, боролся за каждого, чтобы не уходили из института. В тяжелые минуты, когда есть было нечего и казалось, что наступил последний миг твоей жизни, он всегда выручал нас: прикреплял к госпиталям ухаживать за больными, разгружать раненых, мыть полы. А за ночное дежурство нам давали хлеб сверх карточки и тарелку супа. Вся еда была по карточкам. Хлеба выдавали 600 г в день, а это был мизер

на фоне всеобщей изнуренности. Сдавали донорскую кровь, дежурили ночью в городских больницах, чтобы хоть как-то продержаться и остаться в строю. Нашим оплотом и опорой всегда был Ашот Михайлович — наш ректор. При институте создали ОРС, который в малой степени, но снабжал нас продуктами, иногда выдавали одежду, кусочек мыла. Была организована студенческая столовая, в которой нас кормили один раз в день.

Самым тяжелым был первый год нашего обучения. Преподаватели нам скидок никаких не делали. Занимались мы много и серьезно. Нашими преподавателями были: анатомия — доцент Отелин, микробиология — профессор Алешин, хирургия — профессор Минкин, деканом был химик Баландин. Но самым любимым преподавателем был профессор Анатолий Иванович Струков — патологоанатом. Не было студента, который в будущем не хотел бы стать патологоанатомом. Это был обаятельный человек и изумительный педагог.

Очень трудно было сдать анатомию. Стены помещения, где мы занимались, были покрыты снегом, атласы и учебники выдавались по одному на пять человек. Некоторые сдавали анатомию по несколько раз. Я же сдала на «4» сразу.

Весной стало особенно голодно. Когда сдали весеннюю сессию, ректор распорядился о нашей отправке в подсобное хозяйство. Вскоре выросли лук, морковь, капуста и это спасло нас. Мы работали до начала учебного года, нам даже немного приплачивали денег. Второй и третий год обучения в эвакуации были тоже очень тяжелыми, но благодаря поддержке института мы приспособились и продолжили учёбу. Война продолжалась, а я сдала весеннюю сессию 1944 года. Я была уроженкой Курска, и у нас в городе находился мединститут, который уже вернулся из эвакуации. Я решила пробиваться в родной город, чтобы продолжить обучение дома. С трудом я доехала до Курска и как затем сложилась моя судьба — это отдельный разговор. Скажу только, что я в 1946 г. в числе первых послевоенных выпускников получила диплом врача и сразу стала учиться на офтальмолога. Прошла большую трудовую жизнь, 25 лет была офтальмохирургом. А всего проработала 51 год до 1997 года. Имею сына и невестку, которые тоже медики высшей категории. Сын — зав. глазным отделением и замечательный отец троих прекрасных детей.

В год празднования 60-летия Великой Победы хочу сердечно поздравить лично Вас, господин ректор, профессорско-преподавательский состав и студентов с этим Великим праздником! Желаю всем здоровья, добра, мира и дальнейшего процветания вашего университета.

Пусть никогда не будут забыты те, кто в тяжкие военные годы в тылу помогал приближать Великую Победу. Светлая им память!

Врач К.Д. Колпакова. 2004г.

ТОРЖЕСТВУЮЩАЯ СИЛА МУЗЫКИ

В годы войны я была студенткой 1-го Харьковского медицинского института и вместе с ним находилась в эвакуации в г.Чкалове (ныне Оренбург).

Время было тяжелое. Мы учились, работали, дежурили в госпитале, помогали на сельскохозяйственных работах, а в душе постоянно жила тревога о близких, о судьбе страны.

В Чкалове в то время было много эвакуированных учреждений, среди них театры и Ленинградский симфонический оркестр. И однажды мы с подругой попали на концерт этого оркестра.

Исполнялась 9-я симфония Бетховена. Известно, что в её финале звучат вдохновенные слова оды Шиллера «К радости», которую я знала в подлиннике и очень любила. Надо сказать, что с самого начала 2-й мировой войны, с 1939 года, я часто задавала себе вопрос, как мог в такой культурной европейской стране, как Германия, давшей миру великих поэтов и композиторов, зародиться и расцвести гитлеровский фашизм.

Наконец, мы в зале. Музыка захватила нас целиком. Она так соответствовала нашему душевному настрою, что, казалось, мы растворились в ней. Вот звучит траурная мелодия, напоминая о страшных жертвах войны. Она навеивает печаль, на глазах невольно появляются слёзы. Но всё сумрачное, связанное с жестокой борьбой и душевными переживаниями, постепенно уходит, становится очень далёким, а в музыке уже звучат мажорные тона. Она как будто говорит: «Человек должен бороться за общее счастье, за лучшую долю». Эту мысль Бетховен, как никто другой, прекрасно воплотил в музыке своей симфонии. Вступает хор, звучат слова Шиллера из оды «К радости». В них вера в то, что люди завоюют свободу и через страдания придут к радости, к победе. В это только надо верить!

С концерта мы возвращались окрыленные верой, музыка пела в душе, и крепло чувство: «Мы обязательно победим, фашизм будет уничтожен во всем мире!»

*Д.м.н., профессор, бывший зав. кафедры
патологической физиологии Р.Липицу. 2005 г.*

МОЯ ВОЕННАЯ СУДЬБА

В моей жизни было два особенно счастливых дня. Первый — призыв в ряды Красной Армии 22 июня 1941 года: я была счастлива быть полезной своей Родине и надеялась, что война продлится 3–4 недели и завершится нашей победой. Вторым особенно счастливым днем, как и у всех, стало окончание Великой Отечественной войны — 9 мая 1945 года.

Война застала меня в с. Петровеньки, Луганской области, где я работала врачом-терапевтом после окончания 1-го Харьковского медицинского института. В 10 часов утра 1941 г. я получила телеграфный вызов срочно явиться в г. Свердловск, Луганской обл. Отправилась немедленно. До Красного Луча добралась поездом, а дальше пришлось идти пешком: уже начались сбои в работе транспорта. По прибытии на место узнала, что Краснолучским райвоенкоматом я приписана помощником начальника эвакогоспиталя №1826 по медицинской части. Он располагался в Свердловске. В мои обязанности входила организация медицинской помощи раненым и больным, доставленным с действующих фронтов.

С первых дней войны начал расти поток раненых, и уже к концу месяца достиг очень значительного количества, что делало выполнение моих крайне важных обязанностей достаточно трудным, а иногда и проблематичным. Так, иногда тяжело раненные требовали перевода в специализированные или эвакуации в тыловые госпитали и т.п., что не всегда было возможно сделать по целому ряду причин и обстоятельств.

Очень важно было правильно организовать работу, дать четкие и наиболее рациональные распоряжения, проконтролировать их выполнение, предупредить возможные конфликтные ситуации. Опыта такой работы ни у меня, ни у кого другого, конечно, не было, но я старалась, и результаты не замедлили сказаться. Уже в сентябре этого года меня перевели в сортировочный эвакогоспиталь №3416, который был расположен в Луганске на главной железнодорожной станции в клубе им. Пархоменко. Он был в два раза больше предыдущего, и работа в связи с этим сложнее. Здесь я была помощником начальника СЭГ по административно-медицинской части. Мы принимали раненых, доставленных военно-санитарными поездами непосредственно из фронтовой полосы. Необходимо было как можно скорее разгрузить поезд, а это далеко не просто. Ведь существуют специальные правила погрузки и выгрузки раненых из вагонов, и они должны соблюдаться, не взирая на время проведения этих работ: ночью,

днем, в дождь и снег, во время вражеского налета или в относительно спокойной обстановке.

Это первый этап работы. А затем сразу же раненых и больных, прибывших с передовой, надо было рассортировать по месту ранения, степени тяжести его и направить именно в тот госпиталь, который нужен, а в здании сортировочного оказать экстренную помощь особенно тяжело раненым и доставить их в эвакуогоспиталь. Приходилось быть не только терапевтом, но и невропатологом, хирургом и даже гинекологом. И все это при почти непрерывном поступлении раненых.

Работа была тяжелой, изнурительной. Особенно трудно было обходиться без сна и отдыха. Приходилось всегда держать себя в состоянии готовности, не позволяя расслабиться. Без жесткой самодисциплины, постоянной собранности и подтянутости фронтовой режим было бы просто невозможно выдержать. Добрými словами вспоминаю своего отца, советы которого помогли мне еще в отрочестве выработать в себе именно те черты характера, которые так помогли во время войны: организованность, упорство в достижении цели, прилежность и тщательность в работе, ответственность за выполнение поставленного передо мной задания.

Рядом со мной работал целый коллектив врачей, медсестер, сандружинниц.. Милые девочки-сандружинницы, им тогда было по 16–19 лет. Где только силы у них брались, таких маленьких и хрупких, переносить порой здоровенных парней! Но ведь это же были наши парни...

Нередко город и вокзал Луганска подвергались тяжелым фашистским бомбардировкам, при этом бомбы попадали и в вагоны военно-санитарных поездов, стоявших под погрузкой или выгрузкой. Возникали пожары, гибли раненые и сотрудники госпиталя.

Один из таких случаев произошел 10 октября 1941 года. Вражеские мессершмидты налетели внезапно и накиннулись на поезд, как коршуны. Одна из зажигательных бомб попала в последний вагон эшелона, и он загорелся. Оттуда слышались отчаянные крики, стоны. Что делать? Прежде всего нужно отцепить загоревшийся вагон, ведь огонь может перекинуться на соседние и тогда все погибло. Не буду рассказывать об этом сама, а приведу выдержку из наградного листа:

«Тов. МАЛАЯ, пренебрегая опасностью, с помощью дружинниц лично организовала вынос тяжелораненых из охваченного пламенем вагона через двери и окна, благодаря чему было спасено 17 человек тяжело раненных. Мобилизовав далее рабочих, произвела отцепку горящего вагона, чем предотвратила возгорание соседних вагонов с ранеными ...»

Целый ряд врачей и сандружинниц за этот бой был отмечен правительственными наградами. В их числе и я была награждена медалью «За боевые заслуги». Это самая дорогая моя награда. Но когда память я возвращаюсь в тот день и вспоминаю все происшедшее, то до сих пор не могу понять, как нам удалось это сделать.

Зимой 1942 г. в связи с оккупацией Луганска немецко-фашистскими войсками наш госпиталь перевели в Сталинград, тогда еще тыловой город. Здесь мы исполняли функции обычного клинического госпиталя. Так прошла зима 1941–1942 гг.

После неудавшейся попытки возвратиться в Луганск сортировочный госпиталь №3416 был переведен на Кавказ.

Как забыть тяжкие дороги отступления? Какая страшная бомбежка была на ст. Георгиевская на Северном Кавказе! А каким тяжелым был путь на Махачкалу. Мы, работники госпиталя, пришли в город пешком (железнодорожный состав был разбомблен полностью), в изодранной и обгоревшей одежде, до предела уставшие... На всю жизнь запомнилось мне радушие дагестанцев. Женщины, такие нежные и приветливые, протягивали нам вещи: «Возьми платок, возьми юбку...» Угощали, согревали. Это был пример подлинного единства советских народов, нерасторжимой духовной близости, всеобщей ответственности за судьбу страны, за ее будущее.

Много лет спустя на XXVI съезде КПСС, делегатом которого я была, рассказала об этих давних эпизодах поэту Расулу Гамзатову, чьих прекрасных «Журавлей» — дань памяти солдатам, «с кровавых не возвращимся полей», знает и помнит весь народ. Как загорелся, как воодушевился поэт, как гордился он в этот момент своими земляками!

В период упорных боев под г. Орджоникидзе в ноябре 1942 г. я была командирована РЭП №34 в район боевых действий. Мне пришлось в сложных условиях организовывать вывоз раненых из передовых лазаретов в сторону и по направлению Военно-Грузинской дороги. Мы обеспечили всю систему эвакуации раненых на этом пути, причем было вывезено 3710 раненых. Такими были мои фронтовые будни.

В сентябре этого же года меня назначили заместителем начальника крупнейшего (на 1200 коек) сортировочного эвакогоспиталя №1602, который дислоцировался на ст. Навтлуги вблизи г. Тбилиси и принимал раненых и больных с Южно- и Северо-Кавказского фронтов, распределяя их затем по эвакогоспиталю Тбилиси и оказывая медицинскую помощь во всех экстренных случаях.

Я знала, что направлялась в этот госпиталь для усиления работы, как специалист по сортировке раненых. Дело в том, что этот госпиталь ранее был с ортопедическим уклоном и с функциями сортировочного

знаком не был. Личный состав специфики работы, своих обязанностей не знал, поэтому действовал бессистемно. Надо ли говорить, как я волновалась, когда прибыла к новому месту назначения! Буквально на ходу пришлось знакомиться с людьми, делать перестановку кадров, проводить учебу личного состава. Ценой больших усилий мне удалось добиться того, что работа наладилась, ритм ее стал равномерным и деловым. Госпиталь начал справляться со всеми своими функциями. Проходившая в 1943 г. конференция фронтовых хирургов отметила, что из всех сортировочных госпиталей, находившихся на территории Закавказского фронта, сортировочный госпиталь №1602 является лучшим и полностью оправдывает свое назначение. Конференция указала на необходимость перенесения опыта работы нашего госпиталя во все другие.

Это было приятно, я знала, что в достигнутых успехах есть значительная доля моего труда. И хотя объем работы все увеличивался, я чувствовала, что растет мое профессиональное мастерство, мне легче стало руководить людьми, общаться с ними. А ведь это тоже искусство и овладеть им, тем более в военное время, было не так уж просто. Я была строга с подчиненными, но особенно строго я судила себя, потому что понимала: по моему поведению, моему подходу к делу, даже по моему внешнему виду судят обо всем коллективе госпиталя. Однако я старалась быть внимательной и заботливой по отношению к среднему медперсоналу, особенно к женщинам из приемно-сортировочного отделения, на хрупкие плечи которых ложилась огромная физическая нагрузка. С отдельными из них я поддерживаю связь до сих пор, и мне приятно было узнать, что в то далекое и тяжелое время я во многом была для них примером. Читая письма однополчан, я как будто вижу себя тогдашнюю: «молодую, в форменном платье с погонами майора, немножечко не по возрасту серьезную», как писала мне в свое время врач фронтового пункта О.Тарасова.

А сколько раненых и больных прошло передо мной! Помнятся многие: бойцы, командиры, краснофлотцы. Иногда по ранению заранее можно было сказать, к какому роду войск относится раненый. У морских пехотинцев, например, ранения чаще всего были в голову. Тяжелейшие бои были в районе Потти. Запомнился один парнишка-краснофлотец. В атаку шел — каску сбросил, бескозырочку свою натянул... А ведь это почти на верную смерть себя обречь. Орлы краснофлотцы были!

В настоящее время бывший сортировочный эвакогоспиталь №1602 является постоянным военным госпиталем в Ростове-на-Дону и по-прежнему носит тот же номер.

В мае 1943 г. в период побед наших войск при эвакуации на Северный Кавказ я была назначена заместителем начальника эвакуационного фронта №34, которому подчинялись все эвакуационные пункты Северо-Кавказского, а затем и Южного фронтов. Располагался он в Пятигорске. Основной обязанностью эвакуационного фронта являлось своевременное и рациональное распределение военно-санитарных поездов и других видов транспорта с ранеными, прибывающих с фронтов активных боевых действий. Работа была в высшей степени напряженной и, как везде в этой безумной войне, тяжелой и весьма ответственной.

В ноябре 1943 г., после освобождения Харькова, здесь организовывался военный госпиталь. По распоряжению Главного военно-медицинского управления Советского Союза я была переведена на должность помощника начальника лечебного отделения санитарного отдела Харьковского военного округа, которому были подчинены военно-медицинские учреждения 8-ми областей Украины. После передислокации в 1944 г. военного округа в г. Киев меня назначили ординатором Харьковского военного госпиталя №384, откуда 1 сентября 1946 г. я демобилизовалась в звании майора медицинской службы.

Вся моя дальнейшая судьба связана с Харьковским государственным медицинским институтом, а затем университетом. Ответственная и многогранная деятельность в годы суровой войны воспитала во мне чувство особенно большой ответственности за дело, которым занимаешься. Может быть, благодаря этому я многого добилась в жизни: стала доктором наук, профессором, избрана членом-корреспондентом АМН СССР, академиком Национальной АН и Академии медицинских наук Украины, создала Институт терапии, известный далеко за пределами нашей страны.

Высока оценка моего труда: я — Герой Социалистического Труда и Герой Украины, награждена шестью орденами и четырнадцатью медалями, избрана Почетным гражданином г. Харькова. И все-таки одним из двух наиболее счастливых дней в моей жизни я называю 9 мая 1945 года, когда вместе со своими боевыми товарищами я праздновала Победу над фашистской Германией. Пепел этой войны до сих пор стучит в наши сердца, заставляя их сжиматься от боли утрат. Нельзя допустить, чтобы воспоминания об этих страшных годах стерлись из нашей памяти.

Радостно было мне, когда в 1993 г., посетив Луганск, на здании клуба им. Пархоменко я увидела превосходную мемориальную доску, на которой начертаны слова благодарности сотрудникам сортировочного эвакуационного госпиталя №3416 за огромную работу по сохранению

жизни раненых и больных в годы Великой Отечественной войны. И хочется повторить слова известнейшего радиодиктора военного времени Левитана, которыми всегда заканчивались боевые сводки Совинформбюро: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!»

*Академик, Герой Социалистического Труда,
Герой Украины д.м.н. Л.Т.Малая.
2001 г.*

ТАК НАЧАЛАСЬ ВОЙНА

Начало Великой Отечественной войны мне пришлось встретить в Харькове слушателем 4-го курса военного факультета 1-го Харьковского медицинского института. Слушатели военного факультета совместно с харьковчанами с тревогой и большим вниманием у радиорепродуктора в 12 часов дня 22 июня 1941 года выслушали Правительственное сообщение Молотова Вячеслава Михайловича, что фашистская Германия, нарушив мирный договор, без объявления войны, напала на Советский Союз. «Подвергаются бомбардировке города Киев, Минск, Житомир, Севастополь, Каунас, над нашей Родиной нависла смертельная опасность». Свое сообщение он закончил словами: «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!». В последующем он утверждал, что Правительственное сообщение обсуждалось и утверждалось в Кремле на заседании членов Политбюро с участием И.В. Сталина, что И.В. Сталин не был растерян, но сильно удручен. Ему поручили детально изучить и оценить создававшуюся военную и политическую обстановку и выступить перед народом с призывом о защите страны от немецко-фашистской агрессии.

Помню, что на третий день войны, на одном из высотных зданий площади — Харьковского Госпрома было вывешено большое панно с копией картины художника Васнецова «Три богатыря». На ней в центре вместо фигуры Ильи Муромца был помещен портрет маршала Советского Союза Тимошенко С.К. — командующего Западным фронтом. Справа в образе Добрыни Никитича был портрет маршала Советского Союза Ворошилова К.Е. — командующего Северным фронтом, а слева, вместо образа Алеши Поповича портрет маршала Советского Союза Будённого С.М. — командующего Южным фронтом. К сожалению, им не довелось стать главными маршалами Великой Победы Советского народа над фашистской Германией.

История военного искусства мирового назначения утверждает, что государство, обладающее многочисленной, организованной и обученной армией, оснащенной всем необходимым по линии вооружения и техники, не сможет добиться выдающихся военных побед без наличия в её командной среде выдающихся талантливых полководцев с оперативно-стратегическим мышлением и большим авторитетом среди вверенных в командование им войск.

К большому счастью Великая Отечественная война выдвинула из военной среды и сражающегося народа таких выдающихся талантливых полководцев, маршалов Советского Союза, командующих фронтами, награжденных высшим военным орденом СССР «Победа» — Жукова Георгия Константиновича, Василевского Александра Михайловича, Рокоссовского Константина Константиновича, Конева Ивана Степановича, Говорова Леонида Александровича, Мерецкова Кирилла Афанасьевича, Малиновского Родиона Яковлевича, Толбухина Федора Ивановича, Тимошенко Семена Константиновича. Их деятельность проходила под руководством Ставки Верховного Главного командования. Своими успешными, победными, стратегическими военными операциями по разгрому немецко-фашистских войск они заслужили всеобщее уважение и любовь советского народа и мировой общественности.

В Харькове в первые дни войны, на улице Тевелева, напротив памятника Тарасу Григорьевичу Шевченко находилось посольство фашистской Германии с вывешенным флагом со свастикой. Его харьковчане с презрением обходили стороной.

Тяжело забыть первый день войны. Харьков сразу же превратился во фронтовой город. Во дворах отрывались щели и укрытия, а подвалы оборудовались под бомбоубежища. Окна домов заклеивались бумажными полосами. В ночное время соблюдалась строгая светомаскировка. В военкоматах образовывались большие очереди желающих отправиться на фронт. Обнародованные Советским Правительством лозунги: «Все для фронта!», «Все для Победы!», «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!» — давали патриотический настрой и морально сплачивали население и весь народ.

Нагрянувшая беда сплотила людей всех наций и народностей. Призывы партии «Все для фронта!», «Все для Победы!» были всеми восприняты как крайняя необходимость, не нуждающаяся в дополнительных разъяснениях. Под ружье становилось почти все мужское население. Недоставало вооружения и техники, а также медицинских работников для госпиталей и медпунктов частей как сражавшихся на фронте, так и формирувавшихся в тылу. Это вплотную коснулось

и военного факультета Харьковского мединститута. Начались ускоренные выпуски слушателей старших курсов на фронт.

Так, согласно приказу НКО №01999 от 31 июля 1941 года т. е. всего через месяц после начала Великой Отечественной войны, весь 5-курс 2-го приема 1939 года в количестве 141 чел. с присвоением воинского звания «Военврач 3-го ранга» полностью был отправлен на фронт в сражающиеся войска. Согласно распоряжению ВКВК и УВЧЗ за №4/24/0173 слушатели этого курса освобождались от государственных экзаменов, им всем были выданы дипломы врача.

Самым сложным и необычным оказался выпуск с отправкой на фронт, нашего — 4-го курса набора 1940 года. Ведь мы успели проучиться на военном факультете всего один год. Но он состоялся всего через полмесяца после убытия во фронтовые части нашего старшего 5-го курса. Боевая обстановка не позволила продолжать дальнейшую учебу. К Харькову стремительно приближался фронт. С 23 августа 1941 года город стал подвергаться ожесточенным воздушным налетам вражеской авиации. Началась эвакуация промышленных, предприятий и лечебных учреждений вглубь страны. По не-сколько раз в сутки огнем зенитной артиллерии отгонялись прорвавшиеся к городу немецко-фашистские самолеты, имевшие целью помешать эвакуации населения. Наша военная судьба в сложившихся обстоятельствах была предрешена. 15 августа 1941 года на общем построении начальник военного факультета военврач 1-го ранга С.А. Семека довел до нас содержание телеграммы ГВСУ КА за №41731 от 14 августа 1941 года и объявил, что все 151 чел. 4-го курса факультета отправимся на фронт зауряд-врачами с воинским званием «Военврач 3-го ранга», и с последующим возвратом для учебы на 5-м курсе. Это затем было подтверждено и приказом НКО за №02738 от 10 октября 1941 года, но не доведено до войсковых частей, что в последующем у кадровиков вызвало недоумение при представлении к очередным воинским званиям. Приходилось запрашивать ИКО и архивы.

Так, как перспектива нашей дальнейшей учебы была неясной и оттягивалась на неопределенное время, то мы после построения непосредственно обратились к военному комиссару бригадному комиссару Ю.Б. Ибатулину за разъяснениями по наболевшему и волновавшему всех нас вопросу: «Когда, все же, хотя бы приблизительно, представится нам возможность окончить 5-й курс учебы и получить диплом врача?» «Ведь нам многого в медицине не успели преподавать, ведь проучились мы всего один год?» — спрашивали мы.

Комиссар, не скрывая от нас ничего и не кривя душой, сразу же ответил: «Всем Вам надо твердо уяснить, что идет самая жестокая

и кровопролитная война. Встал вопрос о жизни и смерти советского государства. Потери среди армии и народа очень большие. Кто погибнет, — благодарный народ на памятниках увековечит их имена. Кто окажется искалеченным, — государство возьмет его на пенсионное обеспечение, ну а кому повезет остаться в живых — дадим доучиться на 5-м курсе военного факультета с вручением диплома врача. Многого не сумели вам дать по медицине. Всё теперь будет зависеть от ваших организаторских способностей по спасению раненых на поле боя и возвращению их в строй, а также от выполнения своего служебного долга перед Родиной». Предсказания бригадного комиссара оказались пророческими.

Итак, нас всех выпустили с военного факультета зауряд-врачами. Больше нашему курсу не суждено было доучиваться в полном составе на 5-м курсе. До сих пор у меня сохранилось отпечатанное на машинке и пожелтевшее от времени удостоверение. В нем сказано: «Удостоверение дано тов. Марченко Михаилу Афанасьевичу в том, что он прослушал 4 курса военного факультета при 1-м Харьковском медицинском институте и сдал все положенные по учебному плану экзамены и зачеты за 4 курса со средней оценкой «хорошо». Выпущен досрочно зауряд-врачом на основании распоряжения Главного Военно-санитарного Управления Красной Армии. Телеграмма №41731 от 14 августа 1941 года. Подписи: Начальник военного факультета, военврач 1-го ранга С.А. Семека. Военный комиссар, бригадный комиссар Ю.Б. Ибатулин.»

Конечно, никто из нас в то время не предполагал, что война продлится на протяжении 4-х лет, будет сопряжена с колоссальными жертвами, и только 9 мая 1945 года советский народ будет праздновать Победу над гитлеровским фашизмом.

Сразу же, начиная с 15 августа 1941 года началась отправка зауряд-врачей в войсковые части и соединения. Перед этим нам было приказано одеть знаки отличия военврачей 3-го ранга, г.с. по одной «шпале» в петлицы летнего и зимнего обмундирования.

Основная масса зауряд-врачей откомандировывалась эшелонами в Северо-Кавказский военный округ, в города Ростов на Дону и Новороссийск. Там развертывались новые войсковые части и в их числе 353 стрелковая дивизия.

Наш 1-й учебный взвод в полном составе оставлялся в распоряжении Харьковского военного округа. Мы предназначались для укомплектования врачебным составом вновь формирующихся в Донбассе 383, 393 и 395 стрелковых дивизий в городах Донецк (Сталино), Славянск и Луганск (Ворошиловград). Срок окончания формирования

ния этих дивизий и их готовность к боевым действиям определялся к 15 октября 1941 года. Предписание о назначении и личное дело в запечатанном виде каждый из нас получал на военном факультете.

Я получил назначение врачом 854 отдельного батальона связи в 383 стрелковую дивизию в город Донецк (Сталино), куда и убыл по железной дороге. В эту же дивизию назначались в стрелковые полки зауряд-врачи Айзенштейн Исаак Самойлович, Бесноватый Марк Борисович и Романенко Алексей Федорович.

Практика выпуска из военного факультета зауряд-врачами и без дипломов врача в советское время осуществлялась впервые. Она диктовалась чрезвычайным положением на фронте. К Харькову стремительно приближались ударные войска противника. По несколько раз в сутки огнем зенитной артиллерии отгонялись прорвавшиеся к городу немецко-фашистские самолеты.

После отправки нашего 4-го курса во фронтовые части военный факультет в середине октября эвакуировался в город Саратов на учебную базу Саратовского медицинского института, а 1-й Харьковский мединститут был передислоцирован в город Оренбург.

Тяжелые бои вели советские войска, обороняя Харьков, но силы были неравными, и после 5-ти суточного сражения в самом городе и его окраинах 24 октября 1941 года немецко-фашистские войска овладели Харьковом...

...Война разбросала вновь выпущенных зауряд-врачей по полям сражений многих фронтов. У каждого выпускника сложилась неповторимая и необычная судьба врача-фронтовика, своя личная история. Моя фронтовая судьба оказалась одной из типичных для прошедших всю войну в батальонном, полковом и дивизионном войсковом звене. Она связана с медицинским обеспечением батальона, стрелкового полка, стрелковой дивизии в различных видах боя, — в условиях отступления, жесткой обороны и успешного наступления советских войск на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Трудное это было время. Нелегко о нем вспоминать. А надо! Уроки Великой Отечественной войны не должны быть забыты, как бы ни менялись внешние и внутренние условия нашей жизни.

*М.А.Марченко,
заслуженный врач Таджикской ССР,
полковник м/с в отставке, к.м.н.
2007 г.*

ВБРОД ЧЕРЕЗ ГНИЛОЕ МОРЕ

Войну я встретил под Житомиром, служа старшим фельдшером в 331 гаубично-артиллерийском полку. В это время мы находились в летних лагерях.

Был воскресный день, ярко светило солнце, откуда-то доносилась музыка, а на зеленом поле стадиона с удивительно яркой зеленой травой играли в волейбол. И вдруг прямо на зеленое поле стадиона выехала агитмашина. Все замерли. На машине во весь рост стоял полковой политрук. От него мы и узнали о начале войны. Был дан сигнал сбора: полк срочно возвращался на основную базу.

Уже на второй день войны весь наш артиллерийский гарнизон встретил мощным огнем большую колонну немецких танков, идущих по Бердичевскому шоссе на Житомир. По танкам стреляли прямой наводкой до позднего вечера. Колонна была уничтожена. Рано утром полк погрузили в эшелон и отправили под Новоград-Волинскую крепость. И здесь мы сразу вступили в бой, но силы были явно не равными, и вскоре над полком нависла угроза окружения. Мы несли большие потери. На моих глазах гибли люди, с которыми я успел сродниться. Лейтенант Богунов, получив тяжелейшее ранение, застрелился из своего пистолета, мы похоронили его на деревенском кладбище в районе Пирятина.

Этот небольшой городок был забит войсками и техникой, так как единственный мост через реку, по которому можно было двигаться, немцы разрушили. Город непрерывно бомбили. По приказу командира полка выстреляли все снаряды по немцам, а затем взорвали орудия и тягачи.

А потом началась 14-тидневная эпопея выхода из окружения. За это время пришлось испытать многое, но самое страшное было — не попасть живым в руки к немцам. Я терял своих сослуживцев, встречался в пути с солдатами из других войсковых частей, но все мы двигались на восток — к своим. Шли через поля, перелески, ночевали в стогах, под деревьями или под открытым небом в оврагах или рвах. Иногда сталкивались с немецкими солдатами, вступали в короткий бой и шли дальше на восток.

Однажды с небольшой группой окруженцев мы подошли к какой-то речушке. На противоположном берегу реки хорошо были видны огороды с кукурузой и подсолнухами, а у берега из камышей на нас смотрел мальчик лет девяти. Мы знаками подозвали его ближе к берегу и узнали, что село занято немцами. И все-таки несколькими ходками переправились на ту сторону. Хозяйка испугалась, увидев людей в о-

енном обмундировании, а потом расплакалась: ее муж тоже служил в Красной Армии. Она дала нам поесть и принесла мне из сарая старый замасленный пиджак с брюками и кепку. Я переоделся и втихомолку сунул во внутренний карман свой пистолет. Из другой комнаты вышла девушка с обезображенным лицом. Это была родственница хозяйки из соседнего села, она собралась уходить домой. Я попросил ее взять меня с собой. Договорились, что выдадим себя за супругов, и пошли к площади, через которую обязательно надо было пройти. В центре ее на небольшом расстоянии друг от друга стояли 2 немецких патрульных. Девушка держала меня под руку, а я потихоньку ощупывал во внутреннем кармане свой пистолет, мысленно намечая возможные пути побега.

Первый постовой остановил нас и спросил: «Русиш зольдат?» Я ответил отрицательно. Он стянул с меня кепку, глянул на мои отросшие волосы и что-то крикнул, показывая рукой «идите, мол». Второй патрульный, видя это, нас не остановил. Мы шли по селу, и мне очень хотелось разрядить обойму во встречавшихся нам немцев, но надо было сдержаться. На выходе из села возле нас притормозила немецкая легковая машина с офицером, сидевшим рядом с водителем. В мозгу промелькнуло: «Сейчас будет 2 труп», но машина не остановилась и понеслась дальше, а мы благополучно вышли из села.

С благодарностью я простился со своей провожатой и пошел дальше. В Харьков я пришел на 14-е сутки после окружения, пройдя Зеньков, Охтырку, Богодухов. Зарегистрировался на сборном пункте на ул. Чеботарской и уже на второй день был назначен фельдшером взвода химзащиты во вновь сформированный медсанбат 216 стрелковой дивизии.

В составе этой дивизии в сентябре 1941 г. участвовал в жестоких неравных боях с фашистами за Харьков. Отстоять город не удалось. Немецкая армия по своему опыту и вооружению во много раз превосходила нашу неподготовленную и не укомплектованную оружием дивизию. В ее же составе я участвовал в боях до Дня победы, закончив войну в Кенигсберге. Из большого числа смертельно опасных эпизодов, пережитых мною за всю Великую Отечественную войну, остановлюсь лишь на форсировании Сиваша — гнилого моря.

Шёл 1943 год. В ночь со 2 на 3 ноября меня разбудил командир медсанбата и сказал, что я буду возглавлять группу медсестёр при форсировании Сиваша. Нас было 11 человек, кроме меня, фельдшер Терешкин и 9 медсестёр. У каждого вещмешок с перевязочным материалом, сухим пайком на 3 дня и флягой со спиртом. На полуторке, не включая фар, нас довели до берега. Перед группой была по-

ставлена задача: вброд перейти Сиваш, ширина которого при ветре с моря — 3 км. 200 м. Место перехода нам показал старик, переходивший Сиваш именно здесь ещё в гражданскую войну. Я должен был возглавить группу.

Шёл мелкий дождь-изморось, с моря дул небольшой ветер с сильным запахом сероводорода. Темень, хоть глаз выколи! При мне всегда был компас. Стал лицом к противоположному берегу, существование которого только предполагалось, и засёк положение светящихся стрелок компаса. Подумал — и разделся наголо, другого выхода у меня не было. Положил мешок на хребет шеи, приказал сделать то же всем остальным и шагнул в воду. В ледяной, перенасыщенной солью воде, резко пахнувшей сероводородом, ноги погружались в плывучий ил по колено. А вода местами доходила до подбородка. Иногда останавливался, клал левую руку с компасом, как в начале движения, и проверял, не сбился ли с пути. Исправлял направление и продолжал идти по тёмной воде, ничего не видя впереди. Я знал, что моя ошибка грозит гибелью всей группе, а люди шли за мной, глядя на мою белую спину, и верили, что я выведу их к противоположному берегу. Всё тело от холода одеревенело, сознание стало затемняться. Несколько раз наступал на останки солдат, лежавших в соленом иле ещё со времён гражданской войны. Это было жуткое ощущение! В голове билась мысль: «А если на пути попадётся более глубокий участок? Придется бросать мешки и плыть. А куда?» Напрягая все силы, иду вперёд, а берега всё нет и нет. Кажется, мы идём целую вечность. Ветер стих, зябь исчезла, на горизонте стала видна морская гладь. Появились нечёткие признаки рассвета, и как будто показались контуры берега. Радостное предчувствие сменилось сомнением. Но вскоре я убедился, что это всё-таки берег. Группа отстала от меня метров на 200-ти. Ступив на берег, я сбросил мешок и стал искать родничок, чтобы смыть с себя соль и ил. К счастью, метрах в пяти от берега нашёл лужу с полупресной водой и смог обмыться. Быстро оделся. Пришлось выпить спирта, чтобы согреться. Моя группа проделала то же. Радости нашей не было предела: мы победили, вброд перешли Гнилое море и остались живы!

Это была маленькая победа, но из таких ежедневных побед сложилась потом наша Великая Победа, праздник, о котором верно сказано, что он «со слезами на глазах».

*Д.м.н., профессор, бывший зав. кафедрой
факультетской хирургии И.Г. Митасов.
2001 г.*

САМЫЕ БОЛЬШИЕ СТОРОННИКИ МИРА – БЫВШИЕ ФРОНТОВИКИ

22 июня 1941 г. немецко-фашистские войска без объявления войны напали на Советский Союз. В это время мне еще не исполнилось 17-ти лет, но я уже был учащимся специальной артиллерийской школы №14 в г. Харькове. Перед войной вообще тяга к военным профессиям была очень большой, и почти все ребята 7–10 классов хотели поскорее пойти в армию, в военные школы и училища.

Еще в 1937 г. по решению Совета Народных Комиссаров СССР в нашей стране было создано 16 специальных артиллерийских школ, которые комплектовались из числа политически проверенных учеников, закончивших на «отлично» и «хорошо» 7 классов средней школы. Кроме общеобразовательных предметов, в спецшколах изучались военные дисциплины: уставы, топография, артиллерия, химзащита и т.п. Все учащиеся этих школ носили установленную для них форму одежды армейского образца. В Харькове таких школ было 2 — №14-ая и 15-ая.

Отбор в них был очень ограниченным и жестким. Ребятам, поступившим на учебу, было тогда всего лишь по 15–16 лет, но они уже чувствовали себя взрослыми, так как самостоятельно определили свою судьбу. Привлекательна для молодежи была и военная форма одежды: кители со стоячими воротничками, темно-синие брюки с красными кантами, кожаные ремни с медными блестящими бляхами. На черных петлицах — большие буквы «С.Ш.» и эмблема артиллерии — скрещенные пушечные стволы.

В воскресенье 22 июня 1941 г. мы с ребятами собирались поехать на речку, но день был прохладный, ветреный, и мы не поехали. А в 12.00 по радио объявили о начале войны. Через час-два все «спецы» собрались во дворе школы без всякого вызова или команды. Ребята были сильно возбуждены. Говорили о том, что на нашу территорию противника не допустят, война будет только за пределами страны. Начальство все время о чем-то совещалось, куда-то ездили, звонили по телефону. Наконец, часа в 4 дня поступила команда: всем разойтись по домам, пообедать, отдохнуть и к 20.00 быть в школе для ночного патрулирования по городу.

Нас распределили по три человека в качестве патрулей. На каждую тройку патрулей дали по одной учебной винтовке. Определили маршруты патрулирования. Основное задание было следить, чтобы не нарушалась светомаскировка, и задерживать возможных паникеров, разных нарушителей порядка, вылавливать шпионов и диверсантов. Всю ночь наши ребята патрулировали по улицам, дежурство прошло спокойно.

С первых дней войны нас перевели на казарменное положение. Вначале мы жили в помещении школы, затем нас вывезли в летние лагерь под Харьков.

В ночь с 19 на 20 октября 1941 г., за 4 дня до сдачи Харькова фашистам, нас эвакуировали на восток: через Сталинград по Волге и дальше — в Казахстан. Уезжали в 2 часа ночи со станции Левада. В это время началась бомбежка. Ехали очень долго, с частыми остановками, пропуская воинские эшелоны, идущие на запад, на фронт. Утром оказались только в Балаклее.

Вдруг послышался ноющий звук немецкого самолета-разведчика «Фоке-вульфа». Мы повыскакивали из вагонов и начали стрелять по нему из мелкокалиберных винтовок. С нашей стороны это было очень неосторожно, ведь мы были в военной форме. Надо было ждать налета.

Начальнику школы и политруку удалось убедить железнодорожников отогнать наш состав километра на 2–3 от станции. И действительно, через несколько минут на Балаклею и на наш состав налетела группа юнкерсов, и от станции практически ничего не осталось. Из нашего состава во время бомбежки никто не выскочил: так мы начали привыкать к войне и ее особенностям.

В Актюбинске, куда эвакуировали школу, запомнился страшный холод, голодные дни, напряженная учеба, а весной 1942 г. после выпускного экзамена за 10-й класс (с военной подготовкой, конечно), большинство выпускников попало в 1-е Ленинградское артиллерийское училище им. Красного Октября. Учеба шла ускоренными темпами: программу прошли вместо 2-х лет за 6 месяцев, и вот уже новый выпуск. Всем присвоили звание лейтенанта и возможные должности: либо командир огневого взвода, либо командир взвода управления батареи (КВУ), т. е. взвода разведки. Меня направили в штаб Юго-Западного фронта, который в то время находился севернее Сталинграда в одном из сел Воронежской области.

В штабе фронта меня спросили, кем бы я хотел быть: командиром огневого взвода или командиром взвода управления. Я, конечно, ответил, что хочу служить в разведке. Генерал, занимавшийся распределением, осмотрел меня с ног до головы, с горечью улыбнулся и спросил: «Сколько вам лет, лейтенант?» — «Девятнадцать!» — ответил я. «А вот обманывать начальство нельзя» (перед ним лежало моё личное дело). Подумав немного, он сказал: «До 19 лет вам ещё нужно дожить, а это на фронте не так просто». Он еще раз с сожалением, как мне показалось, оглядел меня и добавил: «Ладно. Направляю вас в разведку 897 артполка 333 сд».

Командир полка, которому я доложил о прибытии, прежде всего вызвал старшину и приказал обмундировать меня, как положено, перед отправкой на батарею. А одет я был действительно неважно. Гимнастёрка, галифе, шинелька — это было в норме. Общий вид портили обмотки и разбитые ботинки, а на петлицах у меня красовались лейтенантские кубики, вырезанные ножницами из простой консервной банки. К сожалению, училище тогда было не в состоянии обмундировать своих выпускников-офицеров по форме. Говорили так: «На фронте сами достанете недостающее».

Дивизия, куда я попал, стояла на переформировании, получала пополнение и совершенствовала боевую подготовку перед отправкой на передовую. Командир полка предупредил, что на следующий день сам проверит, чему меня научили за 6 месяцев в училище.

На следующий день командир полка вызвал меня к себе на КП и после нескольких вводных вопросов о расположении батареи и наблюдательного пункта на карте и примерно на местности, мне был дан первый приказ: уничтожить амбар, находившийся в 3–4 км. от КП. После нескольких пристрельных выстрелов мы разнесли этот сарай в щепки. Вторая задача была сложнее: «Твою полевую сумку вместе с картой, стереотрубой, биноклем и буссолью разнесло артогнём противника. А на опушке леса скопление неприятеля, готовящегося к атаке. Твоя задача — уничтожить его!» — прозвучал приказ командира. Я выполнил и его. На недоумённый вопрос, как мне удалось это сделать так точно, я показал свою фуражку, на козырьке которой были сделаны едва заметные нарезки — углубления, выверенные заранее по биноклю, что позволило верно рассчитать команды для залпов, а если бы и фуражку взрывной волной сбilo, то глазомерную подготовку ведения артогня можно делать и с помощью пальцев любой руки, вытянутой вперед на заранее рассчитанное и выверенное расстояние. И показал, как это делается. Этим я сразу завоевал уважение командира да и всей батареи. Для меня это было очень важно, потому что среди всех рядовых, сержантов и офицеров я оказался моложе всех по возрасту: мне не было еще и 19 лет.

Через несколько дней наша дивизия вступила в бой.

Из боевых событий особенно запомнились бои на Курской дуге, форсирование Донца и Днепра. Через Днепр мы переправлялись с разведчиками и связистами одними из первых на понтонах, буксируемых катерами, ночью. Затем несколько дней удерживали захваченный плацдарм до подхода подкрепления. За форсирование Днепра меня наградили орденом Красной Звезды, затем было ранение, госпиталь. Через месяц снова в бой. Освобождение Запорожья, штурм

Одессы, Николаев, Херсон. Выход на государственную границу. Второе ранение и контузия в Яско-Кишиневской операции, но в госпиталь не пошел, обошлись силами нашего дивизионного медсанбата.

Во время разгрома немцев в Яско-Кишиневском котле мне с двумя разведчиками удалось «захватить» в плен до 150 солдат противника, разоружить их и привести в расположение нашей части в штаб полка. А было это так. Мы пошли в лес к брошенному немцами большому обозу и автомашинам, стоящим на просеке. Из лесу вышел один немецкий солдат и поднял руки, затем вышло еще несколько, а за ними потянулась целая группа. Выстроили мы их и привели в штаб полка.

Запомнилось пребывание в Болгарии. Помню, после быстрого и утомительного, страшно пыльного и жаркого перехода (сентябрь 1944 г. был в Болгарии очень жарким и сухим) мы остановились на привал в какой-то болгарской деревушке, и бойцы сразу же бросились по дворам в поисках воды. Болгары в общем-то хорошо понимают русский язык, но с отдельными словами и жестами были курьезы. Встречали нас очень дружелюбно, действительно по-братски, да и слово-то у них при обращении к нам было особое — «братушка».

Помнится еще и День победы, но это было не 9 мая 1945 г., а в ночь с 7 на 8 мая. В эту ночь я был дежурным офицером по советскому гарнизону в г. Стара Загора в Болгарии. Во время обхода города с нашим военным патрулем мы вдруг услышали беспорядочную стрельбу в разных его районах, а затем в небо полетели разноцветные ракеты: красные, зеленые, белые (стреляли из ракетниц), в домах зажигались огни, люди выбегали на улицы, нас обнимали, «качали» на руках, угощали вином, и все радовались, кричали, плакали и смеялись одновременно. Всюду слышалось: «Победа, победа!» Да, это была победа, это было предварительное подписание акта о капитуляции Германии, а 9 мая 1945 года мы уже праздновали этот день официально.

Кончилась война. Одна из самых ужасных войн. Она унесла 20 млн. жизней советских людей. Из каждых 100 ребят моего поколения (1922–24 гг.) в живых после победы осталось только трое. Три человека из 100! Вдумайтесь в эти цифры: из каждых 100 ребят 20–23-летнего возраста в живых из войны вышли только трое! Погибло целое поколение молодых людей. Поэтому, я думаю, самыми большими сторонниками мира на земле являются бывшие фронтовики, вынесшие на своих плечах все тяготы войны, а затем и периода восстановления из разрухи нашей страны.

После войны я окончил Харьковский институт иностранных языков. Десять лет проработал деканом факультета английского и фран-

цузского языков. Затем меня направили на дипломатическую работу в США в Секретариат ООН, где я работал старшим переводчиком русского отделения Секретариата ООН в Нью-Йорке. За время пребывания в США мы с женой объездили на своей машине всю страну от океана до океана и написали об этом книгу «18 тыс.км. по США»

Ежегодно в День победы мы обычно встречаемся с ветеранами 14 и 15 спецшкол у стелы возле вокзала на Малой Панасовке или в музее 14 спецшколы, созданном школьниками — «красными следопытами» на базе 82-й средней школы г. Харькова. К сожалению, время беспощадно: многие из тех, кто вышел из войны живым, уже ушли из жизни, и с каждым годом наши ряды редуют. Сегодня постарели и поседели даже те, кто захватил хотя бы один-два месяца войны перед самой Победой, не говоря уже о тех, кто вступил в войну с первых ее дней.

*К. филолог. наук, доцент,
бывший зав. кафедрой
иностранных языков А.В.Овденко.
2001 г.*

НАЛЕТ.

В 1938 году я окончила 1-ый Харьковский медицинский институт. Училась хорошо, и меня оставили в аспирантуре. Я хотела быть врачом-лечебником, но не имела трудового стажа. Поэтому можно было остаться только на теоретической кафедре. Выбор пал на кафедру фармакологии, заведовал которой чудесный человек, известный ученый (особенно в области токсикологии) профессор А.А.Черкес. Он был не только талантливым ученым, но и прекрасным педагогом, внимательно и бережно относящимся к молодым кадрам. Многие выпускники обоих Харьковских мединститутков тех лет остались благодарны ему за то, что он помог им в выборе профессионального пути и дал старт в самостоятельную жизнь.

К началу Великой Отечественной войны я закончила аспирантуру и вместе с семьей оказалась в эвакуации в г.Свердловске. Здесь меня и призвали в действующую армию. Но кем мне быть? Лечебником — я не подготовлена, фармакологом — у меня нет еще опыта, поэтому я стала эпидемиологом. После небольшой переподготовки в штабе армии в Москве меня направили во фронтовую санэпидслужбу. Войну я закончила в Берлине капитаном медицинской службы 87-го санэпидотряда 3-й гвардейской танковой дивизии.

Много пришлось пережить во время войны, но особенно запомнился один налет.

Как-то во время Львовской операции мне и фельдшеру нашего отряда было дано задание: взять пробы воды во всех источниках освобожденного населенного пункта. Мы отправились в путь пешком, надеясь на попутку. И действительно, вскоре нас догнал отряд автоматчиков на нескольких подводах и 3 огромных стальных машины — танки «И. Сталин». Танкисты двигались с открытыми люками и предложили подбросить нас. Мы пристроились на броне и радовались, что скоро доберемся до нужного пункта.

Неожиданно налетели мессершмидты и на бреющем полете начали расстреливать людей. Наши хозяева-танкисты нырнули в люк, а мы с подругой остались на броне. Не помню, как мы скатились с нее, как отползли в сторону, всем телом прижимаясь к спасительной земле. Налет закончился так же неожиданно, как и начался.

Танкисты извинялись перед нами, объясняли, что в такой огромной машине места хватает только лишь на экипаж, а я не отрываясь смотрела, как содрогается в конвульсиях раненая лошадь (у нее была оторвана нога), и из раны бьет огромный фонтан алой крови. Я и раньше видела поля сражений, погибших и раненых солдат, но вид погибающего невинного животного с особой остротой подчеркнул бесчеловечность всего происходящего на войне.

Прошло столько лет, а я до сих пор часто вижу во сне этот налет и фонтан яркой красной крови...

*К.м.н., доцент,
бывший зав. каф. фтизиатрии З.М.Орлова.
2001г.*

САНИНСТРУКТОР СЕРГЕЙ СКИБА

Я рос в рабочей семье и самым лучшим местом на земле считал свою родную зеленую тихую Полтаву. В 14 лет мечтал стать артистом, но жизнь заставила выбрать более нужную людям профессию, и я поступил в Полтавское медицинское училище. Летом 1941 года сдавал последние экзамены, готовился посвятить себя благородному делу врачевания в мирное время. Но зловещее слово «война» зачеркнуло все надежды и мечты, принесло миллионам людей слезы, горе, страдания.

Мне было 17 лет, но вместе со всеми я отправился в областной военкомат записываться на фронт. Однако там мне сказали: «Подрасти!

Детей в армию не берем.» Это было очень обидно, но на следующий день я стал фельдшером пункта противовоздушной обороны. А скоро родной город заняли немцы.

Так я познал еще одну науку — науку ненависти. На центральной площади Полтавы теперь казнили подпольщиков и партизан.

Как только родной город освободили от фашистов, я тут же ушел в армию, причем постарался прорваться из запасного полка, куда меня зачислили, в маршевый батальон, который отправлялся на фронт. И мне это удалось.

Боевое крещение в качестве санинструктора принял под селом Гапино, что на Кировоградщине. Первая рота 287 гвардейского полка преследовала врагов. Немцы из второй линии траншей вели бешеный огонь. На нейтральной полосе, которая уже несколько раз переходила из рук в руки, остался тяжело раненный командир роты лейтенант Катков. К нему из медсанбата послали санитаря. Но шло время, а санитар с лейтенантом не возвращался. Фашистские автоматчики непрерывным огнем поливали то место, где лежал раненый. Надо было спасти его. И тогда я перевалился через бруствер окопа и пополз. Полз, не поднимая головы, используя каждую складку местности. Вот наконец и лейтенант. Живой! А около выступа воронки — убитый санитар, весельчак Петр Ивушкин, для которого этот бой тоже был первым.

Наскоро перевязал раненого, дал напиток. Надо было быстрее отправляться в обратный путь: лейтенант чувствовал себя плохо, он был ранен в бедро и потерял много крови. Я завернул его в плащ-палатку, взвалил на себя и выполз из воронки. Останавливаться приходилось часто: лейтенант был очень тяжелый. Я выбивался из сил, боялся, что не дотащу до своих. Тогда кое — как привязал к плащ-палатке две веревки, которые нашел в кармане, таким образом перемещаться стало легче. Взрывы ухали один за другим, а в голове была одна мысль: «Только бы побыстрее доползти до своих. Уже близко, еще чуть-чуть!»

Таким был мой первый бой, за который я получил и первую награду: медаль «За отвагу». С тех пор я принимал участие в освобождении многих городов: Пятихатки, Александрия, Ясиноватка, Аджамка и др., но первый бой запомнился особо.

Началось освобождение Причерноморья. Войска 1 Украинского фронта безостановочно двигались вперед, нанося врагу сокрушительные удары. И вот бой в районе Ананьево, Одесской области. Рано утром вслед за огневым артиллерийским шквалом пошли в атаку наши гвардейцы. На поле, как раны, зияли воронки от разрывов снарядов, отовсюду слышались пулеметные очереди. Было много ра-

ненных. Из того боя я вынес 30 раненых, а когда выносил 31-го, был сам тяжело ранен в голову. Товарищи доставили меня в госпиталь. Несколько дней был без сознания. После тяжелой контузии долго не мог ходить, терял равновесие. Но молодость брала свое, постепенно жизнь возвращалась ко мне. Когда почувствовал себя лучше, начал помогать медперсоналу принимать и лечить больных.

Прошло три с половиной месяца. При выписке из госпиталя мне предложили остаться при санотделе армии, но я давно решил, что вернусь к своим ребятам, в свою дивизию. Просьбу мою удовлетворили, и я был направлен в 463 стрелковый полк командиром санитарного взвода первого батальона.

Армия уже вступила на территорию Германии. Вспоминается форсирование рек Шпрее, Нейсе... Враг сопротивлялся с ожесточенностью обреченного. Бои становились все более напряженными, потери в людях все более значительными. Сколько минут, спрессованных в наполненные смертельной опасностью часы, приходилось переживать нам! Взять хотя бы только форсирование Нейсе. Когда мы переправились на вражеский берег, на нашу дивизию обрушился буквально огненный шквал. Атака отбивалась за атакой. А в речку, отсекая дорогу к эвакуации раненых и подвозу боеприпасов, непрерывно падали снаряды. В эту страшную ночь по кипящей от взрывов черной воде на утлой лодчонке мне пришлось перевозить раненых. Один рейс, второй, шестой... 29 солдат и офицеров я переправил тогда через реку, да еще 19 — бойцы моего взвода. А сколько того взвода было! Кроме меня, четыре человека: помощник, два санитары и ездовой. За форсирование реки Шпрее я был награжден орденом Красной Звезды.

Хочется вспомнить о последних днях Великой Отечественной войны, о Дне Победы.

Первое мая 1945 года наш 463 стрелковый полк встречал в наступлении на город Торгау-на-Эльбе. На следующий день согласно директиве командующего 1-м Украинским фронтом мы передали боевой участок нашего фронта войскам 1-го Белорусского и сосредоточились в лесах километрах в 30–50 южнее Берлина, как нам потом стало известно, для подготовки массированного удара на Прагу. Войска правого крыла фронта, где находился и наш полк, перешли в стремительное наступление по обеим берегам реки Эльбы в общем направлении на Прагу. Правда, прежде нам предстояло разгромить Дрезденско-Герлицкую группировку противника. После взятия города Дрездена дальнейшая наша задача была овладеть горными перевалами и через Рудные Горы войти в Чехословакию в тыл фашист-

ской группы войск, называвшейся «Центр», которая находилась под командованием генерала-фельдмаршала Шернера -фанатического приверженца фашизма.

К исходу 7 мая 1945 года мы главными силами преодолели Рудные Горы и были примерно в 80–100 км. северо-западнее Праги. Навстречу нам шли сотни и тысячи мужчин, женщин, подростков различных национальностей. Это были те, которых фашисты угнали из поработанных стран на каторжные работы. Низко склонив головы, по этой дороге возвращались на родину и честные трудовые немцы, которых палачи, отступая, также угнали из родных мест.

Рано утром 9 мая 1945 года, как нам потом стало известно, воинские подразделения 1-го Украинского фронта, преодолевая сильное сопротивление гитлеровцев, ворвались в Злату Прагу и к исходу дня полностью ее освободили. В это время войска 5-ой гвардейской армии заканчивали ликвидацию группировки врага северо-восточнее Праги. Наш 463 стрелковый полк, входивший в состав 118-ой Мелитопольской стрелковой дивизии, двигался по берегу реки Влтава, преследуя противника, находившегося в кольце наших войск, которое все теснее и теснее сжималось вокруг фашистов.

В этот день на КП нашего батальона было получено сообщение о том, что фашистская Германия приняла условия капитуляции. Однако остатки войск гитлеровского вермахта под командованием генерала-фельдмаршала Шернера, не признав капитуляции, продолжали вести бои. Наш полк, как и многие подразделения трех Украинских фронтов, вынужден был продолжать боевые действия. И лишь к 19 мая 1945 года ликвидация группировки гитлеровцев была завершена.

Война окончена! Сообщение об этом вызвало небывалой силы триумф всех фронтовиков. В то майское утро одновременно радость и слезы были на лицах всех советских людей. Впервые почти за четыре года с наших сердец свалилась гнетущая тяжесть тревоги за судьбу своих близких, миллионов соотечественников в солдатских шинелях. В этот майский, наполненный людским ликованием вечер сбросили мрак светомаскировки наши города, села, и свет засверкал во всех окнах. Это были незабываемые ощущения, оставшиеся в душе на всю жизнь!

Отремела война. Фронтовики возвращались к мирному труду. Прибыл в родную Полтаву и я, капитан медицинской службы Сергей Скиба. Несколько лет работал по специальности, а потом поступил в Харьковский медицинский институт. Старался учиться как можно лучше, чтобы больше пользы принести людям. Вся моя дальнейшая

судьба зв'язана з медичним інститутом, в якому пройден шлях від студента до кандидата медичних наук, доцента кафедри епідеміології. Багато сил віддано вихованню молодого покоління, в різних куточках всіх країн СНГ і за кордоном працюють мої учні, охороняючи найбільше багатство людини — її здоров'я. Вони продовжують справу, якій я присвятив всю свою життя.

*К.м.н., доцент кафедри
епідеміології С.І. Скиба.
2002 г.*

ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЕ ДЛЯ ЖИЗНИ

Родом я з Білорусії, з Гомельської області. До початку війни встигла закінчити Гомельський пединститут, аспірантуру при Білоруському державному університеті за кафедрою зоології і готова була до захисту кандидатської дисертації. З грудня 1940 г. викладала в Пінському вчительському інституті. Перші дні війни залишилися в моїй пам'яті, як час великої невизначеності (на той час одні повідомлення змінювалися на протилежні) і час великої відповідальності (під моїм керівництвом залишилася група студентів, я відповідала за їх евакуацію з зони можливих воєнних дій). З великим зусиллям добралася до рідних в Гомель, коли вже гостро стояв питання про евакуацію на схід. Сестра з хворим дитиною боялася їхати, мати залишилася з нею, я евакуювалася з племінницею і в початку навчального року опинилася в Чкалові / нині Оренбург /.

В чужому місті з дитиною на руках, я не могла влаштуватися на роботу, тому що мої документи про освіту залишилися в інститутському сейфі в Пінську. У мене чудом збереглося свідоцтво аспіранта з дозволом на проживання в общежитті Білоруського університету. При наявності цього «документа» мене і взяли на роботу в Чкаловський пединститут.

В другій половині жовтня 1941 г. в Чкалов прибув 1-й Харківський медичний інститут. По моєму освіті мені ближче була робота саме в медичному інституті. Я звернулася до директора ХМІ проф. А.М.Гаспаряну і вже з 10 листопада працювала препаратором на кафедрі анатомії людини.

В Чкалові в цей час накопичилося багато евакуйованих закладів і вищих навчальних закладів. Поміщень не хватало, кафедри

института размещались по городу в порядке уплотнения. Ну а кафедре анатомии вместе с кафедрами гистологии и физиологии разместили в старинном особняке, построенном еще до революции одним из богатых оренбургских купцов. Внутреннее обустройство производило большое впечатление: высокие лепные потолки, зеркальные двери, роспись на стенах. Но надо было думать о том, чтобы приспособить это помещение под учебные аудитории. В работе принимали участие все: и преподаватели, и студенты. Был оборудован большой лекционный зал, отведена комната для учебного музея, в небольших комнатах устроены препаровочные, в подвале поставили печь, где в обычных бельевых выварках вываривали кости. Здесь же были комнаты для преподавателей и лаборантов.

Институтская жизнь текла одновременно в нескольких руслах: не прекращаясь, шли занятия по 8–10 ч. в день, оборудовались кафедры, готовились учебные пособия, обустроивался быт преподавателей и студентов.

В связи с недостатком атласов и учебников проф. Отелин дал задание на ватманских листах воспроизвести таблицы всех костей скелета и отдельных костей черепа. Эти таблицы висели на стенах музея, а внизу под ними мы разместили в ящиках сделанные уже в Чкалове костные препараты. Вот здесь студенты и учили кости, чаще всего стоя, потому что катастрофически не хватало стульев, зимой в куртках и пальто, поверх которых были надеты белые халаты. Помещения нашей кафедры не отапливались, было очень холодно, казалось, никогда уже не согреемся, но мы жили: работали, учились, принимали участие во всех общественных мероприятиях.

В Чкалове заново создавался комитет комсомола института, потому что прежний практически распался во время эвакуации: кто-то досрочно выпустился и ушел на фронт, кто-то эвакуировался с родителями. В новом комитете комсомола меня избрали секретарем, и я с головой ушла в напряженную комсомольскую работу. Мы считали тогда, что комсомолец не имеет права учиться посредственно, что он должен быть впереди во всех институтских делах.. И мы доказывали это своей работой. Надо было заготавливать топливо — студенты перевыполняли норму и вырабатывали право на дополнительные кубометры, надо было помогать колхозам и совхозам на лесозаготовках — и в 1942г. на этих работах было занято 622 преподавателя и студента. Надо было сажать и убирать овощи на выделенных институту 5 гектарах земли — мы собрали в том же году урожай около 35 тонн картофеля, который за вычетом семенного фонда был весь передан в институтскую столовую.

Постепенно обустроивался быт студентов, которые в основном жили по «углам». В архивных материалах я однажды встретила отчет 1942 г.с перечнем вещей, выданных во временное пользование преподавателям и студентам, прибывшим в Чкалов. Вот этот список: матрасов — 17, одеял- 170, простыней — 351, полотенец — 224, занавесок — 73 и т.д. и т.п. Долгое время отдельные семьи преподавателей жили в спортивном зале, разделив его тканевыми перегородками на отдельные отсеки. Импровизированной мебелью служили ящики, в которых привезли институтское оборудование. Они были предоставлены также во временное пользование, т.к. никто не сомневался в том, что мы скоро вернемся в Харьков, и эти ящики снова понадобятся для той же цели.

Вся комсомольская работа подчинена одному: оказанию помощи фронту. Каждый старался принять посильное участие в разгроме фашистского зверя. После занятий мы часто ходили на расчистку железнодорожных путей от снега, помогали выносить раненых из санитарных поездов, работали в госпиталях. Студенты выступали с концертами перед ранеными бойцами, писали под диктовку письма их родным, помогали медперсоналу. У нас была группа из 30 человек, которая постоянно дежурила в палатах для тяжелораненых. И каждый студент старшего курса считал за честь попасть в эту группу. Мы собирали подарки для отправки на фронт бойцам, стирали солдатское белье и делали много других полезных дел.

Конечно, молодость брала свое, и мы находили время и для отдыха, для веселья. Устраивали вечера и приглашали на них артистов эвакуированных театров, которые тоже находились в Чкалове. У нас в гостях побывали артисты Малого Ленинградского оперного театра Шапошников, Кильчевский, Модестов и др. Несколько раз на встречу со студентами-медиками приезжал композитор В.Соловьев-Седой.

Помню курсовые вечера в студенческой столовой. Чтобы устроить угощение вечером, мы собирали талоны для питания за день. И не беда, что не поедим днем, зато вечером собираемся в столовой, и на столах нас ждет скромная еда военного времени, казавшаяся тогда необыкновенно вкусной.

Здесь устраивались литературные диспуты, викторины. Прекрасный вечер на тему: «100 вопросов по аллергии» устроен был под руководством проф. Д.Е. Альперна.

Большое внимание уделялось поддержанию спортивной формы, все студенты сдавали нормы ПВХО (противовоздушной и химической обороны), а также нормы ГТО и ГСО 1-й ступени (готов к труду и обороне, готов к санитарной обороне). Проводились кроссы, марш-бро-

ски. В Чкалове комсомольцы-медики организовали лыжный переход на 340 км. по маршруту Чкалов-Шарлык-Чкалов. Он был единственным в области и приобрел широкую известность. В нем участвовало 10 студентов-бойцов, которые проводили в пути санитарно-просветительскую работу. Согласно распоряжению народного комиссариата обороны со студентами-мужчинами проводились занятия по всеобучу по 110-часовой программе.

И наконец, радостное известие — освобожден Харьков. В июне 1943 г. наш эшелон выгрузился в родном городе. Здание общежития по ул. Веснина, 14 стояло без окон и дверей, в комнатах битый камень и стекло, окна заложены кирпичом. Не было света, воды, но все были счастливы: мы в родном городе. Комсомольцы приняли самое активное участие в расчистке Харькова от руин. Были разрушены гистологический и химический корпуса мединститута, руины которых мы тоже разбирали. На месте одного из них на пл. Дзержинского между зданиями военной академии и гостиницы «Харьков» комсомольцы института посадили сквер. На месте другого, у станции метро «Университет», был построен «Дом техники». Мы ремонтировали Госпром, вокзал и многие др. объекты. А самое главное — мы реконструировали и достраивали здание нашего морфологического корпуса.

Растет и хорошеет родной город. И когда едешь его улицами, бываешь в городском саду им. Шевченко, с гордостью думаешь о том, что частица нашего труда, комсомольцев 40–50 г.г., вложена в общую копилку дел, совершавшихся под девизом: «Все для фронта, все для жизни!»

*К.м.н., доцент каф. анатомии человека Б.М.Смолкина.
2003 г.*

КАК НАЧИНАЛАСЬ ДЛЯ МЕНЯ ВОЙНА

Я работала в Харьковском медицинском институте с января 1954 по 1982 год вначале ассистентом (по конкурсу), а с 1965 г. — доцентом, ответственным за учебный процесс. В то время, 50-е годы, шло восстановление страны, страшно разрушенной войною. А она жила в нашей памяти...

Никогда не забуду, как в последний мирный день, 21 июня 1941 г., в нашей харьковской школе №100 был выпускной вечер. О том, как началась для меня война, я рассказала в одноименном стихотворении. Никто не думал, что война будет долгой. Когда была объявлена эвакуация, мы уезжали с надеждой, что через 2–3 месяца вернемся.

Евакуация была не просто бегством от врага. Это было мудро спланированное правительством мероприятие для сохранения людских и технических резервов. Огромные массы людей, заводское оборудование, учебные и научные учреждения перемещались на восток, чтобы страна могла жить, при этом оказывая посильную помощь фронту.

Эшелон, в котором ехала наша семья, шел до г. Саратова полтора месяца, потому что его то и дело ставили на какой-либо станции на запасный путь, освобождая дорогу для более значимых грузов — заводских и военных, а они шли потоками. Но нас ждали: к приходу эшелона был подготовлен целый обоз саней. Ночью нас повезли за Волгу в глубь Поволжья — Красноярский район, село Шефер (потом — Линовка). Там мы стали колхозниками. Старшим людям нашлась работа в селе, а молодежь отправили на бригаду — домик в степи за 20 км от населенного пункта. Надо было собирать оставшийся неубранным подсолнечник, молотить и сдавать семечки на станцию для переработки.

Попали мы, городские жители, налегке, не имея понятия о такой обуви, как сапоги, в заснеженную степь. Отогреться, обсушиться можно было только ночью в бригаде у печки.

В феврале 1942 года всю молодежь от 15 до 18 лет призвали на курсы трактористов. Ходили мы учиться в МТС за 4 километра в другое село. Учились около месяца, а затем разослали нас по селам. Я попала в хутор Дальний. Наша тракторная бригада состояла из двух девочек (я и Лара, тоже харьковчанка) и трех ребят. Одного из них вскоре призвали в армию.

Первое время был у нас бригадир — тракторист из МТС. Под его руководством мы подготовили машины и стали работать в поле. Вскоре и его призвали на фронт. Нашим опекуном стал пожилой человек из колхоза. Но нас подгонять не надо было. Мы отлично понимали, что надо все сделать для фронта и старались, как только могли, работая с рассвета и до темна. Тракторов было больше, чем трактористов. Работа была нелегкая, но мы старались огрехов не допускать. Надо признать, что мальчишки лучше нас понимали машину. Даже Женя Колбедюк, которому было всего 15 лет, а уж Леня Солоный был для нас авторитетом в работе.

Поля были огромные. Тракторы были старого образца. У Лары был «Универсал» с длинной трубой, как у паровоза, а у меня — колесный СТЗ. Заводить их надо было рукояткой, которая иногда давала отдачу. Работала я на тракторе до октября 1942 года, пока не получила травму и была по медкомиссии отпущена из бригады.

И вот уже поздней осенью, в конце октября, окончательно оправившись от травмы, я решила поехать в г. Саратов. Мне хотелось учиться, школу я окончила с отличием и мечтала стать врачом. Могла поступить в институт без экзаменов, но война нарушила все планы.

Все, кто пережил войну, никогда не смогут забыть, какое это горе. Все рухнуло — гибнут люди, теряются семьи (до сих пор ищут близких, родных людей, потерянных в те времена), разрушается семейный очаг, невыполнимыми становятся планы и мечты. Вокруг нужда, трудности, а надо выстоять и другим не дать упасть духом. Но даже в самые трудные дни мы верили в победу.

Вспоминая то время, я могу сказать, что люди, объединенные общей бедой, были добрее друг к другу, сочувствовали и помогали бескорыстно, делились последним. Мы чувствовали свой долг перед теми, кто воюет на переднем крае. Тяжело нам приходилось. Но наши трудности не шли ни в какое сравнение с тем, что переживали бойцы на фронте.

Для нас день начинался в 6 часов утра у репродуктора. Висели на стенах такие черные «тарелки» — радио, откуда мы узнавали информацию о положении на фронте. Голос диктора Левитана всем был знаком. То сводки слушали, то письма с фронта... Были сообщения и о том, что такой-то солдат не получает писем, и мы записывали адреса (№ полевой почты) и писали бойцам, чтобы подбодрить, разогнать тоску-печаль. Собирали посылочки: то варежки, то носки, то свои теплые шарфики — чем могли, тем помогали и, конечно, записочки туда клали. И все мы были донорами — это уж обязательно! А когда вернулись в освобожденный Харьков (как мы по нему скучали!), тоже пережили и разруху и лишения. Ходили расчищать завалы разрушенных домов, приводили город в порядок.

Война — это горе, потери и потрясения. Необходимо оберегать мирную жизнь — об этом нельзя забывать никогда. А героев Великой Отечественной войны надо уважать и беречь. Они не щадили себя ради нашего мирного будущего. Огромной ценой досталась нам победа...

*К. биол. наук, доцент кафедры
микробиологии, вирусологии и
и иммунологии Т.И. Степанюк.
2013 г*

**ОДНОКУРСНИЦЕ.
Саратов, 1942 год**

Тебе девятнадцать исполнится скоро
И столько ж исполнилось мне.
Все у нас вместе — дружба и ссоры,
И наши мечты о весне.
Ты вспомни, как часто с тобой мы мечтали
О том, чтоб прошли холода,
Чтоб печки дымить и коптить перестали,
С окна б не бежала вода,
Чтоб часто и быстро трамваи ходили
(Пешком замерзали ходить),
В столовой бы кашей нас с мясом кормили
И было б что дома варить.
Мы сытыми вряд ли с тобою бывали,
Но все-таки (вспомни, дружок!)
Свой донорский хлеб на билеты меняли,
Чтоб «Сильву» услышать разок.
О чем говорили, о чем горевали —
В двух строчках всего не сказать.
Мы, кажется, лишь об одном не мечтали:
Как будем зачеты сдавать.
Как брови наш строгий анатом насупит
И скажет сурово опять:***
Девчата, когда-нибудь время наступит?
Пора уже «мышцы» сдавать!
И ты, к семинару готовясь прилежно,
Над книгой весь день просидишь,
А вечером... Вечером, может быть, нежно
Кому-то в глаза поглядишь.
И, глядя, забудешь свои семинары —
До них ли, по правде, уж тут,
И в тон настроению звуки гитары
Откуда-то тихо плывут...
И кажется, Зойка, что это неправда,
Что где-то бушует война
За то, чтоб спокойно у стен Сталинграда
Цвела вот такая весна,
За то, чтоб счастливо в свои девятнадцать,
Которых прекраснее нет,

Любая девчонка могла улыбаться
Любимому другу в ответ.
Но все это — правда.
И в битве суровой
За нас — за тебя, за меня,
За наше свободное, вольное слово,
За радость грядущего дня,
За все, что зовем мы Отчиной своею,
Что нужно, как солнце, любить -
Я даже словами сказать не сумею,
Как хочется яростно мстить.
Должны мы упорно и много учиться,
И знания такие иметь,
Чтоб тем, кто с победою к нам возвратится,
Могли б мы в глаза поглядеть,
И чтобы с укором они не сказали,
Когда к нам с победой придут:
Мы кровью своею вас ТАМ защищали,
А что же вы делали ТУТ?

СЕБЯ УЧАСТНИКОМ ВОЙНЫ СЧИТАЮ

Я не бывала на самой войне,
Я только около войны бывала,
Такой уж, видно, выпал жребий мне:
В Поволжье я на тракторе пахала:

Ушли мужчины в пеклище войны.
Когда война дошла до Сталинграда,
В степи нам были отзвуки слышны
Той страшной Сталинградской канонады.

В Саратове, в году 42-м,
Когда студенткой стала,
Всем, чем могла, другим уже трудом,
Я фронту помогала.

Мы — первокурсники. Что мы умели? Но
Шел раненых поток из Сталинграда.
И после лекций уходили не в кино,
А в госпиталь спешили, если надо.

Конечно, в малом мы полезны были,
Но лишними нас не считали:
Мы раздевали раненых, переносили
И даже в перевязочной бывали,
Кормили и постели поправляли,
И письма их родным писали.

Хоть витаминов не было у нас
И мы давно забыли вкус моркови,
Но регулярно каждый месяц раз,
Мы шли на станцию переливанья крови.

И помня лица тех солдат,
Безжалостно искромсанных войною,
Просили взять у нас не «250»,
А, если можно, — вдвое.

Потом вернулась я домой –
В родной уже освобожденный город,
Где пахло все еще войной...
И холод был, и тьма, и полуголод.

Еще не виден был конец войны,
Но уж была победа несомненной.
Мы пели песни в честь своей страны,
Ее считая лучшей во Вселенной.

Мы ждали: скоро к нам придут
Любимые и дорогие,
Мы им писали, как их ждут,
Мы так хотели, чтобы были все живые.

Я эти тяжкие военные года
Совсем не понаслышке знаю,
И потому, что помню их всегда,
Себя участником войны считаю.

*Доцент кафедри мікробіології,
вірусології та імунології Т. Степанюк.*

ВОСПОМИНАНИЯ О РАБОТЕ В ОРЕНБУРГЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1944 ГГ.)

Война застала меня в Харькове, где я в 1939 г. стал заведовать кафедрой патологической анатомии 1-го Харьковского медицинского института (1-го ХМИ) и куда в том же году переехал из Москвы на постоянное место жительства. В хорошем коллективе харьковской кафедры со славными традициями, с прекрасным составом профессоров — клиницистов и теоретиков в институте мной была развернута требовавшаяся от меня научно-педагогическая и общественная деятельность. Сотрудники кафедры работали с интересом, настойчиво, упорно. Была намечена программа проведения больших исследований, уже были получены некоторые результаты.

Но все внезапно прервала война, начавшаяся в ночь на 22 июня 1941 г. Намеченные планы о летних работах и отпусках не осуществились. Надо было готовиться к отпору напавшему неожиданно на нашу страну коварному врагу. Начались работы по защите города от воздушных налетов. Люди копали бомбоубежища, щели, заклеивали оконные стекла. Город быстро был приведен в состояние боевой готовности, что и проявилось во время очередного воздушного налета, когда было сбито несколько вражеских самолетов. Между тем фронт стремительно приближался. Мы видели, как организованно проходила эвакуация оборудования заводов и предприятий с их персоналом. Наконец, в августе появились слухи об эвакуации 1-го ХМИ. Но вместе с тем 1 сентября 1941 г. возобновились занятия в институте. Я помню, как начал читать первую лекцию студентам III курса под грохот стрельбы орудий противовоздушной обороны. Лекцию пришлось прекратить, всех студентов — просить быстро спуститься в подвал, переоборудованный под бомбоубежище. Конечно, в таких условиях нечего было и думать о систематических занятиях.

Несмотря на частые воздушные тревоги, харьковчане соблюдали полный порядок, спокойно выполняли данные им оборонные поручения. В институте работала комиссия по эвакуации, кафедра получила ящики для упаковки микроскопов, микротомов, таблиц, диапозитивов. В течение последней недели сентября 1941 г. кафедра патологической анатомии, как и другие кафедры, упаковала только самое необходимое оборудование, которое позволило бы развернуть преподавание на новом месте в самые короткие сроки. Ведь подготовка врачей в такой опасный для страны военный период была делом совершенно необходимым, так как многие медицинские институты во временно оккупированных зонах западных республик нашей

Родини были разрушены и фактически прекратили свое существование.

Очень помогло нашей эвакуации Управление южных железных дорог. Институту были предоставлены 6 вместительных товарных вагонов для ящиков и 7 вагонов дачного типа для сотрудников с семьями. Словом, получился целый состав, который очень организованно был загружен. Места для сотрудников были заранее размечены, не было никакой давки, вся загрузка проходила в полном порядке. Чувствовались только некоторое напряжение людей и большая озабоченность, тревожила неизвестность маршрута. Однако у всех была твердая вера в победу над немецко-фашистскими захватчиками и возвращение после победы в Харьков.

В день нашей эвакуации стояла теплая, солнечная осенняя погода и, к счастью, не было ни одной воздушной тревоги. Эшелон тронулся поздно вечером и в один из первых дней октября благополучно добрался до Курска. Перед Курском днем мы увидели из окон вагонов воронки от бомб после вчерашней бомбежки одного из эшелонов, выехавшего на несколько часов раньше нас и, как мы узнали позднее, сильно пострадавшего от воздушного налета. Через сутки на большой узловой станции Горбачево эшелон повернул на восток в направлении Тамбов — Саратов, и еще через сутки мы пересекли в Саратове Волгу и ночью с 5 на 6 октября 1941 г. подъезжали к Уральску. Здесь уже не было затемнения и на станции как-то, казалось, особенно ярко горели огни. 7 октября 1941 г. наш эшелон прибыл в Соль-Илецк, где стоял более суток. Наконец, нам объявили, что мы получили направление на г. Чкалов (Оренбург), который и оказался нашим конечным пунктом.

Хотелось еще раз отметить организованность и четкость работы в тот тяжелый начальный период войны железнодорожного транспорта, который успешно справлялся с подвозом фронту необходимых военных материалов на запад, эвакуацией заводов, учреждений с их персоналом на восток, в глубокий тыл. Вспоминаю, что во время нашего многосуточного продвижения к Оренбургу на всех крупных станциях работали пункты питания, обеспечивавшие горячей пищей многочисленные эшелоны эвакуированных, в том числе и наш эшелон. Такая обстановка всех успокаивала и усиливала веру в неизбежность нашей победы.

В Оренбурге после нескольких дней пребывания на станции всем приехавшим сотрудникам кафедр 1-го ХМИ были предоставлены жилые помещения, постепенно все устроились, правда, тесно, но без каких-либо обид. Заведующий патологоанатомическим отделением

областной больницы врач Зайцев очень хорошо меня принял, обещал всяческое содействие в работе кафедры, оказал помощь в предоставлении нам двух комнат, где временно было размещено имущество кафедры. Словом, через 4 недели после нашего приезда в Оренбург кафедра патологической анатомии, развернутая на базе областной больницы, могла начинать практические занятия. Постепенно прибывали студенты разных курсов не только Харьковского, но и других эвакуированных на восток и отставших в пути медицинских институтов, прибывали разными путями профессора и преподаватели. Ко дню годовщины Великой Октябрьской социалистической революции 1-й ХМИ возобновил в Оренбурге прерванные эвакуацией занятия.

Местные власти, в частности, заведующий облздравотделом Шлюндин, а позднее Турова, помогали развертывать клиники на базе городских больниц. Оказывали помощь главный врач клинической железнодорожной больницы З. М. Катцев, заведующая детской железнодорожной больницей О.К. Иванова и многие другие.

Но все-таки при организации учебно-лечебного дела на многих, особенно теоретических, кафедрах встречались большие трудности из-за недостатка помещений, которые можно было преодолеть только при вмешательстве областного руководства. На совете института возникла мысль создать комиссию из профессоров, представительную не только в научном отношении, но и по «внешнему виду». К сожалению, из приехавших в Оренбург профессоров один И.Р. Брауде носил окладистую профессорскую бороду, а молодой профессор Н.Н. Бокариус только начинал отпускать бороду, которую он обещал сбрить лишь после победы и возвращения в Харьков. Было решено отправиться группе профессоров во главе с «бородатыми» к секретарю обкома партии Г. Денисову со всеми нашими просьбами.

Г. Денисов очень хорошо нас принял. Он уже, видимо, многое знал и о трудностях института, и о той пользе, которую кафедры института могут принести здравоохранению города и области. Словом, визит был очень полезный, и через короткий срок все в институте почувствовали новые, более теплые веяния со стороны главных врачей больниц, облздравотдела и Управления эвакогоспиталей. В их распоряжение поступили специалисты разного профиля и высокой квалификации. Это способствовало улучшению лечебно-диагностической работы, особенно в эвакогоспиталях, где специалисты института начали проводить нейрохирургические операции, сложные операции на легких, на сердце и др.

Большая научно-исследовательская работа проведена была кафедрами института по выяснению этиологии, патогенеза, патоло-

гической анатомии своеобразной болезни, названной септической ангиной. Это заболевание возникало среди населения, питавшегося зернами проса, перезимовавшего под снегом. Было установлено, что в зернах, пролежавших зимой под снегом, размножается грибок, обладающий выраженными токсическими свойствами. Попадая вместе с просом в организм человека, токсины грибка оказывают патогенное действие на молодые клетки костного мозга, разрушают их. Кровь лишается главных защитников организма — нейтрофильных гранулоцитов, вследствие чего легко возникает аутоинфекция в форме некротической септической ангины, от которой быстро наступает гибель заболевшего. Все детали этого патологического процесса были хорошо прослежены и изучены на руководимой мной кафедре патологической анатомии. Материал для изучения собирала ассистент кафедры М.А. Тищенко, специально вылетавшая в отдаленные районы, где особенно много было летальных случаев при этом заболевании. На основании наших исследований было предложено называть болезнь не септической ангиной, а миелотоксикозом грибковой этиологии. Вся работа по изучению этого первоначально казавшегося загадочным заболевания проводилась под руководством проф. С.Г. Миронова (заведующего кафедрой микробиологии 1-го ХМИ) в специально организованной по указанию Минздрава СССР лаборатории с привлечением многих кафедр института. Проведенные бактериологические, микологические, патологоанатомические исследования были опубликованы в виде сборника трудов, на основе которого разрабатывались мероприятия по профилактике и лечению миелотоксикоза. Областное руководство вручило всем участникам борьбы с миелотоксикозом (септическая ангина) благодарственные грамоты.

В Оренбурге с первого года войны и до ее конца была развернута большая сеть тыловых эвакуационных госпиталей. С организацией в городе клиник 1-го ХМИ ряд госпиталей принимал специализированный характер: нейрохирургический, ранений глаза, уха, туберкулезный, терапевтический и др. Вскоре же по приезду в Оренбург мне была предложена должность консультанта — патологоанатома эвакуационных госпиталей. Заведующим патологоанатомическим отделением была назначена ассистент руководимой мной кафедры канд. мед. наук Н.А. Максимович. Ей помогали и другие ассистенты кафедры — доктора Мазо, Пригожина.

Мы коллективно изучали особенности течения раневого процесса в условиях глубокого тыла, уточняли роль и характер инфекции, разбирали причины смерти раненых, находившихся в глубоком тылу,

детально изучали по историям болезни поэтапное лечение раненых, анализировали допущенные врачебные ошибки, подробно разбирали их на клинко-анатомических конференциях. Все материалы по сравнению клинических и патологоанатомических диагнозов обрабатывали статистически по месяцам, кварталам, полугодиям, сравнивали и результаты также докладывали на врачебных конференциях. Конечно, врачебных ошибок было немного, но каждая из них служила предметом тщательного разбора. На конференциях принимались решения, направленные на устранение отмеченных ошибок. Это привело к снижению процента ошибок и, следовательно, к повышению качества диагностической и лечебной работы, увеличению частоты возвращения перенесших ранения в строй. В начале 1944 г., когда по эвакуогоспиталям Оренбурга накопился достаточный материал, состоялась общеврачебная научно-практическая конференция эвакуогоспиталей Южно-Уральского военного округа. Председательствовал на конференции командующий войсками Южно-Уральского округа генерал-полковник М.А. Рейтер. С докладами выступали профессор хирурга Л. З. Цейтлин и А.М. Гаспарян, невропатолог Г.Л. Каневский, инфекционист И.Р. Брауде, эпидемиолог М.Н. Соловьев и я как патологоанатом. В докладе я представил подробный анализ качества диагностической и лечебной работы, остановился на допущенных врачебных ошибках, мерах по их устранению, принимаемых в эвакуогоспиталях, что привело к снижению количества ошибочных клинических диагнозов в эвакуогоспиталях Оренбурга. Выступивший после обсуждения докладов с заключительным словом командующий округом М.А. Рейтер очень высоко отозвался о работе в эвакуогоспиталях профессоров 1-го ХМИ, отметил большую научную и контролирующую роль патологоанатомической службы в системе эвакуогоспиталей, подчеркнул ее значение для поддержания должного уровня диагностической и лечебной работы. После заседания М.А. Рейтер крепко жал мне руку, благодарил за доклад и сказал, что доклад открыл ему глаза на значение патологоанатомической службы для укрепления диагностической, лечебной и научно-госпитальной работы среди врачей. Я ответил ему латинским изречением, которое характеризует патологоанатомическое учреждение: «*His locus est, ubi mortui vivos docent*» («это место, где мертвые учат живых»). Итогом конференции было развернутое постановление Военного совета Южно-Уральского округа от 14 апреля 1944 г. за №14, в котором отмечалась большая работа, проведенная 1-м ХМИ в эвакуогоспиталях Оренбурга, выражалась благодарность ряду профессоров, а профессора А.М. Гаспарян (директор 1-го ХМИ), А.И. Струков (патологоанатом), А. З. Цейтлин

(хирург) были награждены грамотами Военного совета округа. Для меня эта награда всегда является напоминанием о той ответственной работе, которую мы проводили в Оренбурге.

Помимо практических задач, мы старались в своей работе решать научные вопросы. Так, ассистент кафедры А.С. Налбат вместе с хирургом врачом Брайцевым изучали изменения костной культи и определяли методы совершенствования протеза резецированного бедра. Ассистент Н.А. Максимович изучала особенности проявлений туберкулеза у раненых бойцов. Было убедительно показано, что многие молодые бойцы страдают различными проявлениями первичного туберкулеза, как острого, так и хронически текущего. Работы А.С. Налбат и Н.А. Максимович были опубликованы в журналах.

Первую очень холодную зиму 1941–1942 гг. кафедра патологической анатомии 1-го ХМИ располагалась в патологоанатомическом отделении областной больницы, где находились и многие клиники. Но здесь занятия часто срывались из-за плохого отопления. Весной 1942 г. я получил предложение от главного врача клинической железнодорожной больницы З. М. Катцева организовать в больнице патологоанатомическое отделение и на его базе развернуть кафедру. В больнице и ее подсобных помещениях было паровое отопление, учреждение обеспечивало себя топливом. В течение лета 1942 г. помещение для отделения и кафедры было отремонтировано, и с осени мы приступили к работе. В больнице по инициативе главного врача были организованы клиничко-анатомические конференции. Словом, впервые в истории железнодорожной, больницы начала функционировать патологоанатомическая служба, и я был оформлен приказом по больнице как консультант-патологоанатом. К этому же отделению была присоединена детская железнодорожная больница, возглавлявшаяся О.К. Ивановой. Затем была организована патогистологическая лаборатория, в которой исследовались материалы биопсии, что способствовало повышению качества диагностики. Важное значение имела биопсия в диагностике гинекологических заболеваний. Это очень скоро понял главный врач железнодорожной больницы З. М. Катцев, который активно содействовал организации биопсийной лаборатории и вообще патологоанатомической службы в руководимой им больнице. Позднее, после ухода З. М. Катцева, ту же линию отношения к кафедре и к патологоанатомической службе проводил сменивший его доктор Юрашкевич. Работа руководимого мной патологоанатомического отделения отражена в приказе наркома путей сообщения и многочисленных приказах по больнице. За годы работы кафедры патологической анатомии на базе железнодорожной

больницы мы поддерживали постоянные и тесные связи с врачами не только этой больницы, но и клиник, устраивали для врачей научно-практические конференции и лекции по актуальным вопросам медицины.

Приведенные материалы свидетельствуют, что коллектив руководимой мной кафедры патологической анатомии 1-го ХМИ за время пребывания в Оренбурге (1941—1944 гг.) проявил много энергии и инициативы для организации в системе здравоохранения Оренбурга и области, в эвакуогоспиталях, в больницах железнодорожного транспорта патологоанатомической службы на уровне требований современной тому времени клинической и теоретической медицины. Проводимые мероприятия (систематические клинико-анатомические конференции, разбор клинических ошибок, разборы дефектов ведения историй болезни, формулировок клинического диагноза) способствовали устранению недостатков и повышению уровня диагностической и лечебной работы в эвакуогоспиталях, лечебных учреждениях города и области. За 1941—1944 гг. были заложены крепкие основы патологоанатомической службы, на базе которой продолжали свою деятельность после реэвакуации 1-го ХМИ кафедра патологической анатомии Оренбургского медицинского института и его клинические кафедры.

Покидая в конце лета 1944 г. Оренбург, все мы, харьковчане, испытывали чувство глубокой благодарности к оренбуржцам, которые создали нам условия для плодотворной работы, позволившие нам внести свой вклад в дело победы над немецко-фашистскими захватчиками, вера в которую нас не оставляла ни на одну минуту с момента эвакуации из Харькова.

*Д.м.н., профессор, академик АМН СССР,
Герой Социалистического Труда А.И.Струков,
1979 г.*

И В ПАМЯТИ, И В СЕРДЦЕ...

Среди тех, кто приближал светлый день Победы, был и замечательный харьковчанин, прекрасный хирург проф. Александр Иванович Мещанинов, имя которого носит городская больница скорой и неотложной помощи. Не успев эвакуироваться, он с семьей остался в оккупированном Харькове и продолжал трудиться в 9-й больнице, которая с начала войны работала в режиме госпиталя. Здесь осталось много раненых, и коллектив, руководимый профессором, прилагал

все усилия к их спасению. Спустя некоторое время, Александр Иванович предпринял безуспешную попытку спасти раненых из концентрационного лагеря на Холодной горе, в этом ему помогли семья, коллектив больницы, но и многие жители Харькова. Работа эта была связана с огромным риском для жизни, можно сказать, что вместе с больными медики ходили по лезвию ножа, но они продолжали работать. По свидетельству историков, А.Н. Мещаниновым и его группой было спасено около 2 тыс. пленных. Многие из них поддерживали связь со своими спасителями и после войны, приезжали в Харьков, встречались с людьми. Был среди них и бывший танкист Федор Суворов, который в 70-е годы прислал в ХМИ свои воспоминания о том периоде. Они никогда не печатались, мы предлагаем вниманию читателей «Медичної газети» рассказ очевидца героической деятельности проф. А.И. Мещанинова и его группы, тем самым выполняя прижизненную волю бывшего танкиста Ф. Суворова.

Все дальше в прошлое уходят годы Великой Отечественной войны. Но время не стирает из памяти моих боевых друзей, отважных и смелых комсомольцев 40-х годов, дороги, пройденные нами в суровые военные годы.

Мне довелось в составе 86-й отдельной гвардейской танковой бригады пройти боевой путь от Воронежа до Днепра. В бригаде служили люди разных национальностей — русские, украинцы, белорусы, грузины, башкиры... И все они, как братья, дрались мужественно и стойко на своих боевых машинах «Т-34».

Навсегда остались в памяти ожесточенные бои за Воронеж, села Иловское, Краснолипье, Репревку, города Старый Оскол, Курск, Белгород, Харьков, Люботин, Чугуев, Красноград... Такой боевой путь нашей бригады в январе-марте 1943 года. Нередко нам приходилось драться с гитлеровцами, значительно превосходившими нас в танках и живой силе. Но мастерство, выдержка, мужество людей помогали выполнять боевые задания. Не буду скрывать, что иногда было страшно, но сильнее страха была ненависть к фашистам, наша любовь к Родине, к жизни.

15 февраля 1943 г. был освобожден Харьков и вместе с ним значительная территория Украины до Днепра. Но к концу февраля гитлеровцы сумели перебросить с других фронтов свежие танковые и пехотные дивизии, создав численное превосходство в людях, орудиях, танках, самолетах. У нас же в то время из-за отсутствия железнодорожного транспорта, который был разрушен гитлеровцами при отступлении, и слишком глубоких снегов ощущались перебои в снабжении горючим и боеприпасами. Но, несмотря на трудность создавшегося

положения, танкисты 86-й бригады дрались самоотверженно, до последнего снаряда.

Борьба за Харьков шла не на жизнь, а на смерть. Я был командиром танка и одновременно комсоргом 232-го танкового батальона. 8 марта 1943 г., накануне генерального сражения за Харьков, комсомольцы поклялись Родине, Верховному главнокомандующему тов. Сталину, что будут драться до последних сил и, если потребуется, то с честью умрут за родное Отечество. Эту клятву многие сдержали. В этих ожесточенных, упорных боях показали чудеса храбрости многие мои боевые товарищи.

9 марта гитлеровские танки пытались прорваться в Харьков со стороны Солоницевки. Пришлось атаковать фашистов. Через несколько минут на поле боя замерли два горящих танка противника. И тут появилась авиация врага. Ободренные фашисты предприняли вторичную атаку. Бой разгорелся вновь. Уже стало темно. Вдруг в шлемофоне раздался голос комбрига подполковника Засеева. «Вас обходят справа, рассредоточиться!». Откинув верхний люк, я увидел, что два танка с черными крестами стараются обойти нас и ударить с тыла. Принимаю решение — двигаться им наперерез. И опять слышу голос комбрига: «Правильно делаешь, Суворов. Правильно!» В то же время услышал команду командира роты капитана Толочного: «Правильно, комсорг! Остальным делать, как я». Я не знал тогда, что слышу голоса этих родных мне людей в последний раз: комроты Толочной погиб в этом бою, комбриг (как я потом узнал) погиб в бою через 4 дня.

Все ближе становились танки с черными крестами. Пот заливал глаза, нервы экипажа напряжены до предела, а мысль только одна: выстоять, выстоять... Огонь по противнику я открыл первым, внезапно ослепив глаза и сбив его с прицельного ведения огня. После двух бронебойных снарядов один из вражеских танков загорелся. Переносу огонь на второй танк противника. Началась дуэль. Когда задымился второй танк, я уже плохо видел. Нашу тридцатьчетверку сильно встрянуло, фашистский снаряд разворотил трансмиссионное отделение танка, он загорелся. Осколок снаряда угодил мне в голову, густая кровь заливала лицо, текла за рубашку, в глазах появились разноцветные круги. «Неужели конец?»-промелькнуло в мыслях.

Вытаскивали меня из горящего танка десантники и мл. лейтенант Чибиряев — командир другой тридцатьчетвертки. Медицинская сестра оказала первую помощь и повезли меня в медсанбат на малом танке «Т-26». Когда везли, я увидел, что у леса полыхали два гитлеровских танка и невдалеке горел мой. А дальше горело еще 6 танков. Чудом я остался в живых!

Доставили меня в городскую больницу №9 на Холодной горе и прямо в операционную. Спасли меня главный хирург больницы, профессор Александр Иванович Мещанинов, который сделал операцию, и все те, кто неустанно ухаживал за мной тогда. После операции временами, очевидно, я приходил в себя, возвращалось сознание. Но окончательно сознание вернулось только на девятый день. Это я помню хорошо и ярко. Все это время я силился понять, как попал в палату, что со мной случилось. Мимо проходили незнакомые люди в белых халатах, в висках гулко стучало, а вокруг стояла зловещая тишина. Ни звука я не слышал тогда. В памяти вставали боевые друзья. По лицам врачей и сестер, одинаково изможденным и усталым, можно было понять, что произошло что-то в высшей степени неприятное и горькое. Все ходили, опустив головы, говорили тихо и как будто виновато.

Однажды к нам в палату пришла женщина лет сорока, назвалась Марией Николаевной Шевченко. Познакомилась она с каждым из нас, расспросила о самочувствии, а потом начала объяснять обстановку. Оказалось, что в Харьков снова вступили немецкие части. Вскоре нас всех переодели в гражданскую одежду, при этом каждому объяснили, что если придут в палату фашисты, то следует выдавать себя за местных жителей. При этом она добавила, что скоро мы все получим соответствующие документы. Со мной вместе лежал лейтенант Латышев Михаил, который тоже был ранен в голову. Вспоминали мирную жизнь, учебу. Он был до войны учителем в Макеевке. Много мы думали, конечно, и о том, почему наши войска оставили Харьков. Лечащий врач у нас была Наталья Ильинична Обухова, молодая девушка. Между собой мы ее называли «Врач Наташа». Латышев умер в июне, я не видел этого. Меня перенесли в женский корпус больницы. В это время ко мне часто заходил профессор Александр Иванович. Он всегда ободрял меня, называя при этом молодым человеком, и шутливо приписывал мне в прапрадедушки самого Суворова.

Однажды Александр Иванович спросил меня, коммунист ли я. Удивленный таким прямым вопросом, я сам задал ему такой же вопрос. Он ответил: «Нет, беспартийный. Но сейчас мы должны быть как коммунисты, все». Я тоже не был коммунистом. Перед сражением за Харьков мы, комсомольцы, давали клятву не пустить врага в город. Вот тогда бы я мог вступить в партию. Ну, а все сложилось иначе... Александр Иванович сказал мне на это: «Мне кажется, вы смогли бы быть настоящим коммунистом. Когда вас привезли сюда, младший лейтенант, который вас сопровождал, рассказывал о вас как о хорошем солдате. Он так меня просил вылечить вас...»

Помню, я тогда попросил у профессора что-нибудь почитать. Он предложил мне русско-немецкий словарь, добавив многозначительно, что вражеский язык надо знать. Помню еще, как он пришел однажды к нам в палату каким-то расстроенным. Долго смотрел меня, узнавал, что мне дают есть, как я себя чувствую. Среди нас лежал один истощенный сержант. И когда профессор уходил из палаты, он подошел к койке сержанта (так мы его звали) и положил ему под подушку несколько кусочков сахара. Очень человечно вел себя Александр Иванович. Всегда уравновешенный, спокойный, он говорил тихо, вдумчиво, будто опасаясь обидеть человека неосторожным словом. Доброжелательный тон, внимательный взгляд, лицо с мягкими чертами всегда располагало каждого больного и раненого к доверчивости и откровенности, даже если он видел его в первый раз. Понятно было, что у Александра Ивановича доброе и чуткое сердце, остро чувствующее чужое страдание. Таким он запомнился мне на всю жизнь.

Память выхватывает яркие картины прошлого и далекого, возвращая меня назад на три с лишком десятка лет. И я словно снова осмысливаю пережитое. Однажды к нам в палату зашел человек на вид лет сорока-сорока пяти. Он сказал: «Кормить вас теперь здесь нечем, продукты кончились, пока не поздно, записывайтесь добровольно, чтобы вас перевели в немецкий госпиталь для военнопленных. Если не желаете добровольно, то после пеняйте на себя».

Помню, пронеслось в разгоряченном больном мозгу — плюнуть гаду в лицо и ударить. Но я пересилил себя. А этот человек продолжал скрипучим голосом: «Ну, кого писать первым?» От гвалта голосов больных, самогонного перегара этого предателя мне стало так противно, в затылке появилась ломящая боль, во рту и горле пересохло, и я закричал: «Уйди, гад паршивый, мы на своей земле и не пойдем просить милостыню у фашистов!» «Ну, как хочешь, подыхай тут, черт с тобой», — сказал этот продажный ублюдок и вышел из палаты.

Примерно недели через две-три в палату зашли два фашистских офицера в сопровождении профессора Александра Ивановича, лечащего врача Натальи Ильиничны и переводчицы. Они подошли к моей койке, остановились, и тут один из фашистов ударил меня по раненой руке стеклом и закричал лающим голосом, коверкая русские слова: «Ви кто биль?» У меня появилась резкая боль в голове, по телу пробежала нервная знобь, но я сдержался, не закричал, не подал вида, что мне больно. Превозмогая боль, глядя фашисту в лицо, я правой рукой достал справку и положил ее поверх одеяла. Фашист, очевидно, ожидал, что справку я дам ему в руки, но я умышленно не хотел прикасаться к руке палача. Справка была на имя Виктора Ивановича

Синегубенко-жителя Холодной горы (Виктор Иванович в настоящее время проживает по ул. Социалистической, 92)

Фашист снова закричал: «Ви кто есть?» Я спокойно ответил: «Цивиль» Тогда он взял справку, повернулся к профессору и доктору Наталье Ильиничне. Они кивками головы и словами подтвердили: «Я, я, цивиль». Когда фашисты вышли из палаты, тут же вбежала женщина, которая, плача и смеясь одновременно, обняла меня и поцеловала, радостно приговаривая: «Ах, какой же ты молодец!»

Вот сейчас, перемалывая все это в своей памяти, невольно думаешь. Ведь все эти люди шли на большой риск ради нас, ради спасения наших жизней, а ведь у них у самих была только одна жизнь, да и та всегда подвергалась опасности. Да, мы могли быть уничтожены, и нашу участь могли разделить те, которые спасали нас вместе с профессором Мещаниновым. Все это прожито и ушло, как говорится в область предания. Но забывать об этом нельзя, хотя бы потому, что есть молодые люди, которые говорят: «Это было давно и хватит о войне». Но ведь без этого прошлого у них не было бы настоящей счастливой жизни. Эта жизнь дана ныне живущим такими, как маршал Жуков, ефрейтор Иванов, спасенные харьковчанами-медиками Овчинников, Веселков, Воробьев, Григорьев, медицинскими работниками, как профессор Мещанинов, врачи Обухова Наталья, Мещаниновы Наталья Александровна, Елизавета Александровна, Мария Александровна и другими патриотами земли русской.

Профессор А.И.Мещанинов был действительно великим ученым, наделенным чудодейственным талантом возвращать людей к жизни. Он готов был защитить жизни тысяч раненых солдат и офицеров и отдать за это свою. Он сплотил около себя коллективы девятой и первой больниц, шестой поликлиники, а также сумел вовлечь в подпольную организацию по спасению раненых воинов многих домохозяек и простых жителей Харькова и близлежащих сел. И все эти люди помогли ковать победу над проклятым врагом. После окончательного освобождения Харькова в сентябре 1943 г. уже с фронта я написал профессору Мещанинову: «Мы никогда не забудем Вашего подвига. Живите и будьте здоровы, Александр Иванович, лечите и дальше наших людей, а мы тем временем будем добивать лютую гадину, пожелавшую украсть наше счастье и превратить нас в рабов». И таких писем профессор получал много. Теперь, когда я приезжаю в Харьков, ставший мне родным и близким, я прежде всего захожу на Залютинское кладбище, где похоронен Александр Иванович Мещанинов, и низко кланяюсь его могиле. Я посещаю больницу и встречаюсь с людьми, которые спасали и выхаживали

меня в то страшное время. В моей памяти и сердце они живут всегда. Об этих людях должны знать все, знать в лицо и из рассказов очевидцев.

Бывший танкист Федор Суворов. 1975 г.

ГОДЫ ИСПЫТАНИЙ

Крупные, масштабные события более объективно оцениваются с расстояния. Прошло более полувека после окончания Великой Отечественной войны. Однако и в настоящее время высказываются различные мнения о том, какое из государств готовилось к агрессии, было ли нападение Германии на Советский Союз превентивным ударом, целесообразно ли было проводить переговоры с Германией и заключать официальные и тайные договоры накануне войны. Появляются новые документальные данные, и для дальнейшей работы политологов материалов вполне достаточно. Однако факт нападения Германии на СССР бесспорен, и нет сомнений в том, что советский народ вел освободительную, отечественную войну. И мне довелось тоже участвовать в ней.

Я был призван в ряды Красной Армии в начале 1944 года, мне было тогда 18 лет. После призыва обучался в школе младших командиров в г. Бабушкино, Московской области и после окончания учебы направлен в район г. Луги (Ленинградская обл.), где формировалась воинская часть. Так я попал в состав 39 минометной бригады 25 артиллерийской дивизии прорыва резерва Главного командования 1-го Украинского фронта. Боевые действия шли уже на территории Германии. Наша дивизия брала города Ратибот, Бискау, Дидерсдорф, прорывала оборону немцев на реке Нейсе, а также участвовала в Берлинской операции.

В боях за Берлин были задействованы воинские части двух фронтов: 1-го Украинского и 1-го Белорусского. Мы соединились на реке Шпрее. Ожесточенные бои шли за каждый дом, каждый подъезд, но сквозь взрывы снарядов, сквозь непрерывный огненный шквал неслась музыка победных маршей и любившихся всем песен военного времени: «Синий платочек», «Землянка», «Ты ждешь, Лизавета...». Это автомашины воинских частей и подразделений 1-го Белорусского фронта, оборудованные мощными радиоусилителями, транслировали родные мелодии, поднимая боевой дух солдат и сея панику в рядах противника. Впечатление было неизгладимым: еще

шла війна, жестокая, беспощадная, уносившая жизни сотен бойцов, а в душах людей уже звучала музыка Победы.

Войска 1-го Белорусского двигались к центру Берлина, а 1-го Украинского ушли в сторону Эльбы, отрезая путь к отступлению немцев за реку в сторону союзников...

Наша дивизия была награждена орденом Богдана Хмельницкого, ей присвоили звание Берлинской. Я принимал участие во встрече с союзниками на реке Эльбе и впоследствии в Параде Победы в Киеве. Парад запомнился как выдающийся праздник воинов-победителей, всего народа, который нанес сокрушительный удар мощной военной машине Германии. Праздник был всеобщий, несмотря на тяжелые утраты, горе в каждой семье.

После Парада Победы наша воинская часть была расформирована, и я уже в составе зенитного дивизиона был направлен для прохождения службы на остров Уруп (Курильские острова), где 3,5 года прослужил в должности старшины батареи.

На Дальний Восток мы направлялись для участия в военных действиях против Японии, объявившей войну СССР, но ко времени нашего прибытия на место она уже капитулировала, и мы свою миссию не выполнили, но остались служить на Курилах. Служба проходила в довольно сложных условиях. Дело в том, что на островах ранее располагались японские воинские части, но многие из них находились на острове только в летнее время, и поэтому здесь отсутствовали казармы, столовые, бани, подсобные помещения, т. е. все то, что необходимо для жизни солдат. А климат на Курилах довольно суровый, особенно зимой, с сильными ветрами, дождем со снегом при большой влажности. Мы строили все необходимые постройки собственными силами, используя материал подземных укреплений, стволы низкорослых деревьев на сопках. Доставка материалов осуществлялась либо вручную, либо с привлечением ездовых собак. Укрепляли огневые позиции, строили землянки на Охотском и Тихоокеанском побережьях острова. К зиме были построены основные помещения, но в первую зимовку пришлось туго. Солдаты спали по двое, укрывались двумя одеялами и двумя шинелями. Несмотря на то, что существовала определенная норма снабжения, обеспечивающая довольно высокий уровень питания, включая ежедневную норму спирта (42 г.), были случаи, когда в осенний период в связи со штормами корабли не могли подойти к острову и доставить питание. Приходилось использовать и строго дозировать подгнивший рис, оставшийся от японских воинских частей и пролежавший без укрытия в течение длительного времени, потому что брезент был снят для оборудования казарм.

Несмотря на то, что бытовые условия службы были сложные, моральный уровень военнослужащих был высоким, о чем свидетельствовало отсутствие правонарушений, серьезных отклонений в выполнении устава. Видимо, основную роль в этом сыграло то, что все военнослужащие были фронтовиками, которые прошли военную моральную и физическую закалку.

Великая Отечественная война была серьезным и длительным испытанием моральных качеств каждого солдата, офицера, всего народа бывшего СССР. Победа досталась дорогой ценой, но это была Великая Победа.

*Д.м.н., профессор,
бывший зав. каф. судебной медицины
и основ права В.А.Татаренко.
2004 г.*

МОИ ВОЕННЫЕ ПРОФЕССИИ

Мой военный путь начался, когда вышел приказ министра об обязательном призыве юношей, достигших 18-ти лет. В то время я был студентом авиационного института и попал во второй призыв. Направили нас в Западную Белоруссию, которая как раз в 1939 году присоединилась к Белорусской республике. В конце октября мы прибыли по месту назначения. Это 106-я авиационная база, в местечке Рось Белостокской области. Первое время разместили нас в карантинной роте. Затем человек 20 с высшим и средним образованием, в том числе и меня, определили в «учебную» роту связи и отправили в Белосток овладевать военными специальностями: радист, телеграфист, телефонист, объяснив нам, что связь — это нервная система вооруженных сил. В учебной роте мы пробыли вплоть до мая месяца. В итоге, к середине 1941 года я стал грамотным радиотелеграфистом и электромехаником. В мае мы вернулись в свою часть в Рось.

Конечно, слухи ходили о том, что возможна война, но искренне в это никто не верил. Поэтому объявление о боевой тревоге 20 июня застало всех врасплох. Технику привели в боевую готовность, но 21 числа командиры сказали: «Отбой!» Стояли теплые летние деньки, и весь командный состав разъехался на выходные к своим семьям. А 22 июня, когда я сменился с караула и прилег отдохнуть в своей палатке, вдруг объявили боевую тревогу. Быстро надел сапоги и выскочил из палатки, успев взглянуть на часы: было ровно 4 утра.

Передо мной была картина, которую я никогда не забуду: багровое небо, и на фоне рассвета 5 Мессершмиттов. Как же мы надеялись, что это учение, как же верилось, что это те самые наши самолёты, которые мы в январе бросали на разгрузку в Белостоке. Жестокая правда обнаружилась, когда раздались первые пулемётные очереди, а истребители собрались в круг и ринулись в атаку. Именно в этот день я впервые видел смерть советского солдата.

Что происходит? Что делать? Командиров в части, по сути, нет, все разъехались. В 11 часов с правительственным сообщением выступил Молотов: «Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны Германия напала на нашу страну».

В тот же вечер нас вооружили: выдали винтовки, патроны. Ну а мы, мальчишки 18–19-ти лет, ещё надеялись, что всё это несерьёзно.

Ночью лагерь, в котором располагалась моя рота, эвакуировали. И когда я проснулся утром, то увидел всего лишь 15–20 человек, растерянно бродящих между палатками: нас впопыхах просто забыли... Хорошо, что среди нас оказался старшина, который всех построил, научил делать скатки и повёл через лес. Всю дорогу в воздухе кружили самолёты, охотились за каждым красноармейцем. Мы прятались под деревьями. Однажды пришлось вступить в бой с немецким десантом. Мы успешно отбились, хотя ни одна из выданных нам гранат образца 1-й мировой войны там и не взорвалась. Так шли часов 7–8, ноги отваливались, перед этим ведь ещё и новые сапоги выдали. В итоге мы вышли в расположение нашей армии и на следующий день уже со всеми бойцами эвакуировались, сопровождаемые налетами немецкой авиации.

Вечером 24 июля мы прибыли в небольшой городок Слоним, где собирались отступающие силы. Появились броневики, две зенитные установки. С наступлением темноты колонна двинулась в путь. На выезде пришлось столкнуться с десантом. Местность там была «неудобная»: склон, а вокруг болота, но мы, если не разгромили, то прогнали противника уж точно. 25 числа подъехали к Минску. В километре от города нас остановили, высадили из машин, построили. Командующий составом прошёл вдоль строя и выбрал человек 5, в том числе и меня, с голубыми петлицами, то есть представителей авиации. Скорее всего, поступил приказ о том, чтобы специалистов авиационных соединений пропускать без всяких проволочек. Дальше шли мы пешком, но метров через 500 стало ясно — идти некуда: Минск горит. Переночевали на обочине, а утром вошли в полностью сожженный город. Вокруг тво-

рилось что-то страшное, всюду трупы пожилых мужчин, женщин, детей, фашисты не щадили никого.

Я решил найти своё соединение, но куда бы ни обращался, даже в военной комендатуре — все в растерянности. Поиски увенчались успехом, когда я встретил шофёра из нашей части. Он привёз меня в 136 батальон связи, где я и обосновался. Но когда пришло время перебазироваться, в дороге я встретил своих ребят, с которыми призывался. Так я оказался опять в родном коллективе.

Вскоре нас переименовали в 137 батальон авиационного обслуживания. В первые же месяцы войны вся наша авиация в западных областях была уничтожена прямо на аэродромах. Поэтому в воздухе немецкая армия творила всё, что душе угодно. Погони были буквально за каждой машиной, каждым солдатом. А советская армия отступала.

В сентябре батальон расположился в лесу, построили шалаши, и там же обеспечивали боевую деятельность штурмовиков СУ-2. Их было немного, буквально одна эскадрилья. У них не было прикрытия истребителями, поэтому после каждого задания на аэродром возвращалось всё меньше и меньше самолётов.

В октябре был прорван фронт, и танковая армада устремилась на Орёл, путь к отходу нам был отрезан. Снова пришлось отступать, но оказалось, что в машинах всем места не хватает. И так сложилось, что дожидаться ещё одной машины остались все ребята — харьковчане. Поразмыслив, мы не захотели оставаться, и сами вышли на дорогу, где нас и подхватил проезжавший мимо бензовоз. Взгромоздившись на самый верх цистерны, мы и догнали своих. Бомбардировки не прекращались до самой Тулы.

Там уже, наконец, мы дождались начала наступления. Примерно в это же время я был ранен. Так сложилось, что во время передислокации, я оказался за рулем, ехать пришлось ночью, фары включать было нельзя. А немцы любили устраивать слепые обстрелы, и один снаряд упал неподалёку от меня. Взрывной волной машину бросило в яр. Я вцепился в руль и, кувыркаясь, полетел вниз, пока не раздавило кабину. Вследствие этого я получил контузию.

Помнится ещё один интересный случай. Как-то вышел я рано утром, смотрю, летит бомбардировщик Юнкерс — 87. Да летит так низко-низко, а стрелок на меня смотрит. Внимательно так смотрит, не спеша поворачивает пулемёт и направляет несколько боевых очередей в меня. Почему-то было совершенно не страшно. Без паники я отошёл в сторону, а немец улетел дальше.

Однажды к нам прилетели штурмовики ИЛ-2. Как только они вступили в бой, сразу начались потери. Противник целенаправленно

устранял стрелков. Людей не хватало. Тогда и мне пришлось на одной из машин совершить 4 или 5 вылетов, пока не освободился пилот разбитого самолёта. В конечном итоге, все эти самолёты мы потеряли, а ведь лётчики были молодыми ребятами.

Запомнилось, как нам перед строем зачитывали приказ №227. Мороз пробивал. Тогда мы узнали, что около 70 млн. населения попало в плен, территории захвачены, у Советской армии практически не осталось ресурсов. Единственной хорошей новостью было то, что во время отступления успели эвакуировать оборудование многих заводов на Урал. Так в конце 1942 года оттуда начала активно поступать новая техника.

С наступлением 1943 года ситуация начала стабилизироваться, а летом, когда под Курском была придушена попытка реванша со стороны немецкой армии, мы начали наступление. Вижу себя сидящего с наушниками, в свободную минуту пишу письмо домой. Это уже третья моя специальность.

В апреле 1944 меня, уже старшего сержанта, направили в первый отдельный полк связи, где была создана радиорота взаимодействия. В это время шла активная подготовка к операции «Багратион» по освобождению Белоруссии. Меня назначили начальником радиостанции. Мой экипаж отправили на линию фронта. В эфир выходить запретили, нашей задачей было координировать действия воздушных сил, что мы успешно и делали.

Осенью 44-го мы двинулись в Литву. Помню, как однажды на дороге мы остановились для передачи телеграммы, в этот самый момент радиостанцию атаковали немецкие истребители. Сбросили несколько бомб, но всё обошлось. В Литве мы пробыли до января. А 16 января Германия открыла второй фронт и отогнала английские и американские войска к Ламаншу. Мы прорвали фронт противника очень быстро. Советская армия, наконец, отвоевала себе воздушное пространство. Потом мы взяли Кёнигсберг. Среди солдат царило радостное настроение, на этом война для меня закончилась. Осталось только отпраздновать День Победы

*Бывший зав. кафедрой
физвоспитания и здоровья А.И.Харченко.
2014 г.*

МИНЕР ОШИБАЕТСЯ ТОЛЬКО РАЗ

Война началась, когда я училась на 3-м курсе Киевского медицинского института. Конечно, разговоры о войне шли всё время, но мы

были уверены, что она либо не начнётся, либо очень скоро кончится, конечно же, нашей победой.

22 июня 1941 г. в 4.00 бомбили Киев, аэродром в Жулянах. Я слышала взрывы, но подумала, что это учебные залпы зениток. С утра пошла в библиотеку, так как предстоял экзамен по хирургии. Обрадовалась тому, что студенческий зал библиотеки был полупустой, но обратила внимание на то, что читатели собирались по несколько человек, о чем-то негромко говорили. Никаких приветственных улыбок, как обычно. А в 12.00 все собрались в подвале у тарелки репродуктора. Речь В.М.Молотова объяснила все: началась война. Яркий солнечный день погас от сотен омраченных и встревоженных лиц людей.

С началом военных действий сразу же стало ясно, что малой кровью война не закончится. Красная Армия отступала, оставляя один населённый пункт за другим.

Из Киева студенты-медики пешком пришли в Харьков. Город готовился к обороне: на ул. Сумской население строило баррикады, в парках ставили противотанковые заграждения.

Харьков бомбили днём и ночью. Мы учились и дежурили в госпиталях. Однажды на практике по хирургии в одном из госпиталей я встретила раненого брата. Радости не было предела, но радость была смешана с грустью и тревогой. Он передал мне свой дневник, в котором писал: «Никогда не думал, что наша армия встретит войну в обмотках и ботинках, при 1 ружье на 3-х солдат».

После взятия Полтавы медицинские институты были эвакуированы на восток, Киевский — в г. Челябинск.

Снова работа в госпиталях, а обучение по сокращённой программе. И вот 1942 г. Институт окончен, вместе с подругами в товарном вагоне отправляемся в Москву для распределения в действующую армию. В резерве медсостава армии получила звание военврача III ранга, а потом капитана медслужбы и была направлена на Сталинградский фронт. В день, когда я получила направление, громкоговорители объявили, что временно оккупирован г. Нальчик.

Первое боевое крещение я получила в ноябре 1942 г. в отдельной роте долазов (в должности начальника санитарной службы). В неравном бою наша часть была разбита, а тяжело раненного командира с большими трудностями доставили в медсанбат. Остатки роты отправлены на переформирование. Так началась моя военная служба, которая проходила, кроме Сталинградского, ещё на Ленинградском, II и III Прибалтийских фронтах в должностях лазаретного врача 1-ой гвардейской бригады минёров, командира медицинского отделения 24-ой инженерно-сапёрной бригады.

Когда я работала с минёрами, мне впервые пришлось столкнуться с Пироговским эректильным травматическим шоком у раненого.

После одного из ожесточенных боёв на импровизированных носилках принесли солдата с обескровленным лицом, укрытого шинелью. А рядом положили раненого, забинтованная голова которого была похожа на сплошной белый кокон. Подойдя к первому раненому, я спросила, как он себя чувствует. «Пока ничего», — ответил он, и я быстро занялась солдатом с забинтованной головой. У него оказалось осколочное ранение скуловой кости. Но когда я вернулась к первому, сняла покрывающую его шинель и разрешила бинты, то невольно отшатнулась. Левое бедро его было буквально расплющено. В развороченном человеческом теле господствовали 2-а цвета : ярко-белые фасции четырёхглавой мышцы бедра и ярко-красные сами мышцы. Кровотечения уже не было. А он при таком состоянии еще ответил мне : «Пока ничего» !

Как писал в своё время Н.И.Пирогов о симптоматике травматического шока: «Раненый не кричит, не вопит, не жалуется, не принимает ни в чём участия и ничего не требует; тело его холодно, лицо бледно, пульс нитевидный, аритмичный...» Всё это, к сожалению, было на лицо, и я в наших полевых условиях ничего уже не могла для него сделать. До медсанбата мы его не довели ...

Запомнился прорыв блокады Ленинграда. После 900-дневного противостояния голодающего города вооруженной до зубов фашистской армаде блокада была прорвана. Наша часть срочно была перебросена на Ленинградский фронт: Павловск, Пулковский меридиан, Рождественно, Луга, Дно, Порхов... Все разрушено, уцелевших зданий единицы да и те заминированы. У каждого населенного пункта концентрационный лагерь с тысячами расстрелянных. Жителей практически нет. Станция Луга была сильно укреплена: ждали кровопролитных боев. Однако партизанские отряды, несмотря на большие потери, ударили с тыла, и немцы отступили.

Я осталась в Луге с ранеными. В школе был немецкий госпиталь. С опаской зашла в здание. На полу пристреленные тяжело раненные фашистские солдаты и брошенные медикаменты в красивых упаковках: марганцевокислый калий и атебрин — противомаларийный препарат. Сделала импровизированные санки из перевернутых табуреток и поехала с медикаментами в санчасть. Отошла метров 150 — и школа-госпиталь взлетела на воздух: сработал минный часовой механизм. За этот «подвиг» — домашний арест. Основание — часть могла остаться без врача в такое напряженное время.

Нам еще предстояли тяжелые бои, но армия была уже не та, что в начале войны. Она обладала первоклассной техникой. На важных стратегических участках нашему наступлению предшествовала арт-подготовка из знаменитых «Катюш». Для наступающих это была дивная космическая музыка, свидетельствующая о том, что мы неуклонно приближаемся к Победе...

*Д.м.н., профессор, бывший
зав. кафедрой инфекционных болезней
Т. Т.Чёрная. 2005 г.*

ЭХО ВОЙНЫ.

В центре моей родной Яблунки, что на Черниговщине, висел рупор громкоговорителя. В тот воскресный июньский день, 22 июня 1941г, ближе к 12.00, из репродуктора раздались торжественные призывные, и голос диктора сообщил, что нас ждет важное правительственное сообщение. А в полдень выступил В.М.Молотов и объявил о вероломном нападении фашистской Германии на нашу страну. Нам было по 15 лет, и мы были уверены, что война закончится очень быстро. И поэтому сожалели лишь об одном, что не удастся принять участие в защите Родины. Разве могли мы тогда предположить, что война продлится долгих 4 года!

После освобождения нашего села от фашистов в сентябре 1943 года я был призван в действующую армию. Мне не исполнилось тогда еще и восемнадцати лет. Вместе со мной ушли на фронт около 20 моих одноклассников, все мы окончили перед войной 8 классов Яблунковской школы Прилукского района, Черниговской области.

Сначала я служил автоматчиком танкового десанта, был ранен, но не тяжело. Находясь в госпитале для легко раненных, окончил курсы санинструкторов, получил звание старшего сержанта и был направлен санинструктором в 3-ю стрелковую роту 1-й батальона 358 стрелкового полка 136-й стрелковой дивизии.

Служба санинструктора да еще стрелковой роты не очень легка ни в походе, где, кроме собственного боевого снаряжения, приходится нести медицинские припасы, ни, тем более, в бою. Солдаты, как могли, помогали мне: кто-то предложит поднести сумку, кто-то покажет, как удобнее расположить на себе саперную лопатку, чтобы ее железком лучше прикрыть левую сторону груди, оберегая себя от возможного ранения в сердце. Основной моей заботой было спа-

сение жизни раненых бойцов, причем действовать приходилось в самых тяжелых условиях переднего края.

Уже после войны в одной из лекций я услышал поразивший меня вывод, что санинструктор стрелковой роты в период наступления живет не более 6 дней, а затем — либо ранение, либо смерть. А мы в конце 1943 — начале 1944 года наступали и с боями освобождали города: Фастов, Борисполь, Белую Церковь. За вынос раненых с поля боя и проявленный героизм в этих боях, как было написано в наградном листе, я был награжден медалью «За отвагу».

И вот наступил 1944 год. В ночь перед Рождеством (с 6 на 7 января) шел бой в окрестностях села Розалиевка, Белоцерковского района, Киевской области. Мы были в наступлении четвертые сутки. Впереди, как всегда в стрелковой роте, автоматчики, а мы — санинструкторы — за ними. Ночная темень разрывается вспышками снарядных разрывов, свистят пули. Продвигаясь вперед, стараюсь не пропустить раненого. На возвышении железнодорожной насыпи нахожу автоматчика, раненого в голову и руку. Перевязываю голову и немного приподнимаюсь, чтобы достать нож и разрезать рукав, но не успеваю этого сделать: раздается оглушительный взрыв, яркая вспышка, толчок, — и меня отбрасывает в сторону.

Когда пришел в себя, то почувствовал, что правая рука не двигается. На мне был бушлат, и я не мог осмотреть рану. Когда левой рукой попытался ощупать правую в рукаве, пальцы наткнулись на торчащую кость! Уже потом я узнал, что правая рука была ранена в двух местах, но самое страшное заключалось в том, что осколок разбил локтевой сустав.

Однако тогда я этого не знал, прижал к груди правую руку и встал. В глазах все плывет, в голове страшный шум, но надо идти. Бой ушел в сторону, и я побрел к селу. В одной из хат не увидел, а скорее почувствовал свет и постучал. Мне открыли. Хозяйка настелила у печи соломы, и я попытался уснуть. Рука болела нестерпимо. Женщина дала мне выпить несколько глотков самогона, и лишь после этого я забылся в тяжелом сне.

Проснувшись, с удивлением обнаружил около себя лужу крови. Спрашиваю: «Кто здесь лежал?» Отвечают: «Никого не было, кроме тебя». Попытался встать (я понимал, что мне нужна медицинская помощь), но потерял сознание и снова упал. Последнее, что я слышал, — это крик хозяйки: «Ой, лышенько, солдат умер!»

Меня доставили в госпиталь в Киеве на Большой Васильевской. Здесь я пробыл 2 месяца. Неоднократно вставал вопрос об ампутации руки, но я протестовал и доказывал, что чувствительность в руке есть, — значит, ее можно сохранить.

После Киева я лечился еще в двух госпиталях, а в июне 1944 года был демобилизован из армии, став инвалидом в неполных 19 лет.

Как рассказать, с какими противоречивыми чувствами я возвращался в родную Яблуновку, ведь еще шла война! Получив мое письмо, написанное левой рукой, родственники решили, что правой я лишился. До родного села меня подвезли военные, мать в это время пахала в поле на корове. От дома к дому летела впереди меня весть: «Володька Черненко приехал, без руки!» Какова же была радость родственников, а особенно матери, когда она, добежав до меня и упав без сил мне на руки, почувствовала, что обе они на месте. Правда, подвижным на правой руке в то время был только один палец — мизинец.

Началась новая жизнь, к которой я еще не был готов. У меня не было специальности, профессии, — ведь я закончил перед войной лишь 8 классов. Из 20 мобилизованных вместе со мной ребят живыми вернулось, кроме меня, только двое: один без ноги, а второй — слепой. Никогда не забуду, как встретились мы с нашим классным руководителем Езерницким Н.А., приехавшим на побывку домой, как обнял он нас и заплакал, сказав: «Для того ли я вас растил и учил!» Долго разговаривали мы в тот вечер, учитель напутствовал нас: «Надо учиться, обязательно надо учиться».

И я стал учиться вечерами. В 1946 году закончил 10 классов вечерней школы. Еще в 7-летке я стал «известным артистом» в селе: хорошо пел, играл в школьном драмкружке. Особенно удачным получился у нас спектакль «Москаль-чаривный». И я решил поступать в Киевский театральный институт им. Карпенко-Карого. Успешно сдал экзамены, прошел два тура специальных испытаний, а потом была медицинская комиссия... Увидев мою изуродованную руку, врач рассердился и сказал, что театральный институт — не богадельня, артист должен быть совершенно здоров физически. Мне стало обидно: значит, когда я освобождал Киев, то был годен к бою, а теперь не могу учиться здесь в институте! Второй врач, положив мне руку на плечо, по-отечески сказал: «Ты, сынок, хоть таким вернулся, а мои сыновья никогда уже не возвратятся».

Именно тогда в голове полностью оформилась мысль, которая подспудно таилась во мне со времени лечения в госпиталях: идти учиться в мединститут. И хотя в Министерстве просвещения мне дали направление на учебу в Нежинский пединститут, я проучился там всего 5 дней и к неудовольствию родителей, особенно отца, оставил его, потому что твердо знал: «Это не мое!». В 1947 году я поступил в Харьковский медицинский институт, и с тех пор жизнь моя накрепко слилась с ним и с медициной.

Я прожил 75 лет, а на фронте был неполных 4 месяца. Но и теперь мне снятся бои, мои боевые товарищи, госпиталь. Для нас, ветеранов, война не окончилась в 1945 году.

*Д.м.н., профессор, бывший зав. кафедрой
эпидемиологии, ректор ХМИ В.Д.Черненко. 2001 г.*

ДРУЖБА, РОЖДЕННАЯ НА ФРОНТЕ

О войне нелегко вспоминать. Друг друга понимают только ветераны....

Сообщение о начале войны 22 июня 1941 г. я услышал из выступления по радио Молотова Вячеслава Михайловича на стадионе г. Боржоми, куда приехал на встречу по футболу с местной командой. Я только что закончил девятый класс и впервые был приглашен в команду взрослых областного центра Южно-Осетинской автономной области — г.Сталинири (Грузия).

Вернувшись на следующий день домой, я узнал, что мой отчим, Джабишвили Иван Васильевич, старший политрук запаса, получил повестку и через день отбывает к месту призыва. Осенью 1941г. он погиб при высадке десанта в Крыму.

В школе мы имели замечательных учителей, от которых получили и глубокие знания, и хорошее воспитание, в том числе и патриотическое. Война усилила патриотический дух молодежи. В нашем десятом классе все, и юноши, и девушки, стремились в армию, на фронт. В военкомате нам отказывали, объясняя, что армии требуется много командиров, а их готовить легче и быстрее из лиц со средним образованием.

Мне повезло. В начале марта 1942 года, благодаря проводившемуся комсомольскому набору, я был добровольцем зачислен в парашютно-десантные войска.

Напряженная всесторонняя физическая и специальная подготовка сделала нас, вчерашних школьников, настоящими бойцами. Следует, однако, отметить, что в связи с особенностями боевых действий в минувшую войну мы воевали во всех родах войск и на многих участках, но не по специальности.

Помнится напряженная оборона на Таманском полуострове, сдерживающая бросок фашистских войск из Крыма.

Не забыть и вынужденный форсированный уход с полуострова под опасной угрозой быть отрезанными и оказаться в «котле», ночные марши с боевым охранением, бомбовые удары фашистов, особенно

в районе станции Туннельная под Новороссийском, с горькими для нас потерями; горящий Новороссийск под градом бомб фашистской авиации.

Замаскировавшись под кронами дубравы, что сразу за чертой города, батальон ждал сигнала. С наступлением темноты в гавань вошел крейсер «Красный Крым». Приняв на борт батальон, совершивший марш-бросок через горящий город, крейсер без огней скрылся в темноте ночи.

Через несколько часов, ранним рассветом, батальон был высажен в Туапсе, чтобы с другими частями преградить путь фашистским войскам в Закавказье.

На протяжении всего марша в горы, зажатый с двух сторон склонами гор, батальон днем и ночью подвергался жестоким бомбежкам и нес потери.

Таковы штрихи к боевым будням того периода Отечественной войны, когда Красная Армия вынуждена была временно отступать.

Но пришел и на нашу улицу праздник. В тылу весь народ днем и ночью создавал все необходимое для фронта. Красная Армия в ходе тяжелых боев, набирая опыт, выросла и крепла, растила молодых талантливых командиров и полководцев.

Примером блестящих побед наших вооруженных сил на заключительном этапе ВОВ в 1944–45 годах являются Львовско-Сандомирская, Висло-Одерская, Берлинская и Пражская операции, в которых и мне пришлось принимать непосредственное участие в составе разведвзвода 894 Сандомирского орденов Александра Невского, Богдана Хмельницкого и Красной Звезды полка 10-й Одерской краснознаменной артиллерийской дивизии. После указанных операций наш полк стал именоваться Сандомирским, а дивизия Одерской. На Висле и Одере дивизия действовала в составе 13-й Армии, а в Берлинской и Пражской операциях — 3-й Гвардейской танковой армии. Обе армии входили в состав I Украинского фронта.

Другими были боевые будни на этом этапе войны. И здесь мы теряли друзей и товарищей, но слышали в залпах могучих «катюш» неотвратимость грядущей Победы.

В конце февраля 1945 г. была завершена Висло-Одерская операция, начатая 12 января 1945 г. Прорвав оборону противника, с боями мы прошли более 500 км. С началом паузы наш полк занял оборону возле г. Трибель в 63 км от Берлина. От противника нас отделяла река Нейсе.

В то время никого уже из нас не удивлял тот факт, что сильнейшая армия мира, завоевавшая всю Европу, отброшена нами почти до са-

мого Берлина. 16 апреля 1945 г. началась Берлинская операция. Все мы понимали, что взятие Берлина — это окончательная победа над фашизмом и долгожданный мир.

Операция началась в 6 ч. 55 минут мощной артиллерийской подготовкой продолжительностью в 2 ч. 35 минут.

С первыми залпами орудий и «катюш» вдвоем с начальником разведки полка старшим лейтенантом Быкасовым мы выбрались из окопа и то ползком, то перебежками бросились к реке Нейсе, чтобы форсировать ее вместе с передовыми отрядами. Во время очередной перебежки метрах в трех перед нами взорвался снаряд. В подобных случаях исход один... А мы, о чудо, живы и даже не ранены!

Добирались к обрывистому берегу Нейсе теперь уже только ползком. Преодолев реку, которая была в этом месте не широкой и мелкой, мы оказались перед окопами противника. Зная, как густо и коварно минируют немцы местность перед своими окопами, мы были внимательны и осторожны.

Подошло время радиосвязи с полком, чтобы доложить обстановку. Ползком я двинулся к ближайшему дереву, чтобы забросить на него антенну. Из-за куста выполз солдат — молодой парень и прокричал: «Мины, опасно, не двигаться!». Я понял, что это сапер, и подчинился. Несколько минут я с любопытством и восхищением наблюдал его опасную работу, как ловко он выявлял, обнажал и обезвреживал мины. Создав проход, он показал мне, что можно двигаться. Две из обезвреженных мин находились на предполагаемом мною пути к дереву. Я понял, что за последние 30–40 минут второй раз подвергался смертельной опасности.

Каждому из нас, молодых солдат, хотелось дожить до теперь уже недалекого дня окончания войны. Но в этих последних боях никто не щадил себя ради Победы. Я прокричал саперу, что работа у него опасная, что он мастер. Смущенно улыбнувшись, он ответил, что и у меня не мед. Мы расстались. Я, забросив на дерево антенну, налаживал радиосвязь, а он обезвреживал мины, создавая проходы для пехоты. А кругом все гремело — продолжалась артподготовка.

Немцы яростно сопротивлялись, свистели пули, рвались снаряды и мины. В дело вступила наша авиация. Волна за волной на обработку ближних и дальних тылов фашистов шли наши самолеты. У берега Нейсе появились танки для ускорения прорыва обороны противника.

К середине дня первая полоса немецкой обороны была прорвана. В прорыв устремились основные силы фронта, в том числе и наша дивизия.

В течение второго дня мы прорвали вторую полосу обороны немцев и вышли к третьей, на реке Шпрее, которую прорвали на третий день операции.

Выйдя на оперативный простор, наша дивизия в составе третьей танковой армии шла с боями на Берлин. К концу недели наступления начались уличные бои в Берлине. 2-го мая Берлинская группировка капитулировала, но война не закончилась. Был бросок к реке Эльбе — города Витенберг и Торгау, была знаменитая Пражская операция. Я был ранен, попал в госпиталь в Праге.

Война закончилась, наша дивизия стояла под Прагой, но вскоре со всей 3-й Гвардейской танковой армией передислоцировалась в Австрию. Проведавший меня в госпитале командир взвода сообщил мне примерно место предстоящей дислокации дивизии.

Выписавшись из госпиталя, с повязкой на голове и вещмешком за спиной поездом я прибыл в Вену. В комендатуре на вокзале меня сориентировали, куда примерно следовать. Выйдя за город на шоссе, я надеялся на попутный транспорт, но машин не было. Вскоре навстречу мне показался трактор. Поравнявшись со мной, водитель притормозил. Я взглянул в его сторону и не поверил своим глазам: за рулем сидел сапер, с которым мы «трудились» на реке Нейсе под Берлином. Он соскочил с трактора. Не скрывая радости и удивления, мы обменялись крепким рукопожатием. Парень был постарше меня и покрупней. В бою на Нейсе в сумерках рассвета дым и пыль от разрыва снарядов и мин противника не позволили мне этого заметить. Он рассказал, что здесь недалеко дислоцируется его часть. Я объяснил ему свою ситуацию, сетуя, что нет попутных машин. В это время показался из-за бугра небольшой австрийский грузовик. Мы выскочили на проезжую часть с поднятыми руками. Машина резко затормозила. Почти на ходу я вскочил в кузов. Грузовичок газанул, а я, сообразив, что мы так и не познакомились, крикнул парню свое имя и фамилию. Сложив руки рупором, он что-то прокричал. «Иван» — услышал я имя, фамилия прозвучала невнятно. Мы расстались, но, оказалось, не навсегда...

Командант Лангенцинсдорфа, в районе которого я рассчитывал найти дивизию, сказал, что такой нет. Вечерело, и я остался на ночлег. С рассветом я был на шоссе. Первый появившийся «студебеккер» имел номера нашего полка. Я кинулся ему навстречу, и он затормозил. Сидевшие в кузове на лавочках люди, подхватившие меня за вытянутые руки, оказались офицерами нашего полка, ехавшими на экскурсию в Вену. Мы посетили национальную галерею, знаменитый оперный театр, королевские дворцы — Марии-Терезы и Франца-Иосифа. К вечеру

мы вернулись в полк, который стоял летним лагерем рядом с городком Нидер Русбах. Через несколько дней я был назначен старшиной батареи. Одновременно формировал футбольную команду полка, а затем и дивизии. После окончания ВОВ в войсках наряду с физподготовкой резко активизировались массовая физкультура и спорт. Проводились различные соревнования, спартакиады, турниры. Из числа лучших спортсменов-победителей формировались сборные команды полков, дивизий, армий по всем видам спорта. Я был приглашен в сборную футбольную команду 3-й Гвардейской танковой Армии. Командующий армии маршал бронетанковых войск Рыбалко Павел Семенович придавал большое значение физической подготовке личного состава, понимал и был большим ценителем футбола. Он с интересом смотрел все официальные матчи команды на первенство Центральной Группы Войск (НТВ), посещал тренировки.

В ходе вывода Советских войск из Австрии 3-я танковая армия и наша 10-я артиллерийская дивизия были переведены в Германию в состав Группы Советских Войск и дислоцировались в местах, где проходили с боями во время Берлинской операции.

На новом месте наша команда включилась в турнир на первенство и кубок Группы. Вскоре на одной из календарных игр, неожиданно, как на шоссе под Веной, мы опять встретились с Иваном, но теперь на футбольном поле, как соперники. Ваня Коломиец, это его фамилия, хорошо играл в футбол. Его заметили и пригласили в сборную артиллерии Группы Советских войск Германии.

В результате некоторой реорганизации войск наша дивизия оказалась в составе 3-го артиллерийского корпуса. Я был приглашен на один год на сверхсрочную службу, и мне пришлось играть в сборной команде артиллерии, то-есть вместе с Ваней Коломийцем. Человек он был умный, добрый, шутник, с большим чувством юмора. В футболе разбирался, был и теоретиком, и практиком, играл в линии защиты. Мы были друзьями, ценили друг друга.

В 1948 году я демобилизовался из армии, а в 1949 поступил в Харьковский медицинский стоматологический институт, который в 1954 году окончил с отличием и был оставлен в клинической ординатуре. В медицинском университете с 1957 года, защитил диссертацию, стал доцентом.

В 1953 году судьба вновь свела нас с моим побратимом Иваном Федоровичем Коломийцем, теперь уже в Харькове. После окончания в Ленинграде военного отделения института физкультуры имени Лесгафта Иван Федорович получил назначение на кафедру физвоспитания военной академии имени Говорова. Мы оба были очень

рады. Время не охладило наших товарищеских чувств. Было что вспомнить: и войну, и послевоенную службу, друзей, и наш любимый спорт — футбол. Иван Федорович всегда обращался ко мне со своими медицинскими проблемами.

Выйдя в отставку, Иван Федорович заведовал кафедрой физвоспитания в ХАДИ.

В 1995 году 24 января Ивана Федоровича не стало. Остались его замечательная супруга — Раиса Алексеевна, дочь, сын и две внучки — студентки.

Так закончилась эта необычная история. Но и теперь мы перезваниваемся с Раисой Алексеевной, вспоминаем Ивана Федоровича. Память о нем согревает и ее, и меня — ветерана.

*К.м.н., доцент кафедры
терапевтической стоматологии С.Д. Юрченко.
2002 г.*

КАК Я ВСТРЕТИЛ ДЕНЬ ПОБЕДЫ (воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны)

Я был в это время на I Украинском фронте. Наши войска входили в Берлин со стороны Потсдама, но неожиданно был получен приказ о выводе войск из Берлина через Дрезден на Прагу. Дрезден произвел на нас удручающее впечатление: он был полностью разрушен, вокруг лежали груды камней.

По дороге в Прагу мы попали в окружение, но, быстро прорвав кольцо противника, вошли в город. Нас встречали как родных: город ликовал, прямо под колеса машин и гусеницы танков люди бросали снопы цветов. Пришла долгожданная победа!

Станислав Данилович Юрченко

О Победе я услышал на аэродроме в Довжанах под Брно. Тогда это был небольшой аэродром, а сейчас аэропорт международного значения. Мы прилетели туда на новых самолетах, изготовленных в СССР, ИЛ-10. Это были истребители, но использовались они как штурмовики: на каждом было по 8 ракет «малых Катюш», 400 кг авиационных бомб и 3 пулемета. Однако в бой на них не вступили, потому что пришла долгожданная победа, о которой мы узнали одними из последних. 8 мая услышали стрельбу и решили, что снова начался бой. Вся

Європа уже знала об окончании войны, а мы только 9 мая услышали об этом и очень обрадовались: началась стрельба, салюты!

Григорий Иванович Евтушенко

Я был в это время в Восточной Пруссии. После взятия Кенигсберга, 10 апреля, война для нас практически закончилась. Нас никуда больше не отправляли. Однако стычки с отдельными представителями Армии Краевой продолжались. Бывали случаи, когда солдат, которые выходили из части по одному, убивали враги, скрывающиеся в развалинах города. Поэтому был получен приказ, чтобы меньше, чем 3 человека за пределы части не выходили. А 9 мая был салют из всех видов оставшегося у нас оружия: пистолетов, автоматов, винтовок. Все радовались, обнимались, думали о доме.

Александр Игнатьевич Харченко

В начале мая наш медсанбат был в Курляндской группировке в Прибалтике, и там мы узнали о том, что закончилась война. Радость была непомерной! Мы радовались и думали о том, что уже никогда не окажемся в таких условиях! Когда началась война, все надеялись на то, что быстро победим немцев, но не вышло. Долгих четыре года мы шли к этой победе, вспоминая тех, кто уже никогда не вернется домой.

Николай Иванович Оболенцев

Рано утром, 9 мая 1945 года, как нам потом стало известно, воинские подразделения I Украинского фронта, преодолевая сильное сопротивление гитлеровцев, ворвались в Злату Прагу и к концу дня полностью ее освободили. Наш 463-й стрелковый полк, входивший в состав 118-й Мелитопольской стрелковой дивизии, двигался по берегу реки Влтава, преследуя противника, находившегося в кольце наших войск, которые все теснее и теснее сжимались вокруг фашистов.

В этот день на КП нашего батальона было получено сообщение о том, что фашистская Германия приняла условия капитуляции.

Война окончена! Сообщение об этом вызвало небывалой силы триумф среди всех фронтовиков. В то майское утро на лицах были одновременно радость и слезы. Впервые почти за четыре года с наших сердец свалилась гнетущая тяжесть тревоги за судьбу своих близких, миллионов соотечественников в солдатских шинелях. В этот май-

ский, наполненный ликованием вечер сбросили мрак светомаски-
ровки наши города, села, и свет засверкал во всех окнах. Это были
незабываемые ощущения, оставшиеся в душе на всю жизнь!

Сергей Иванович Скиба

РАДЯНСЬКОГО ЛІКАРЯ

**ВСЕГДА
НА
СТРАЖІ!**

Мужья оборона

**Велика
вдячність**

ПРЕМІЯ КОШТА

СОРАТНИЦА А. И. М

В. М. Шендрик на той час працювала в Харківському будинку культури. Вона була однією з перших, хто прийняв участь у організації роботи в будинку культури. Вона була дуже активною в організації роботи в будинку культури. Вона була дуже активною в організації роботи в будинку культури.

НАРОДНА УКРАЇНСКА АКАДЕМІЯ

Великая Отечественная война

НА СТЕЖАХ ВУЗОВСЬКИХ
МУЗЕВ ХАРЬКОВЩИНИ

1941-1945

Издательство НУА

Велика Вітчизняна війна була найбільшою війною в історії людства. Вона була дуже важливою для України. Вона була дуже важливою для України. Вона була дуже важливою для України.

В ОТЯГЕ ОНА БЫЛА ВРАЧОМ

Наполеон Бонапарт завжди був великим полководцем. Він був великим полководцем. Він був великим полководцем. Він був великим полководцем.

Вона була дуже активною в організації роботи в будинку культури. Вона була дуже активною в організації роботи в будинку культури. Вона була дуже активною в організації роботи в будинку культури.

ПО МЕСТАМ БОЕВОЙ СЛАВЫ

Влітку 2012 року міжнародна організація «Вітчизняна війна» (Україна) буде організувати екскурсію в Польщу та Україну. Екскурсія буде організована для українців та іноземців. Екскурсія буде організована для українців та іноземців.

НЕЗАБУТНЄ

Весна 1941 року. Закінчується навчання на III курсі. Важка екзаменаційна сесія: шість екзаменів і серед них патанатомія, патфізіологія, фармакологія. П'ять екзаменів складено. З товаришами готуємось до останнього, шостого — патанатомії. Мріємо про добрий літній відпочинок. Вперше у житті поїдемо до будинку відпочинку на березі моря по путівках, які виділив профком інституту.

І раптом.. « 22 июня, ровно в четыре часа Киев бомбили, нам объявили...»

Достроково складаємо останній екзамен. Потім, після невеликої перерви, починаються заняття на IV курсі.

Фашистська навала рветься до центру Батьківщини. Навчання припинено. Групами разом з викладачами виїжджаємо на будівництво земляних укріплень. Спочатку неподалік від Харкова, в Перещепино Дніпропетровської області.

Наказ про евакуацію міста. «Інститут працюватиме у Фрунзе». Розстаємося з товаришами і друзями. З деякими назавжди. Єдиний шлях до однієї мети, яким ми разом йшли три роки, розходиться на декілька доріг. Дехто виїздить у Фрунзе, щоб закінчити навчання, стати лікарем, а потім йти на фронт. Деякі йдуть на фронт зараз.

«Идет война народная, священная война...»

Передньому краю потрібні медики. У жовтні 1941 року йду в діючу армію. Військова частина, в яку я потрапила, залишала Харків в числі останніх. Боляче залишати рідне місто німцям. Покидали його з упевненістю, що скоро повернемося.

Тяжкі дні воєнних випробовувань. Мужніємо. Стаємо не за віком серйозними. Думки й вчинки підпорядковані одному — звільнити рідну землю від ворога.

Гіркоту відступу доводиться пережити ще раз, в 1942 році на Південно-Західному фронті. Після наступу наші війська змушені тимчасово відступити. Пам'ятається: залишаємо населений пункт, єдина дорога, по якій рухаються війська, знаходиться під прицільним вогнем ворога. Страшні вибухи снарядів і мін. Частина населення відходить разом з нами. Біля хат стоять літні жінки. Стиснуті до болі губи, у багатьох на очах сльози. Слова «на кого ви нас залишаєте» раяють серце й викликають рішучість боротися.

Німці розбомбили всі переправи через Дон. Ми притиснуті до річки. Сутеніє. Страшний наліт ворога. Всю ніч працюємо: перев'язуємо поранених, підтягуємо до річки, переправляємо через Дон. Одяг

на нас за grubів від засохлої крові. Та поки не підібрані всі поранені, залишаємося на правому березі Дону.

Вранці, хто як може, перепливаємо річку і займаємо оборону на другому березі.

Наприкінці 1942 р. нашу частину перекидають під Сталінград. Навколо 300-тисячної армії Паулюса стискається кільце наших військ. Виходу у неї немає. Групами і підрозділами німці здаються у полон. Того року зима була люта. Сильні морози з вітром. Температура сягала -46 градусів. Наші солдати одягнені тепло, німці ж тремтіли в своєму легкому одязі. Не до вподоби їм російська зима. Здавалося, сама природа карає їх- непрошених- у чужій країні. Але від підступності ще не відмовились. Напередодні нового, 1943 року дівчата одного з наших підрозділів підібрали на снігу кілька ялинкових прикрас і принесли в землянку. Іграшки виявились мінами. Чотири дівчини були тяжко поранені.

Німці під Сталінградом розбиті. Перемога додала сил. Нестримний наступальний рух з боями на захід через Охтирку, Прилуки, Київ.

У 1944 році демобілізують і повертають до інституту продовжувати навчання. Мої товариші дійшли до Берліна, де на стінах рейхстагу написали: «Ми з Харкова».

*Газета «За радянського лікаря». 1995 р.
Доцент кафедри комунальної гігієни К.Москаленко.*

ГЕНЕРАЛЬНИЙ НАСТУП НА БЕРЛІН

Йшла весна переможного 1945 року.

На початку квітня активність авіації далекої дії зменшилась. За кілька днів до середини квітня вильоти припинилися зовсім. Вечері 15 квітня було дано наказ всьому особовому складу: після вечері лягти спати. О першій годині ночі була оголошена бойова тривога й особовий склад на машинах був вивезений на аеродром.

Літаки були повністю готові до вильоту, і ми одержали наказ летіти на передову, що ніколи авіації далекої дії не доручалося. Один за одним важкі літаки посунули на захід. На світанку досягли оборони противника. Лінія фронту була позначена тисячами прожекторів, котрі освітлювали передній край ворога. Літаки йшли один за одним, ескадрилія за ескадрилією, скидаючи свій смертоносний вантаж на укріплені позиції німців. В повітрі було добре видно численні залпи гармат, які ламали оборону противника.

Після бомбометання повернулися на аеродром. Було відпущено дуже мало часу на заправку літака паливом, легкий сніданок екіпажів тут же, біля бойових машин.

Потім відбувся другий виліт на передній край. В повітрі поблизу лінії фронту знаходилося одночасно багато літаків, які летіли в бік укріплень противника. Найвище — важкі літаки далекої дії, ближче до землі — штурмовики й винищувачі. Наносилися численні удари по дислокації противника, нагромадженням бойової техніки.

І ось 20 квітня було віддано наказ бомбити залізничний вузол Берлін — Захід. Я раніше всіх вилетів з аеродрому, підійшов до цілі о першій годині ночі, але земля ще не була освітлена. Через кілька хвилин попереду показалися «са-би» — авіабомби, які світяться. Вони були підвішені на парашутах. Стало добре видно землю. Перед самою ціллю радист повідомив, що ззаду до літака підходить «боїнг». Я наказав відкрити вогонь, прагнучи не підпустити близько чужий літак. Одразу після того, як була віддана команда відкрити вогонь, із ворожого літака, а ним виявився не «боїнг», а нічний винищувач німців «Мессершміт-110», пролунали дві довгі черги з гармат по кабіні радиста й стрілка. Внутрішній зв'язок обірвався. На численні виклики ніхто не відповідав. Повторна атака противника. Довгою чергою із кулемета були пробиті бензобаки першої групи, і машина запалала.

Бомби були скинуті, і на палаючій машині ми повернули в бік фронту. Нічого було й думати про те, щоб викинутися з парашутом, так як під нами були німецькі частини, і нас би розстріляли ще в повітрі. Потрібно було летіти до лінії фронту, не дивлячись на небезпеку вибухнути в повітрі. Небезпека полягала в тому, що після вигорання бензину його пари вибухають, а разом з ними й літак з екіпажем.

Все-таки нам вдалося дотягти до лінії фронту. Я повідомив екіпажу обстановку, вказав наші координати, висоту польоту, час і віддав наказ викидатися з палаючого літака.

У мене обгорів комбінезон, почав тліти парашут, залишатися далі в літаку було неможливо. Після відділення від літака мене охопило полум'ям. Промайнула думка, що розкривати зараз парашут небезпечно, і я каменем полетів до землі, рахуючи про себе секунди. Через п'ять секунд я розкрив парашут. Одразу настала тиша. Чути було лише голоси й постріли з землі. Над собою я побачив ще два купола парашутів: хтось з екіпажу не зміг вибратися з літака і зірвався разом з ним. В повітрі я відстебнув лямки парашута, підготував пістолет і, вдарившись об землю, одразу ж відскочив убік. В цю мить пролунали кілька автоматних черг. Я лишився живим. Почулися голоси. Це були бійці наших передових частин. Вони допомогли мені пізно вночі

відшукати ще двох членів екіпажу, один з яких загинув ще в повітрі, а другий пошкодив собі ногу при ударі об землю.

Це відбулося під Берліном, і я міг би з передовими частинами ввійти в фашистське лігво, але необхідність швидкого повернення в льотну частину і травма пілота примусили мене повернутися в діючий полк. А там знову бойові вильоти...

*Газета «За радянського лікаря». 1985 р.
Професор, завідуючий кафедрою очних хвороб М. Пеньков.*

У БИТВІ ЗА БЕЛГРАД

Професор В. Трубніков — учасник Великої Вітчизняної війни, багато кілометрів пройшов дорогами війни. Свій бойовий шлях він розпочав на Дніпрі, а закінчив в Угорщині. Він розповів колись нам про один із боїв.

«Згадується битва за Белград, у якій брала участь 236-а стрілецька дивізія під командуванням двічі Героя Радянського Союзу генерала-майора ФЕСІНА і підрозділи югославських партизан.

Точився бій за центральну частину столиці та міст через річку Савву /приток Дунаю/ — важливу комунікацію ворога на шляху подальшого просування нашого 814 стрілецького полку.

Мінометній роті було поставлено завдання відрізати ворога від замінованого мосту і не дати йому можливості підірвати його. Стріляли ми із закритих позицій — із двору будинку центрального радіо Белграда.

Фашистські снайпери, використовуючи каналізаційну систему міста, проникли у типові порядки нашого полку і з горищ сусідніх будинків, вже зайнятих нашими військами, розривними кулями розстріляли дві третини нашої мінометної роти, у тому числі і весь офіцерський склад.

За головного залишився я. Взявши 10 солдат із сусіднього підрозділу, під ворожим вогнем, в умовах вуличних боїв великого міста я проник у будинок, звідки вели вогонь фашисти.

Снайперів знищили у ближньому бою, закидавши їх гранатами. Мене було поранено, але поля бою я не залишив. Повернувшись у бойові порядки мінометної роти 2-го стрілецького батальйону, я разом з бійцями, що залишилися, продовжував вести вогонь.

Дві доби ми боролися за Белград. Як потім з'ясувалося, ці дві доби вся наша дивізія і частина югославських партизан знаходилися в оточенні. Ми були деблоковані частинами нашої армії.

Наш полк захопив міст через Савву не пошкодженим, за що був нагороджений орденом Червоного Бойового Прапора. Тут же у Белграді до бойового прапора полку комдивом Фесіним була прикріплена нагорода Батьківщини.

Багато офіцерів і солдат нашого полку було нагороджено високими урядовими нагородами. Мені було вручено дуже дорогу для мене нагороду Вітчизни — медаль «За відвагу».

*Газета «За радянського лікаря». 1990 р.
Зав. кафедрою травматології та ортопедії
В.П.Трубніков*

ФРОНТОВІ ДОРОГИ

Це незабутній час. Незабутній для тих, хто пережив радість і тугу Перемоги. Радість — тому, що попереду було життя без крові та вбивств, життя з чистим небом і добрими обличчями; туга — бо занадто дорого довелось заплатити за сонце в очах дітей.

Пригадає учасник Великої Вітчизняної війни Юрій Савич ШКОДА, викладач військової кафедри, заслужений лікар УРСР: — Війна для мене розпочалася 23 червня 1941 року. Я закінчував Дніпропетровський медичний інститут. І для мене, і для моїх товаришів — медиків був один розподіл — фронт.

Розпочав я свій бойовий шлях старшим лікарем полку в чині капітана. Важко згадувати все. Важко, бо було багато запеклих боїв, безсонних ночей, довгих шляхів війни...

Я брав участь в обороні Ленінграда і у звільненні Харкова, воював на Курській дузі, у Східній Пруссії; бився за Сталинград і звільняв Польщу, обороняв Москву і був серед тих, хто штурмував Берлін.

В Берлін я увійшов лікарем 8-го гвардійського танкового корпусу?

Мене тричі було поранено, але я кожного разу повертався у рідний корпус.

Ви запитуєте про нагороди? Маю шість бойових орденів, медалі. Розповідати, за що я їх одержав, довго. Розповім, мабуть, про свою першу нагороду, про найдорожчу, найпам'ятнішу. Це було в 1941 році, у жовтні. Німці рвалися до Москви. Час вимірювався кількістю боїв, а не годинами.

Не було сонця — його затьмарив дим згарищ; не було повітря — був вихор розривів, запах гарі; не було тиші — був свист бомб. Ось у цей час я й одержав свою першу медаль «За відвагу». За те, що я з товаришами виніс із ворожої території командира полку і начальника шта-

бу, героя Іспанії Каламбухова. Ми їх тягли усю ніч через ліс, через яри. Тільки вдосвіта добралися до своїх. Медаль вручив Михайло Іванович Калінін. Таке пам'ятається. А ще дорога мені ця медаль, бо її дають солдатам, рядовим, на ознаку особистої заслуги.

Хочу сказати про бойових товаришів, про військових лікарів. Не осоромили вони цього високого звання. Багато з них загинуло на полі бою, надаючи допомогу пораненим. Важко втрачати друзів, особливо, коли ми були вже біля Берліна, коли у повітрі відчувався кінець війни. Часто пригадую я санінструктора В. Біцека. Великої відваги людина. Це з ним я виручав пораненого начальника штабу під Москвою. А в Сталінграді, коли йшов бій за один із будинків, санінструктор бився із зброєю в руках, стримуючи разом з товаришем переважаючі сили ворога. Тоді він одержав орден Червоного Прапора. Зараз мій бойовий друг живе у Мінводах.

Давно вже це було, більше 40 років тому. Давно і недавно... Знаю одне — це не повинно повторитися. Для цього, для миру на землі, ми передаємо свій досвід молодому поколінню. Вірю — молодь не підведе!

*Газета «За радянського лікаря», 1989 р.
Викладач військової кафедри,
Заслужений лікар УРСР Ю.С.Шкода.*

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА Г.О. БУГАНОВ

Юноша из аула Ханар—ровесник Октября—он еще в школе твердо решил стать учителем. Поступил в Дагестанский педагогический институт. Занимался он с увлечением. Вступил в комсомол, в 1938 году его приняли в ряды Коммунистической партии. Студент Гаджи Буганов находил время для занятий и спортом, и в кружках Осоавиахи ма, и в аэроклубе. Научился метко стрелять. Налетал на самолетах легко-моторной авиации 84 часа.

Институт он окончил с отличием. Начал преподавать историю СССР в Дагестанском медицинском училище.

Вскоре его призвали в Красную армию. Когда началась война, он был уже командиром взвода, затем роты оперативного батальона, получил боевое крещение, защищая Москву. Впоследствии Гаджи Османович вспоминал эти дни. «6 ноября 1941 г. в Москве состоялось торжественное заседание, посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Вестибюль станции метро «Маяковская» был превращен в праздничный зал. Я попал на это за-

седание прямо с передовой. Заняв оборону под Каширой, мы получили приказ: во что бы то ни стало отстоять город, преградить путь войскам генерала Гудериана, лелеявшего план захвата столицы. Буквально накануне отъезда в Москву мы захватили вражеский фургон с комплектом парадного обмундирования, заботливо подготовленного гитлеровским командованием для будущих «покорителей» столицы... На следующий день, 7 ноября, я принимал участие в параде на Красной площади. Мы шли сомкнутыми шеренгами, отправляясь отсюда на передовую. Шли, словно благословленные матерью Родиной. Это придавало силу не только участникам парада, — это гигантские духовные резервы вливались во всю нашу армию...»

В тревожном 1942 году в оборонительных боях за Новороссийск, родной Кавказ росло его боевое мастерство Г.О.Буганова, закалялось мужество. Осенью, когда враг прорвался в долину Терека, намереваясь через Дагестан пройти к бакинской нефти, рота, где был политруком старший лейтенант Буганов, 50 дней героически отбивала контратаки противника под Орджоникидзе.

В начале 1943-го года в наступательных боях под Краснодаром политрук Буганов был тяжело ранен. После лечения он окончил Высшую офицерскую школу. Ему присвоили звание капитана, назначили командиром отдельного батальона первой гвардейской воздушно-десантной дивизии. Вот когда емугодились навыки, полученные в студенческие годы в Махачкалинском аэроклубе.

Дивизия была ударной силой. Она первой форсировала Днепр в районе деревни Мишуриный рог. На правом берегу десантники с ходу захватили большой узел железных дорог — Пятыхатки. 14 эшелонов с боевой техникой врага стали их трофеями. А наступало на Пятыхатки всего два батальона, одним из которых командовал Буганов.

В составе воздушно-десантной дивизии 53-й армии, которой командовал прославленный генерал-лейтенант И.М. Мангаров, батальон Буганова участвовал в ликвидации Корсунь-Шевченковской группировки врага.

Преследуя противника, 53-я армия вела тяжелые наступательные бои, освобождая от гитлеровцев нашу Родину, а также Румынию, Венгрию, Чехословакию. Это были этапы и боевого пути офицера Буганова, на которых особо проявились его мужество, боевой опыт, умение руководить боем. Буганов был назначен командиром ударно-штурмового батальона. Гаджи Османович вспоминал: «Жаркими были бои по разгрому Кишиневской группировки врага. Однажды батальону пришлось отбивать атаку за атакой целые сутки. Было истреблено до 1000 фашистов и взято в плен 700. Позже батальон окружила вра-

жеская дивизия. Снова беспрерывные атаки. Фашисты предлагали нам сдаться. Мы отвечали: «Штурмовики не сдаются!»—и продолжали бой. Последнюю атаку враг предпринял с газовыми снарядами. Пытаясь задержать наступление советских войск, враг упорствовал отчаянно. Помнится еще один тяжелый бой, когда противник бросил на наш батальон полк пехоты, 9 бронетранспортеров, 3 танка, с поддержкой двадцати самолетов».

В память о тех боях—за взятие Кишинева, за овладение и удержание Ракоши—важного узла шоссейных дорог противника, связывающего несколько населенных пунктов, комбат Буганов получил орден Красного Знамени.

Трудным, но победным был путь батальона. Во всех этих боях он всегда выполнял самые ответственные задачи.

В начале ноября 1944 г. перед батальоном была поставлена боевая задача—первым в армии форсировать крупный водный рубеж—венгерскую реку Тиссу, ширина которой 18 метров и глубина до 12 метров, в районе Тисса—Ербень. Первым делом Буганов изучил участок реки. В ночь на седьмое ноября началось форсирование Тиссы.. Противник открыл огонь из всех видов оружия. По смельчакам била артиллерия, минометы. Буганов, переправившись во главе первой группы батальона (путь проходил через болото, заросли кустарника), овладел плацдармом, прикрыл переправу остальных бойцов и, отбивая яростные контратаки превосходящих сил врага, обеспечил форсирование реки другими подразделениями полка. Сосредоточившись на западном берегу реки, полк с боем форсировал вторую водную преграду—Клейн-Тисса и в рукопашной схватке, уничтожив 800 солдат и офицеров, штурмом овладел главным опорным пунктом обороны противника на западном берегу реки Тисса—населенным пунктом Парооль и дал возможность форсировать реку частям 57-го стрелкового корпуса.

В ночь штурма батальон Буганова не только захватил переправу врага, но и взял в плен гарнизон, оборонявший мост. Продолжая успешное наступление, полк в ненастную ночь с 7 на 8 ноября прошел по бездорожью 30 километров и на рассвете штурмом овладел вторым важным опорным пунктом обороны противника — крупным населенным пунктом и железнодорожной станцией Мезетаркань. Враг был разгромлен, взяты большие трофеи.

В ходе боев за удержание плацдарма только воинами под командованием Г.О. Буганова было уничтожено свыше 200 гитлеровцев, четыре артиллерийские и минометные батареи, три танка, несколько бронетранспортеров, 14 пулеметов, захвачено в плен более

1300 фашистов и одна артиллерийская батарея. Командующий 53-й армией генерал-лейтенант И.М. Манагаров поздравил комбата с победой.

24 ноября 1944 года командир 3-го ударно-штурмового полка гвардии подполковник Мелентьев представил отважного комбата к званию Героя Советского Союза. В документе говорилось: «Гвардии капитан Буганов, являясь исключительно храбрым и мужественным офицером, своими героическими подвигами в самые трудные моменты боевой обстановки воодушевлял весь личный состав батальона к победе». «Достоин присвоения звания Героя Советского Союза»,—подписали заключение командующий 53-й армии генерал-лейтенант Манагаров и член военного Совета 53-й армии генерал-лейтенант Горохов.

Победное наступление войск 53-й армии продолжалось, Гвардии капитан Буганов довел свой батальон до чехословацкого города Брно. В заключительных боях под Брно он был тяжело ранен. За мужество и отвагу, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, он был награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, 10 медалями. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года ему присвоено звание Героя Советского Союза.

После лечения в госпитале Герой Советского Союза Г.О. Буганов с отличием закончил Военную академию имени М.В. Фрунзе.

И в мирные дни гвардии полковник Буганов много лет посвятил службе в Советской Армии: в Генеральном штабе Вооруженных Сил СССР, затем в высших военных учебных заведениях. После демобилизации из рядов Советских Вооруженных Сил он вернулся к своей довоенной профессии педагога и читает курс научного коммунизма в Харьковском медицинском институте.

Герой Советского Союза Г.О. Буганов—активист военно-патриотической работы среди молодежи. С рассказами о подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны он выступает и в печати. Он член Союза журналистов СССР.

*Путерброт А. Боевая слава Дагестана. — Махачкала.-1983.
Дучицкая И. Гостиница «Москва» №424 // Вечерняя Москва, 1973.*

ПОДВИГ В ГРЮНВАЛЬДЕ

Сегодня, когда наша страна торжественно отмечает 45-ю годовщину Советской Армии и военно-Морского Флота, перед взорами всего прогрессивного человечества ярко встают образы советских во-

инов-богатырей, отстоявших в годы Великой Отечественной войны честь и независимость своей Родины.

В победе советского народа над немецко-фашистскими захватчиками большая заслуга принадлежит и нашим военным медикам. Мужественно, бесстрашно выполняли они свою высокогуманную и благородную цель – отдавали все силы делу спасения раненых и больных воинов, а в минуту грозной опасности грудью защищали их, не щадя своей крови и самой жизни. Об таком героическом подвиге, материалы о котором хранятся в Военно-медицинском музее, хочется рассказать сегодня.

Февраль 1945 года. Части Советской Армии, выполняя историческую освободительную миссию, с боями вступили в Восточную Пруссию и, преодолевая упорное сопротивление врага, успешно продвигались к побережью Балтийского моря. В одном из ожесточенных боев под городом Ландсберг подразделению гитлеровцев удалось пробиться из окружения и ворваться в населенный пункт Грюнвальд (ныне населенный пункт Зеленица Польской народной республики), где был развернут 288 отдельный медико-санитарный батальон 88 стрелковой дивизии.

О том, что здесь находится медицинская часть, сомнений быть не могло. Над зданиями, в которых размещался медицинский пункт, отчетливо выделялись белые флаги с красными крестами. А в дивизионном медицинском пункте шла большая напряженная работа по оказанию помощи раненым. Все это видели фашистские ублюдки, ворвавшиеся в Грюнвальд. Но они, грубо нарушив все международные соглашения, стали беспощадно громить перевязочные, операционные, убивать медицинских работников и раненых.

В этой очень сложной и опасной обстановке наши военные медики, не щадя своей жизни, смело и мужественно встали на защиту раненых. Они укрывали раненых в подвалах домов, закрывали доступ в них врагу, эвакуировали раненых по полевым и проселочным дорогам в ближайший лес. Фашисты ворвались в операционную, когда здесь хирург Лихачева и медсестра Лена Липатова оказывали помощь раненым. Гитлеровцы зверски убили всех раненых, медсестру, и только случайность спасла врача Лихачеву от вражеских пуль. Санитарки Кондакова, Короткова, А.Шарова в перевязочной оказывали помощь раненым вплоть до того момента, пока гитлеровцы огнем из самоходного орудия не разрушили перевязочную.

В этот трудный и решающий момент защиту раненых возглавил дивизионный врач майор медслужбы Д.Д.Арнольди, который вместе с командиром медико-санитарного батальона майором медслуж-

бы А.Я.Кавыршиным и ведущим хирургом А.А.Ситниковым организовал круговую оборону. Очевидцы рассказывали впоследствии, что в решающий момент Д.Д.Арнольди обратился с призывом к медработникам: «Будем защищать раненых до последней капли нашей крови! Я не уйду из Грюнвальда, пока в нем будет оставаться хотя бы один раненый и медицинский работник!»

Натолкнувшись на стойкость и мужество советских медиков, фашисты решили уничтожить их с помощью газа. Они подогнали к зданию, в котором оборонялись медработники, самоходное орудие, проломили отдушину в подвале, забросили туда шланг, соединенный с выхлопной трубой самоходки, и стали уничтожать наших людей газом от работающего мотора. Видя смертельную опасность, Д.Д.Арнольди с кличем: «Умрем, но не сдадимся!» первым бросился в рукопашную схватку с врагами.

Так в неравном бою смертью храбрых погибли, самоотверженно защищая раненых, медицинские работники Д.Д.Арнольди, А.Я.Кавыршин, А.А.Ситников, Кондакова, Короткова, Е.В.Липатова, М.М.Куликова, Е.А.Филиппова, А.А.Шабалина, А.Тетерина, старший лейтенант Квочкин, рядовой Присич. Медицинские работники, героически погибшие при защите раненых, были посмертно награждены правительственными наградами. Своими смелыми решительными действиями они сковали действия противника, спасли жизнь многих раненых и помогли нашим войскам быстро разгромить гитлеровцев, прорвавшихся в Грюнвальд.

Командование дивизии, получив сигнал от дивизионного врача и командира медсанбата о нападении гитлеровцев на Грюнвальд, несмотря на очень сложную и трудную обстановку, приняло срочные меры к спасению раненых и медицинских работников.

Автору этих строк довелось лично знать Дмитрия Дмитриевича Арнольди. Питомец Харьковского военно-медицинского факультета, он после окончания учебы в 1941 году участвовал в должности старшего врача полка в обороне Москвы, а позднее был командиром медсанбата и дивизионным врачом. Его отличительной чертой была горячая любовь к трудной и сложной работе военного врача, исключительная скромность, простота обращения с подчиненными, готовность оказать помощь товарищу, поделиться своим богатым опытом по организации медицинской помощи раненым и больным. Для советских воинов и своих помощников-медработников он был добрым другом, справедливым начальником, заботливым врачом. Его всегда волновало все, что имело отношение к сохранению здоровья воинов. Он пользовался большим авторитетом у медработников, прививал

подчиненным любовь к советским воинам — защитникам нашей Родины. Военный врач Д.Д.Арнольди любил жизнь и делал все, что мог, для ускорения победы над врагом.

Ныне медицинские работники, погибшие в Грюнвальде, незримо присутствуют в делах и мыслях советских военных врачей. Их бессмертный подвиг еще ждет широкого освещения на страницах военной печати и истории военной медицины. В их делах слушатели нашей академии видят прекрасный пример высокого патриотизма, верности своему долгу, беспредельной преданности Коммунистической партии и Советской Родине.

*Подполковник медицинской службы И.Карасев
Газета «Военный врач»*

У ВІЙНИ НЕ ЖІНОЧЕ ОБЛИЧЧЯ

...Я только раз видала рукопашный.
Раз наяву и тысячи во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Ю.Друнина

Напередодні 65-ої річниці від дня Великої Перемоги знов і знов повертаєшся до теми війни, розмірковуєш про долю країни, людей, що загинули або вижили у полум'ї жорстоких боїв, про сучасну молодь, особливо студентську, яка знає про цей страшний час лише з розмов і не завжди розуміється в історичній правді воєнних років. Донести цю правду до молодих людей, допомогти їм зрозуміти її — почесна й важка задача музейних працівників вузів.

У музеї історії ХНМУ зібрано багато матеріалів про участь харківських медиків у Великій Вітчизняній війні, і ми розповідаємо студентам про діяльність двох на той час Харківських медичних інститутів під час війни у 3-х напрямках. По-перше, велика кількість викладачів і студенти старших курсів пішли у діючу армію. По-друге, будучи евакуйованими до м. Чкалова (нині Оренбург — 1-ий ХМІ) та до м. Фрунзе (нині Бішкек — 2-й ХМІ), обидва інститути продовжували готувати майбутніх медиків для країни й допомагали у лікувальній роботі місцевим лікарням і шпиталям. По-третє, багато медичних працівників, залишившись на окупованій території або перебуваючи у партизанських загонах, продовжували надавати медичну допомогу хворим і пораненим.

Про це розповідають музейні експонати, що розміщені у 3-х вітринах та на одному із стендів. І звідусіль дивляться на нас очі, жіночі очі. Розповідь про долю цих жінок може скласти тему окремої екскурсії, яка з повною очевидністю підтвердить назву цієї статті — «У війни не жіноче обличчя».

І дійсно, що може бути більш неприродним, чим зіставлення жінки з війною. Одна — дає життя, сповнює змістом все суще на землі; друга — забирає життя, сіючи ненависть і горе кругом себе. Немає більш непримиренних ворогів, чим жінка та війна. Мабуть, тому так багато жінок було в перших рядах захисників Батьківщини в роки Великої Вітчизняної війни. Жінки: матері, дружини, наречені — піднялися, щоб захистити життя своїх дітей, батьків, коханих, близьких.

Льотчиці, сапери, радистки, розвідниці... Понад 800 тисяч жінок воювало на фронтах. Однак найбільше їх було серед медиків. Достатньо сказати, що тільки у складі військових хірургів жінок було до 43 відсотків.

Ми не знаємо достеменно, скільки викладачів, випускників різних років і студентів обох Харківських медінститутів боролося проти фашистів, але з упевненістю можемо сказати, що близько половини з них були жінки. Використовуючи матеріали музею історії, ми можемо розповісти про воєнні долі декого з них.

З фотографії в одній з витрин посміхається вродлива жінка в шапці-ушанці з кобурою на ремені. Поруч з нею легендарний Сидір Ковпак — партизанський Дід. Фото зроблено у 1942 році в глибокому тилу німців. Це випускниця 2-го ХМІ 1939 року Маєвська Надія Казимирівна. Лікар Діна — так називали її партизани.

Після закінчення інституту її залишали на кафедрі проф. О.І.Мещанінова, але молодий лікар вирішує, що спочатку треба набути практичного досвіду. Вона їде в с. Воргол, Путивльського району на Сумщині в дільничну лікарню. Сільчани полюбили молодого, енергійного лікаря. Великі плани були в неї щодо подальшого розвитку лікарні.

Але почалася війна, і все зруйнувала. Коли фронт наблизився до Путивля, вона пішла в партизани, сказавши своїм батькам: «На війні й ланцет — гостра зброя», не думаючи про те, що її слова можуть стати пророчими. Незабаром їй, терапевту за фахом, доведеться робити різні, часом досить складні операції, не маючи під рукою необхідних хірургічних інструментів, часто в умовах дуже далеких від операційних. Вона назавжди запам'ятала першу, коли на імпровізованому операційному столі — селянському возі — звичайною пилкою їй довелося ампутувати ногу молодому партизанові.

У з'єднанні С.Ковпака під керівництвом Н.К.Маєвської була створена перша медико-санітарна служба серед усіх партизанських загонів. За півтора роки з боями під керівництвом Ковпака вона пройшла біля 3 тис. км., і, завдяки їй, з 500 бійців і командирів, поранених за цей час, 76% повернулися до лав, продовжували битися з ворогом. Траплялося їй ходити в розвідку, із зброєю в руках захищати обоз з пораненими, таємно надавати медичну допомогу бійцям, що залишалися для одужання в окупованих ворогом селах. Після війни Маєвська працювала у Київському медінституті, вона написала книгу про медичну службу в партизанських з'єднаннях України, яку подарувала нашому музею.

Любов Трохимівна Мала, випускниця 1-го ХМІ 1938 р., у подальшому академік, Герой Соціалістичної Праці, Герой України, пройшла всю війну від першого до останнього дня у діючій армії. Її воєнна «кар'єра» — від помічника начальника евакошпиталю з медичної частини до помічника начальника лікувального відділення санітарного відділу Харківського військового округу, якому були підпорядковані військово-медичні установи 8-ми областей України. Її спогади, що зберігаються у музеї, — то хвилююча розповідь медика про важкий тягар війни, то сповідь людини, що найщасливішим днем у своєму житті називала святий День Перемоги. Ось тільки один з епізодів цієї героїчної долі, взятий нами з копії Нагородного листа.

«...10 октября 1941 г. при налете вражеских самолетов на станцию Ворошиловград от прямого попадания зажигательных бомб загорелся вагон с ранеными военно-санитарного поезда №1165. Тов. Малая, пренебрегая опасностью, с помощью сандружинниц лично организовала вынос тяжело раненных из охваченного пламенем вагона через двери и окна, благодаря чему было спасено 17 человек тяжелораненных. Мобилизовав далее рабочих, произвела отцепку горящего вагона, чем предотвратила возгорание соседних вагонов с ранеными».

Скупі й сухі рядки офіційного документа, а для Любові Трохимівни важкий спогад на все життя і постійне здивування: як вона могла зробити оте відчеплення вагону? Медаль «За боевые заслуги», яку вона отримала тоді, вважала за свою найдорожчу нагороду.

Тетяна Іванівна Тихонова закінчила ХМІ у 1935 р. До початку війни встигла захистити кандидатську дисертацію, народити двох дітей, попрацювати на кафедрі оперативної хірургії рідного інституту. У вересні 1941 р вона була мобілізована Дзержинським райвійськкоматом Харкова і направлена до евакогоспіталю №1979. Через всю країну їхала до місця свого призначення — у м. Чорногірськ, Хакаської автономії. Їхала, а серце рвалося на фронт, туди, де йшли запеклі

бої. Але з нею були 4-річний син та 3-річна донька, які теж потребували її турботи.

Почалася її робота ведучого хірурга в евакошпиталях. Тяжкі операції, нічні чергування, а вдень треба встигнути провести обіцяний прийом хворих у місцевій лікарні. Вдома майже не бачили Тетяну Іванівну, але вона знаходила час для поїздки в далеку сільську лікарню, де багато років працював висланий лікар-німець, хірург, як кажуть, від бога, щоб повчитися, а може, й порадитися з приводу тяжких поранень.

Суворий та вимогливий керівник, уважний й кваліфікований спеціаліст, чуйна й щира людина, вона завоювала любов і пошану поранених і мешканців маленького міста, в якому було багато висланих німців, поляків та інших. Дочка одного польського подружжя вже після війни через Червоний Хрест розшукала Тетяну Іванівну в Харкові, щоб висловити слова вдячності своїй другій матері, як вона її називала, за підтримку й допомогу в ті страшні роки.

Перше бойове хрещення професор Тамара Трохимівна Чорна отримала у листопаді 1942 р. на Сталінградському фронті в окремій роті водолазів, де вона була начальником санітарної служби. Далі були Ленінградський, 2-й та 3-й Прибалтійські фронти. Особливо запам'ятовується Ленінградський, прорив блокади, Павлово, Пулковський меридіан, Луга, Дно, Порхов... Усе навкруги розбито, будівель, що уцілили, одиниці та й ті заміновано. У кожного населеного пункту — концентраційний табір з тисячма розстріляними.

Як розповідала Тамара Трохимівна, зі станції Луга німців за допомогою партизанів вибили швидко, там її залишили з пораненими. Мешканців практично немає. У школі покинутий німецький госпіталь. Боязко зайшла до приміщення. На підлозі пристрелені тяжкопоранені німецькі солдати й покинуті медикаменти у гарних упаковках: марганцевокислий калій та протималярійний препарат. Не залишати ж їх! З перевернутої табуретки зробила імпровізовані сани і поїхала до санчастини. Відійшла метрів зі 150 — і школа-госпіталь злетіла у повітря: спрацював мінний годинниковий механізм. Про Т.Т.Чорну, яка протягом 23 років очолювала кафедру інфекційних хвороб Харківського медичного інституту, писала нещодавно обласна «Медична газета». Її служіння людям як лікаря продовжували дочка, а зараз і онук Юрій.

Є в музеї фотопортрет молодого чоловіка, майже юнака. Його уважні, трохи сумні очі ніби питають про щось. Це — Вишинський Трохим Трохимович, який загинув у 1942 р. А портрет передала до музею його дружина — Ольга Венедиктівна, яка разом з чоловіком навчалася

на військово-медичному факультеті 1-го ХМІ. До Харкова вони приїхали з Дніпропетровська. У серпні 1941 р. після IV курсу слухачі цього факультету (151 чол.) були випущені зауряд-лікарями, що підлягали після закінчення війни поверненню на V курс. А тоді — військлікарями 3 рангу без дипломів вони направлялися в армію.

Їй було 21 рік, у неї був 5-місячний син, але вона, залишивши дитину на стару матір, пішла на фронт, бо не могла зробити інакше. Важко без хвилювання читати рядки її листів, де вона розповідає про те, що прийшлося пережити. Ольга Венедиктівна згадує, як виходили з оточення, як під обстрілом організувала евакуацію 1,5 тисяч поранених з розбитого госпіталю, як по декілька днів не відходила від операційного столу, як був час, коли тижнями, крім маленького сухарика та стакана теплої, ледь солодкої води двічі на день, не було більше ніякої їжі. Її назвали везучою, коли одного разу під час операції від бомбового удару загинули відразу поранений, операційна сестра, два санітари, а вона залишилася живою, бо її відкинуло вибуховою хвилею.

А в лічені хвилини відпочинку не залишали тривожні думки про чоловіка та сина. Так вони більше й не зустрілися з Трохимом Трохимовичем, але вона й досі чекає на нього.

Саме їй ми зобов'язані тим, що знаємо прізвища загиблих слухачів військово-медичного факультету — її колишніх однокашників. Вишинська сама шукала і знайшла ці відомості в Подольському військовому архіві, за що ми їй щиро вдячні.

Розповідь про жінок-медиків можна продовжувати, і ми це робимо при проведенні екскурсій, адже як не розповісти про лікаря-фтизіатра К.О.Іліаді, яка рятувала людей від угону до Німеччини в окупованому Харкові, про хірурга В.Ф.Нікітинську, помічницю професора О.І.Мещанінова, яка допомагала пораненим в'язням холодногірського концтабору, про Т.І.Гаврик, чия санітарна сумка з червоним хрестом привертає увагу усіх відвідувачів музею, і багатьох інших.

Ми стисло розповіли про воєнні долі лише декількох жінок, а скільки їх пройшло через вогонь війни, а скільки залишилося на полях боїв! Низький уклін їм: і мертвим, і живим, — і вічна шана за все, що вони зробили для нас.

*Директор музею історії ХНМУ
заслужений робітник університету
Перцева Ж.М.*

ХАРЬКОВСКИЕ МЕДИКИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

При всем значении ракетных и атомных средств человек независимо от масштаба, характера и способа войны играл, играет и будет играть в ней главную роль.

Г.К. Жуков

Великая Отечественная война — небывалая в истории человечества по своим масштабам и ожесточенности, по человеческим жертвам и материальным разрушениям — стала еще примером патриотизма, мужества и самоотверженности народов в их борьбе за свободу и независимость своей Родины.

Перед войной в Харькове работало два медицинских института: первый медицинский и второй медицинский. В первые несколько дней войны в действующую армию было призвано 232 сотрудника и студента только 1-го ХМИ. В лечебно-санитарные учреждения Красной Армии ушли выпускные курсы; 150 слушателей военно-медицинского факультета 1-го ХМИ после 4-го курса были мобилизованы на фронт зауряд-врачами 3-го ранга (без дипломов). Одними из первых были призваны в армию профессора — хирурги И.И. Грищенко, В.И. Иост, Б.М. Хмельницкий.

На полях сражений, в подполье и в тылу сотрудники, студенты и выпускники Харьковских медицинских институтов оказывали медицинскую помощь раненым и больным, боролись с эпидемиями, выполняя свой профессиональный долг, показывая примеры героизма и глубокой преданности своему делу, своей стране. Война не щадила никого. Медики, как и все остальные, погибали на фронте, погибали в оккупированном Харькове, умирали на рабочем месте в глубоком тылу — в эвакуации. Но те, кто оставался живым, продолжали борьбу.

В годы войны существовало положение, по которому все ключевые позиции в управлении медицинской службой фронтов, армий занимали крупнейшие ученые-специалисты по основным разделам медицинских знаний. В рядах Красной Армии находились 4 академика, 22 заслуженных деятеля науки, 306 докторов и 1199 кандидатов медицинских наук, 275 профессоров, 558 доцентов. По утверждению Н.Н. Бурденко, ни одна армия в мире не имела в прошлом, да и во второй мировой войне такого количества ученых, работавших непосредственно на фронтах, как Советская Армия.

Харьковские медицинские институты внесли свой вклад в укрепление армии учеными специалистами. Заместителями главного хирурга Красной Армии в разное время были выпускник медицинского факультета Харьковского университета В.С. Левит и зав. кафедрой факультетской хирургии ХМИ В.Н. Шамов, главным токсикологом армии стал зав. кафедрой фармакологии А.И. Черкес. Зав. кафедрой военно-полевой хирургии военно-медицинского факультета 1-го ХМИ С.И. Банайтис с первых дней войны возглавил хирургическую службу Западного фронта. Главным эпидемиологом Военно-Морского флота был назначен выпускник нашего вуза А.Я. Алымов; терапевтической службой 28 армии Сталинградского, а затем 2-го Украинского фронта руководил Р.И. Шарлай, будущий директор ХМИ.

Как мы уже сказали, в первые дни войны на фронт был призван профессор Б.М. Хмельницкий, зав. кафедрой 1-го ХМИ и директор Харьковского института туберкулеза. По его инициативе на базе института был организован специализированный госпиталь, который стал лечебно-научным учреждением с легочным профилем для лечения раненых в грудную клетку и больных легочными заболеваниями, в том числе и туберкулезом. Он был развернут на 400 коек сначала в Харькове, а затем в эвакуации в Новосибирске. Госпиталь стал фтизиатрическим центром в Сибирском военном округе по организации борьбы с туберкулезом в Красной Армии. Все работы по этому вопросу были изданы в форме сборника-бюллетеня, в котором содержались инструктивно-методические материалы, весь тираж которого был разверстан Главным санитарным управлением армии и Наркомздравом СССР по всем госпиталям. «За успешную работу по восстановлению здоровья бойцов и командиров Красной Армии» Б.М.Хмельницкий был награжден Почетной грамотой Новосибирского областного Совета депутатов трудящихся, а также орденом Красной Звезды.

Заместителем главного хирурга Красной Армии стал бывший зав. кафедрой факультетской хирургии 1-го ХМИ профессор, генерал-лейтенант медицинской службы В.М.Шамов, который возглавил работу по организации нейрохирургической помощи и службы переливания крови. Занимаясь этими вопросами, Владимир Николаевич участвовал в разработке соответствующих инструкций, выступал на различных армейских и фронтовых конференциях, совещаниях с докладами, активно и много оперировал сам, учил показом, как правильно и в каком объеме нужно оказывать нейрохирургическую помощь на том или ином этапе медицинской эвакуации. В результате проведенной работы летальность раненых в череп с повреждением

костей в медичних учреждениях войскового и армейского районов значительно снизилась.

Еще в начале тридцатых годов прошлого века В.М.Шамов основал в Харькове первый в Украине институт гематологии и переливания крови. Сейчас он настойчиво налаживал работу всех звеньев службы переливания крови на фронте. Первая передвижная станция заготовки крови была организована в армии 2-го Прибалтийского фронта, главным хирургом которой стал ученик В.М.Шамова полковник медицинской службы профессор М.М.Милостанов, выпускник и преподаватель 1-го ХМИ. Во время войны раненым и больным было перелито 1700 т крови, что, безусловно, сыграло положительную роль в лечении пострадавших. Без сомнения, в том, что 72,3% раненых и больных возвращалось после лечения в госпиталях в строй, есть немалая заслуга и профессора В.Н.Шамова.

В первый день войны ушла на фронт выпускница 1-го ХМИ, будущий академик, Герой Украины, Л.Т.Малая. Она прошла путь от заместителя начальника сортировочных госпиталей до помощника лечебного отдела санитарного управления Харьковского военного округа. Любовь Трофимовна вспоминала впоследствии: «Мы принимали раненых, доставленных военно-санитарными поездами непосредственно из фронтовой полосы. Необходимо было как можно скорее разгрузить поезд, а это далеко не просто. Ведь существуют специальные правила погрузки и выгрузки раненых из вагонов, и они должны соблюдаться, невзирая на время проведения этих работ: ночью, днем, в дождь и снег, во время вражеского налета или в относительно спокойной обстановке.

Это первый этап работы. А затем сразу же раненых и больных, прибывших с передовой, надо было рассортировать по месту ранения, степени его тяжести и направить именно в тот госпиталь, который нужен. Приходилось быть не только терапевтом, но и невропатологом, хирургом и даже гинекологом. И все это при почти непрерывном поступлении раненых.

...Рядом со мной работал целый коллектив врачей, медсестер, сандружинниц.. Милые девочки-сандружинницы, им тогда было по 16–19 лет. Где только силы у них брались, таких маленьких и хрупких, переносить порой здоровенных парней! Но ведь это же были наши парни...

Нередко вокзал подвергался тяжелым фашистским бомбардировкам. Возникали пожары, гибли раненые и сотрудники госпиталя.

Один из таких случаев произошел 10 октября 1941 года. Вражеские мессершмидты налетели внезапно и накиннулись на поезд, как кор-

шуны. Одна из зажигательных бомб попала в последний вагон эшелона, и он загорелся. Оттуда слышались отчаянные крики, стоны. Что делать? Прежде всего нужно было отцепить загоревшийся вагон, ведь огонь может перекинуться на соседние, и тогда все погибло. Не буду рассказывать об этом сама, а приведу выдержку из наградного листа:

«Тов. МАЛАЯ, пренебрегая опасностью, с помощью дружинниц лично организовала вынос тяжелораненых из охваченного пламенем вагона через двери и окна, благодаря чему было спасено 17 человек тяжелораненых. Мобилизовав далее рабочих, произвела отцепку горящего вагона, чем предотвратила возгорание соседних вагонов с ранеными...»

«Когда я памятью возвращаюсь в тот день и вспоминаю все происшедшее, — рассказывала Любовь Трофимовна, — я до сих пор не могу понять, как нам удалось это сделать...»

В жестоких боях с фашистами рядом с теми, кому они оказывали помощь, погибали и военные медработники. Выполняя специальное задание командования в феврале 1943 г. под Харьковом погиб доцент кафедры эпидемиологии, известный в то время не только в Украине маляриолог П.К.Грицай. Он возглавлял санитарно-эпидемиологический отряд 40-й Армии 1-го Украинского фронта, ему было всего 42 года. Нет сомнений в том, что в лице П.К.Грицайа отечественная наука потеряла перспективного ученого.

Защищая раненых от гитлеровцев, которые прорвались из окружения и напали на медсанбат, погиб в феврале 1945 г. в Грюнвальде (ныне Польша) майор медицинской службы, выпускник военно-медицинского факультета 1-го ХМИ Д.Д.Арнольди. Об этом подвиге в ежедневной армейской газете «Красноармейская правда» писал военный корреспондент А.Твардовский.

Многие медики, чьи имена связаны с обоими Харьковскими медицинскими институтами, оказывали раненым воинам и мирным жителям медицинскую и моральную помощь на оккупированной территории, в партизанских отрядах, в концентрационных лагерях. Героические страницы в летописи борьбы медиков с фашистскими оккупантами в оккупированном Харькове принадлежат профессорам А.И.Мещанинову, Ю.Ю.Вороному, М.Н.Шевандину, В.П.Недохлебову, врачам В.Ф.Никитинской, И.Н.Рахманинову, К.А.Илиади, Э.Ф.Сербиновой и многим другим.

Осенью 1941 г. на подступах к Харькову шли тяжелые кровопролитные бои. 24 октября фашисты захватили город. В это время 9-ая холодногогорская больница, руководил которой профессор А.И.Мещанинов, была переполнена тяжело ранеными красноармейцами,

эвакуировать которых вовремя не удалось. Предвидя неминуемую расправу фашистов над оставшимися беспомощными ранеными, А.И.Мещанинов приказал на входных дверях сделать предупредительную надпись «Тиф», сжечь все воинское обмундирование, заново зарегистрировать солдат в больничных книгах как гражданских лиц. Так началась подпольная деятельность холодногорских медиков, поддержанная многими местными жителями, по лечению раненых в условиях оккупации. В дальнейшем А.И.Мещанинов предпринял меры по спасению раненых бойцов, находящихся в концлагере на Холодной горе, где в тяжелейших условиях томилось около 20 тыс. узников. Среди них свирепствовали сыпной и брюшной тиф, дизентерия и др. болезни. Ежедневно оттуда вывозили до 400 трупов.

А.И.Мещанинов не мог смириться с таким варварством. Вместе с дочерью Елизаветой, владеющей немецким языком, он отправился к начальнику концлагеря и от лица Красного Креста потребовал перевести наиболее тяжело раненных и больных в госпиталь, а остальных поддержать питанием, убеждая в опасности распространения тяжелых инфекционных болезней для самих оккупантов. Благодаря таким решительным действиям был создан лагерьный лазарет, старшим врачом которого был назначен бывший заключенный К.Седов, ставший первым помощником А.И.Мещанинова в деле спасения раненых, ведь выздоравливающие солдаты под разными предлогами в лагерь уже не возвращались.

Отдельной героической страницей этой эпопеи явилась борьба с голодом в больнице. В Харьковском историческом музее и сейчас стоит тачка, с которой в один из зимних дней 1941 г. Александр Иванович в белом халате поверх пальто отправился на холодногорский рынок с просьбой о помощи больным продуктами. Его хорошо знали в городе, люди клали в тачку овощи, крупу, делились последними крохами, а вскоре добровольные помощники уже собирали продукты в близлежащих селах, варили нехитрые супы из кукурузы, борщи из свеклы, пекли лепешки, выискивали в степи под городом мерзлые овощи, собирали одежду, стирали и чинили белье.

Отдельных тяжело раненых жители Холодной горы под видом родственников забирали домой, помогая после выздоровления уйти через линию фронта к своим. Врач Никитинская В.Ф. вспоминала о том, как летчику Устинову пришлось делать операцию на легком в домашних условиях. Погиб от рук фашистского офицера врач И.Н.Рахманинов, из отделения которого совершила побег группа выздоравливающих. Он позволил себе возразить фашисту, что его дело лечить, а не стеречь больных, и был тут же застрелен.

Вспоминая дни, проведенные в больнице А.И.Мещанинова, танкист Ф.Суворов, писал: «Перебирая в памяти все происшедшее, невольно думаешь: ведь все эти люди шли на большой риск ради нас, ради спасения наших жизней. А ведь у них у самих была только одна жизнь, да и та всегда подвергалась опасности. Да, мы могли быть уничтожены, и нашу участь могли разделить те, которые спасали нас вместе с профессором Мещаниновым».

Более 2 тысяч человек были спасены группой А.И.Мещанинова. После войны долгое время многие из них приезжали в Харьков, чтобы встретиться со своими спасителями. Профессор А.И.Мещанинов занесен в Израиле в список «Праведники мира», он награжден орденом Трудового Красного Знамени, имя его носит в Харькове больница скорой и неотложной медицинской помощи. Наград удостоились и многие из его помощников.

Среди харьковских медиков, оказывавших помощь населению города в тяжелые годы гитлеровской оккупации, нельзя не назвать врача-фтизиатра К.А.Илиади. Оставшись в Харькове с тяжело больными престарелыми родителями, она работала в тубдиспансере и с риском для жизни спасала молодых людей от угона в Германию, выдавая им фиктивные справки о наличии открытой формы туберкулеза. Для большей убедительности она делала мнимым больным пневмоторакс легких, писала справки на немецком языке, понимая, что оккупационные власти верят им больше. Таким образом она спасла от рабства в Германии десятки человек.

После освобождения Харькова от фашистов К.А.Илиади получала много писем от спасенных ею людей. Вот отрывок из письма В Павлова, которого она лечила после жестоких побоев в гестапо. В первый же день освобождения города он ушел на фронт. «Дозвольте від щирого серця подякувати Вам за любов і ласку. Адже це Ви і тільки Ви допомогли мені дожити до щасливих днів, коли я зміг повернутись в ряди нашої доблесної Червоної Армії. Коли б не Ви, я б давно згнів де-небудь в таборах Німеччини, а зараз я воюю за Батьківщину, за свій народ...». О подвиге К.А.Илиади в газете «Соціалістична Харківщина» в 1967 г. была напечатана статья «Память сердца». Ксения Александровна была награждена медалью «За отвагу».

Осенью 1945 года, когда вузы города готовились к эвакуации, отдельных преподавателей увольняли из институтов переводом в распоряжение городского отдела здравоохранения для оказания медицинской помощи больным и раненым среди мирного населения. Конечно, помощь оказывалась и раненым бойцам. Так остались в городе профессора-хирурги М.Н.Шевандин, В.П.Недохлебов и Ю.Ю.Во-

роной. Первые двое, арестованные гестапо в конце года, были расстреляны, судьба Юрия Юрьевича Вороного сложилась иначе. Ему почти два года пришлось пробыть в плену у фашистов, но перед этим, в начале 1942 г. в районной больнице Новой Водолаги с помощью врачей и медсестер сумел спасти от верной гибели более 70 раненых бойцов и офицеров 13-й гвардейской кавалерийской дивизии, осуществлявшей рейд по глубокому тылу противника.

История медицины не знала в прошлом организованной медицинской службы в партизанских отрядах. Такой опыт впервые был приобретен в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Одной из тех, кто организовывал эту службу в партизанском соединении С.А.Ковпака, была выпускница 2-го ХМИ Маевская Н.К.

В феврале 1941 г. Н.К.Маевская была командирована Наркомздравом УССР на шесть месяцев в с. Воргол Путивльского района Сумской области для организации сельского врачебного участка.

Когда началась война, Н.К.Маевской предложили эвакуироваться в тыл, но она отказалась. На уговоры родных ответила: «На войне и скальпель — острое оружие», не думая о том, что ее слова могут стать пророческими. Вскоре ей, терапевту по специальности, придется делать разные, иногда достаточно сложные операции, не имея под рукой необходимых хирургических инструментов, часто в условиях очень далеких от операционных. В октябре 1941 г. все партизанские отряды Сумской обл. были объединены в одно партизанское соединение под руководством С.А.Ковпака. Н.К.Маевской, единственному сначала врачу соединения, С.А.Ковпак поручил быть начальником медсанчасти. Так началась работа по созданию первой на Украине медико-санитарной службы в условиях партизанской борьбы.

Надежда Казимировна обладала хорошими организаторскими способностями. Вскоре в каждом батальоне была организована санчасть со своим начальником, в артиллерийском и кавалерийском дивизионах — фельдшерские пункты, в ротах и в отделениях — появились фельдшера и санинструкторы. Заработали аптека, амбулатория и даже подвижной «лесной госпиталь» с изолятором и инфекционным отделением. Все это хозяйство размещалось в лесу, в шалашах и палатках, а на маршах — на подводах, за своевременным предоставлением транспорта всегда строго следил С.А.Ковпак. Врачи сами создавали хирургические пилки-ножовки, «протезы» челюстей, медицинские инструменты, аппаратуру, например, самодельный аппарат для переливания крови врача Т.К.Гнидаш. Они находили заменители: мох вместо ваты, парашютный шелк вместо бинтов, из тола готовили противочесоточную мазь и т.п.

Авторитет Н.К.Маевской в отряде был непререкаем, ей верили, и она старалась везде успеть, во все вникнуть, вовремя предпринять те или иные меры, необходимые для улучшения медицинского обслуживания партизан. Под ее руководством, несмотря на частые переезды, персонал отрядов использовал краткосрочные остановки для оперирования, перевязок, ванн, массажей, измерения температуры, пропаривания белья в бочках и многого другого. Много лет спустя, Надежда Казимировна вспоминала о партизанских буднях: «Разве может врач вычеркнуть из памяти ампутации, сделанные обычной столярной пилой на крестьянском возу, или забыть перевязки на 30-градусном морозе, когда чужая кровь тут же застывала на твоих руках. Не забыть и ночи, проведенные в седле, когда подушкой служила шея моей Малютки...».

В декабре 1942 г. Н.К.Маевская тяжело заболела сыпным тифом, давшим осложнение на легкие, и в январе 1943 г. была эвакуирована самолетом на Большую землю в Московский партизанский госпиталь. В дороге ее сопровождала характеристика, подписанная командиром партизанского соединения С.А.Ковпаком и комиссаром С.В.Рудневым. В ней, в частности, есть такие слова: «В чрезвычайно тяжелых условиях, при отсутствии медикаментов и перевязочных средств, при условии непрерывного маневрирования отряда (за 1,5 года пройдено свыше 3 000 км. с боями), имея за это время более 500 раненых, только благодаря исключительной энергии со стороны тов. Маевской — 76% бойцов, командиров и политработников снова вошло в строй...». Характеристика заканчивается трогательным обращением «...Командование Групп Партизанских Отрядов Сумской обл. просит всемерного содействия в специальном лечении и восстановлении здоровья заслуженного врача п/о тов. Маевской Н.К.»

После войны Н.К. Маевская работала в госпитале, а с 1955 г.- в Киевском медицинском институте. Она написала книгу «Медицина служба в партизанских з'єднаннях України. 1941–1945 рр.», которую подарила ХМИ и всегда поддерживала связь с родным институтом.

Раненым в самом начале войны попал в плен слушатель военно-медицинского факультета при 1-м ХМИ Иосилевич А.М. В плену Иосилевич назвал себя именем своего школьного учителя украинского языка в Каховке Григорьевским Александром Ивановичем, иначе ему бы не избежать скорой и мучительной смерти. Потянулся целый ряд лагерей: Митава, Гогенштейн, Алленштейн, снова Гогенштейн, в карцере которого он пробыл 48 дней, Штутгоф и наконец Маутхаузен.

Концлагерь Маутхаузен, построенный фашистами в 1938 г. в живописнейшем месте в Альпах, был предназначен для врагов гитле-

ровского рейха. Первыми его узниками были оставшиеся в живых строители лагеря — австрийские коммунисты и политзаключенные. С началом второй мировой войны лагерь стал пополняться чехами, поляками, бельгийцами, голландцами, французами, югославами — всеми, кто боролся с фашистами, кто не склонил перед ними головы. Направляя сюда заключенных, гитлеровцы писали в их документах: «Возвращение нежелательно».

Маутхаузен представлял собой комплекс лагерей. В него входили т.н. верхний — рабочий лагерь с внутренней тюрьмой, газовыми камерами, крематорием, и нижний лагерь — лазарет, каменоломня, где производилась разработка гранитных скал, а также филиалы в восьми близлежащих городках. Одним из основных мест уничтожения узников служила каменоломня. В нее вела лестница из 186 ступеней, каждая из которых в буквальном смысле была полита потом, слезами и кровью замученных. Каждое утро вереницы истощенных оборванных людей спускались в каменоломню по лестнице, взваливали на себя тяжелые гранитные глыбы и, подгоняемые эсесовцами и надсмотрщиками, поднимались по ступенькам наверх. Часто под непосильной ношей человек падал, срывался вниз. Если узник оставался жив, на него обрушивался град ударов ногами, прикладами, дубинками, плетями, его заставляли подняться, взять камень и снова взбираться наверх. И лишь убедившись в том, что никакие побои не смогут поднять измученного носильщика, его пристреливали.

А. Иосилевич как врач попал в лагерь-лазарет. Он представлял собой несколько легких сборных бараков, окруженных рядами колючей проволоки под электрическим током. Единственным каменным строением в лазарете была умывальня. Строили лазарет позже всех остальных 3600 советских военнопленных, которые почти все погибли во время строительства за исключением нескольких десятков человек. Поэтому лагерь-лазарет узники называли еще русским лагерем. Бараки были темные и мрачные, между ними лежали горы трупов, которые не успевали убирать. В бараках грязь, теснота, зловоние. Каждый вмещал по 600–800 больных. На койках, которые были устроены в три яруса, лежало «валетом» по 2–3 человека.

В Маутхаузене А. Иосилевич провел более полутора лет. В лагере действовали подпольщики разных национальностей, Иосилевич стал организатором подполья в лазарете. Пусть не было лекарств, пусть лагерные условия не способствовали выздоровлению больных, но созданные подпольщиками-интернационалистами группы узнавали правдивую информацию о положении дел на фронте и доноси-

ли ее до заключенных, совместными усилиями с верхним лагерем добывали лишнюю пайку арестантской баланды и хлеба для наиболее истощенных, нашли возможность спасти узников от смерти в душегубках путем подмены личных нашивок, снятых с трупов. В начале 1945 г. они стали изготавливать из подручных материалов подобие гранат и готовиться к вооруженному отпору в случае поступления приказа о тотальном уничтожении всех заключенных.

К маю 1945 г. в лазарете скопилось около семи тысяч человек. Большинство из них были совершенно обессилены, но все, кто мог держать в руках оружие, были на счету и готовы к отпору. И когда 5 мая перед лагерем появился разведывательный советский танк, поднялось восстание. Была разоружена охрана, над лагерем взвились флаги разных стран, в том числе и советский.

После войны А. Иосилевич работал врачом-фтизиатром в Лозовой, долгое время поддерживал связь со своими друзьями-антифашистами из разных стран. В одном из писем, адресованных Александру Моисеевичу, поляк Казимир Русинек так охарактеризовал значение борьбы советских узников в концлагере: «Вы были для нас примером любви к родине и благороднейшего интернационализма, вы были для нас источником неиссякаемой веры в победу над гитлеризмом, в победу общечеловеческих идеалов».

А первый и второй Харьковский медицинские институты в военные годы продолжали работать с полной нагрузкой, готовя врачей. 21 июня они жили еще мирной жизнью. В этот день доцент А.З.Цейтлин защищал диссертацию на соискание степени доктора медицинских наук на тему: «Сосудистый шов — опыт его функционального обоснования теории магистрального кровообращения», студенты 3–4 курсов сдавали экзамены и мечтали об отдыхе, кто-то был уже в летних лагерях.

Война разрушила все. В Красную Армию шли по мобилизации и по зову сердца. Некоторые студенты 3-го курса, например, Москаленко Е.Г., Зикеева Н.С. и другие, тоже ушли на фронт. Студенты I–II курсов были направлены на полевые и оборонительные работы, а те, которые уже имели среднее медицинское образование, — в госпитали и клиники. В августе начали готовиться к эвакуации; в сентябре оба института двинулись на восток: 1-й — в г. Чкалов (ныне Оренбург), 2-й — в г. Фрунзе (ныне Бишкек). В девяти товарных вагонах, некоторые из которых были просто открытыми платформами, ценный груз 1-го ХМИ был отправлен на Урал. Туда же во второй половине октября постепенно прибыли преподаватели и 560 студентов. Груз 2-го ХМИ занимал 2,5 вагона, стоимость его составляла 1400 т руб.

На новом месте харьковчане не получили помещений, достаточных для размещения кафедр, приходилось искать пригодные для этого учреждения и занимать их «в порядке уплотнения». 2-й Харьковский медицинский институт вошел в состав Киргизского медицинского, где в то время было всего 2 курса (он был создан в 1939 г.), и срочно приступил к созданию 10 новых клинических кафедр. Сведения о пребывании 2-го ХМИ в Киргизии, к сожалению, очень ограничены, поэтому рассказ о Харьковской высшей медицинской школе во время войны базируется главным образом на истории 1-го ХМИ, который находился в Чкалове.

В связи с требованиями военного времени срок обучения в высших медицинских заведениях был сокращен до 3,5 лет, в первый год войны в институте остался только лечебный факультет. Но через год был восстановлен санитарно-гигиенический, что тоже было обусловлено обстоятельствами времени. За годы войны только 1-й ХМИ дал стране 1441 врача, и почти все они ушли на фронт. Ушли на фронт окончившие учебу в 1943 году сыновья профессоров Н.С.Бокариуса и И.Р.Брауде. Рафаил Ильич Брауде, ординатор инфекционного госпиталя, погиб в 1944 г.

Условия обучения были тяжелыми. Помещения переполнены, не хватало мебели, особенно стульев. Но самой большой бедой был холод. Постоянно не хватало топлива. В 1942 институт получил наряд всего на 50 т. угля и 30 куб. м. леса. Студенты, отправленные на заготовку дров, заработали еще 340 куб при общей потребности 1811 куб.

Учебные занятия начались с ноября 1941, вместе с ними началась и научно-исследовательская работа. Уже до конца этого года состоялось 6 защит диссертационных работ, из них одна — на соискание степени доктора медицинских наук. Всего за период Отечественной войны было подготовлено 11 докторов и 55 кандидатов наук. Научная работа посвящалась прежде всего темам военного времени. Вот некоторые из них: «Хронические гнойные плевриты после огнестрельных ранений и их лечение» (проф. С.Л.Минкин), «Клиника, профилактика и терапия раневого сепсиса» (проф. М.М.Левин), «Особенности язвенной болезни военного времени» (проф. В.М.Коган-Ясный) и другие. На базе госпиталя №4408 было создано военное отделение больницы терапевтической клиники на 120 коек; в госпитале №359 был организован филиал клиники глазных болезней, где проф. Н.Е.Браунштейн проводил специальные занятия по военным травмам глаз. Директор института проф. А.М.Гаспарян руководил специализированным урологическим госпиталем и в это время опубликовал работу «Новый принцип применения постоянного ка-

тетера при восстановлении поврежденной уретры». Профессор А.З. Цейтлин проводил показательные нейрохирургические операции для армейских хирургов. По поручению ОКО СССР проф. З.Д. Горкин вместе с представителями института им. Обуха (Москва) организовал проверку состояния медико-санитарного обслуживания оборонных предприятий в городах Чкалове, Орске и Медногорске. Были сделаны конкретные предложения по улучшению условий труда и повышению производительности.

Профессора М.М. Соловьев и И.Р. Брауде издали брошюры «Как предупредить заболевание сыпным и возвратным тифом», «Как уберечь себя от инфекционных заболеваний». Под руководством проф. А.М. Утевского (2-й ХМИ) в г. Фрунзе была создана витаминная лаборатория и первое в Средней Азии витаминное производство для нужд Красной Армии. Проф. Т.В. Асс выполнил для военной промышленности работу «Хромирование металла», заведующий кафедрой физики доцент А.Я. Усиков, в дальнейшем академик, лауреат Государственной премии Украины в области науки и техники, стал одним из разработчиков первого в мире трехкоординатного локатора, который позволял определять на расстоянии до 50 км. три координаты самолета: расстояние, направление его полета и место расположения в воздухе.

Преподаватели института оказывали большую помощь в повышении квалификации медработников г. Чкалова и области. На базе кафедры нормальной анатомии работали военно-медицинское училище и курсы медсестер. Функционировали 2 цикла курсов усовершенствования врачей: хирургов, фармацевтов и врачей-биохимиков.

Авторитет харьковских ученых был таким высоким, что распределительный эвакуационный пункт Южно-Уральского военного округа в феврале 1943 обратился с просьбой к институту взять шефство над лечебно-контрольной комиссией пункта, на которую возложен был контроль за постановкой лечебной работы в эвакуогоспиталях округа. Почетной грамотой Верховного Совета Киргизской ССР «за примерную постановку лечебной и профилактической работы среди трудящихся Киргизской ССР» награжден профессор Н.С. Харченко. За успехи в научной и лечебной деятельности во время войны отдельные профессора обоих медицинских институтов получили грамоты, благодарности и высокие звания заслуженных деятелей науки союзных республик, где они работали: Б.М. Фабрикант и А.М. Утевский — Киргизской ССР, С.Я. Шаферштейн — Таджикской ССР, В.С. Деркач — Украинской ССР.

Жизнь продолжалась, и студентам одновременно с обучением приходилось участвовать во многих мероприятиях. Весной 1942 ин-

ституту предоставили 5 га землі, на якій посадили картофель, а осінню студенти збрали 35 т урожаю. По станю на 13.10.1942 г. в совхозах и колхозах Чкаловской области и на лесозаготовках работало 622 преподавателя и студента. Студенты 2-го ХМИ работали на строительстве Большого Чуйского канала и на торфоразработках. Старшекурсники дежурили в палатах для тяжелораненых и больных. Студенты постоянно помогали разгружать санитарные поезда, расчищали железнодорожные пути от снега. Коллективом института было собрано в фонд обороны 105 тыс. руб. наличными, приобретено на сумму 469 тыс. руб. облигаций. В 1943 коллектив 1-го ХМИ получил поздравительную телеграмму от Верховного главнокомандующего: «Прошу передать профессорам, преподавателям, студентам и сотрудникам Первого Харьковского медицинского института, который собрал 100 000 р. на строительство танковой колонны «Советская Украина», мой братский привет и благодарность Красной Армии». За первое полугодие этого года институтом было отправлено на фронт 1000 подарков бойцам, выстирано 3 тыс. комплектов белья.

О жизни 1-го Харьковского медицинского института в эвакуации (г. Чкалов, Урал) вспоминала доцент кафедры анатомии Б.М. Смолкина, которая была в то время секретарем институтского комитета комсомола. «Вся комсомольская работа была подчинена одному: оказанию помощи фронту. Каждый старался принять посильное участие в разгроме фашистского зверя. После занятий мы часто ходили на расчистку железнодорожных путей от снега, помогали выносить раненых из санитарных поездов, работали в госпиталях. Студенты выступали с концертами перед ранеными бойцами, писали под диктовку письма их родным, помогали медперсоналу. У нас была группа из 30 человек, которая постоянно дежурила в палатах для тяжело-раненых. И каждый студент старшего курса считал за честь попасть в эту группу...

Конечно, молодость брала свое, и мы находили время и для отдыха, для веселья. Устраивали вечера и приглашали на них артистов эвакуированных театров, которые тоже находились в Чкалове. У нас в гостях побывали артисты Малого Ленинградского оперного театра Шапошников, Модестов и др. Несколько раз на встречу со студентами-медиками приезжал композитор В.Соловьев-Седой.

Помню курсовые вечера в студенческой столовой. Чтобы устроить угощение вечером, мы собирали талоны для питания за день. И не беда, что не поедим днем, зато вечером собираемся в столовой, и на столах нас ждет скромная еда военного времени, казавшаяся тогда необыкновенно вкусной.

Здесь устраивались литературные диспуты, викторины. Прекрасный вечер на тему: «100 вопросов по аллергии» подготовлен был под руководством проф. Д.Е. Альперна...».

В конце 1943 года Государственным управлением медицинских учебных заведений Наркомздрава СССР было принято решение о слиянии 2-х Харьковских медицинских институтов в один и реэвакуации его в Харьков. Возвращались в родной город летом 1944 г. Все, что можно было забрать из Чкалова, забрали, но были и человеческие потери. В эвакуации умерли профессора: зав. кафедрой детских болезней М.Н.Фришман и зав. кафедрой кожных и венерических болезней Л.А.Соболев, причем последний умер во время приема больных. Имущество 2-го ХМИ осталось в Киргизии, оно стало частью Киргизского медицинского института. Все с нетерпением ждали встречи с родным городом. Профессор Ю.О.Габель еще в 1942 г., обращаясь к Харьковцу, писал:

«Проклятый враг сейчас глумится над тобой.
Теряю я от мысли этой свой покой...
Мой город, дорогой, прекрасный,
Люблю тебя! как остро, страстно
Теперь свою лелею я мечту -
Я, как влюбленный, встречи нашей жду...»

Харьков встретил вернувшихся темными улицами, разрушенными учебными корпусами и общежитиями, уничтоженным оборудованием лабораторий. Студенты и преподаватели приняли активное участие в восстановлении разрушенного, в расчистке города, и одновременно продолжали двухсменные занятия.

ХМИ уверенно набирал ход к мирной жизни. Впереди были годы напряженной и плодотворной работы по подготовке медицинских работников.

Ратный труд военных медиков высоко оценил известный полководец Герой Советского Союза маршал И.Х.Баграмян, который сказал: «То, что сделано советской военной медициной в годы минувшей войны может быть названо подвигом. Для нас, ветеранов Великой Отечественной войны, образ военного медика останется олицетворением высокого гуманизма, мужества и самоотверженности».

Уходят в прошлое события, покидают нас люди — их свидетели и участники. Но каждое новое поколение молодых врачей, которое будет выходить из нашего университета, должно знать об этих героических страницах истории своей alma mater. Знать, чтобы помнить,

знать, чтобы гордиться, знать, чтобы так же, как и их предшественники, исполнять свой профессиональный долг.

*Ректор ХНМУ, проф. В.Н. Лесовой,
Директор музея истории ХНМУ
Ж.Н. Перцева // Universitates. 2015 г.*

ТВОРЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ КИРГИЗИИ

Вчера в зале заседаний Дома правительства собрались ученые нашей республики для того, чтобы обсудить вопрос о том, как успешнее перестроить научную работу в соответствии с приказом любимого Сталина.

Открывая конференцию научных работников, член Президиума республиканского Комитета наук, заведующая отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б) Киргизии тов. Нефедова с полным основанием говорила:

«Каждый советский ученый, прежде всего, пламенный патриот своей родины. Его сердце полно жгучей ненависти к фашистским захватчикам. Он горит желанием отдать все свои силы, всю свою энергию, а если понадобится и жизнь, для освобождения своей родины от фашистской нечисти для выполнения сталинского приказа о разгроме гитлеровцев в 1942 году».

С величайшим воодушевлением ученые избирают в почетный президиум конференции Политбюро ЦК ВКП(б), а также товарищей Дмитрова, Тимошенко, Буденного. При упоминании имени великого Сталина долго не прекращаются овации.

Слово получает для доклада председатель Комитета наук при Совнаркоме Киргизской ССР профессор П.В.Власенко. Тема его выступления — «Задачи научно-исследовательских учреждений Киргизии в 1942 году».

На военный лад, — говорит докладчик, — перестроили свою работу научно-исследовательские учреждения республики. Взять, к примеру, научно-исследовательский институт животноводства. Помощь его животноводческому хозяйству республики чрезвычайно значительна. Институт провел огромную племенную работу с прекосом и его метисами в овцеводстве, со швицкими и аулизатинским скотом, с ангорскими и придонскими козами, с крупными белыми свиньями и их метисами.

Вместе с тем докладчик указывает на ряд существенных недостатков в работе научно-исследовательских учреждений. Еще не все на-

учно-исследовательские учреждения работают на уровне требований военного времени. В некоторых институтах совершенно неудовлетворительно поставлено планирование научной работы. Так, например, сельскохозяйственный институт разработал на 1942 год такой план научно-исследовательской деятельности, что через 4 месяца его пришлось кардинально перерабатывать.

Общим недостатком в работе почти всех научных учреждений является слабое внедрение результатов научно-исследовательской деятельности в промышленное и сельскохозяйственное производство.

Докладчик излагает подробный план дальнейшего развития научной работы в республике.

После доклада развернулись оживленные прения. Их открывает член-корреспондент Академии Наук СССР Х.С. Коштыянец. Он выступает по поручению старейшего ученого советской страны академика Баха, передает от его имени привет научным работникам Киргизии и пожелание никогда не забывать о том, что советский ученый в долгу перед своим народом, перед своей родиной. Оплатить этот долг — значит беззаветно работать на благо своего народа, а, следовательно, сейчас работать, прежде всего, для фронта, для победы над врагом. Товарищ Коштыянец рассказывает подробно о большой работе, проделанной и прodelьваемой Академией наук СССР в помощь народному хозяйству Киргизии.

Директор сельхозинститута Н.В. Нечаев в своем выступлении подвергает критике работу Комитета наук. Доктор технических наук, профессор В.М. Келдеш говорит о роли науки в изыскании новых строительных материалов. С большой яркой речью о проблемах, связанных с производством витаминов, выступил член-корреспондент Украинской Академии наук А.М. Утевский. В прениях также приняли участие товарищи Токомбаев, — директор Киргизского научно-исследовательского института истории языка и литературы, Захарьев — зам. наркома земледелия, Выходцев — кандидат биологических наук и Эльберт — доктор медицинских наук.

Конференция послала приветственную телеграмму товарищу Сталину.

Конференцией приняты развернутые решения.

В работе конференции приняли участие руководители партии и правительства Киргизской республики.

Из газеты «Советская Киргизия» от 09.05.1942.

НОВЫЙ ЛЕЧЕБНЫЙ ПРЕПАРАТ

Фрунзенский фармацевтический завод Кираптекоуправления под руководством профессора Н.С. Харченко выпустил первую партию новой продукции — фолликулина. Этот органопрепарат является прекрасным лечебным средством при некоторых тяжелых гинекологических заболеваниях, а также ускоряет процессы заживания ран. До сих пор фолликулин в Средней Азии не вырабатывался.

Сейчас в цехе специальных препаратов фармацевтического завода осваивается производство овсяной витаминизированной муки для питания детей. Скоро завод начнет выпускать овсяную муку в большом количестве.

Из газеты «Советская Киргизия» №133 от 27.06.1943

ВОНИ НАБЛИЖАЛИ ПЕРЕМОГУ

Медичний факультет Харківського університету, а згодом і Харківський медичний інститут, став колицкою багатьох видатних вчених і лікарів. Дехто з них набував тут знань, а інші відточували професійну майстерність, одночасно передаючи її студентам.

Святкуючи у цьому році 55-річчя Перемоги у Великій Вітчизняній війні, готуючись до 200-річчя нашого університету, треба нагадати деякі з прізвищ, що були добре відомі на фронтах. Це люди, які в свій час навчалися у нашому вузі або працювали тут. Інформацію про них знаходимо у літературі, архівних документах, деякі з них збереглися і в нашому музеї історії.

Під час війни заступником головного хірурга Радянської Армії був Володимир Семенович Левіт, який ще у 1906 році закінчив медичний факультет Харківського університету. Коли почалася війна, він був уже відомий вчений-хірург, заслужений діяч науки, генерал-майор медичної служби. З початку бойових дій він організовував і налаштовував поетапне лікування поранених у медсанбатах, армійських і фронтових шпиталях. Ним вперше запропонований метод активної обробки саме кістки при її вогнепальному пошкодженні.

Другим заступником головного хірурга Радянської Армії був заслужений діяч науки, професор, генерал-лейтенант медичної служби Шамов Володимир Миколайович, який очолив роботу з організації нейрохірургічної допомоги та служби переливання крові. В 1923–1939 роках він був завідувачем кафедри факультетської хірургії 1-го ХМІ, директором створеного ним інституту переливання крові та невідкладної хірургії.

Велику увагу приділяв В.М.Шамов вдосконаленню спеціалізованої медичної допомоги, використуванню крові у воєнно-польових умовах.

До речі, перша пересувна станція заготівлі крові була організована в армії Другого Прибалтійського фронту, де головним хірургом служив полковник медичної служби, професор М.М.Мілостанов, теж наш випускник і колишній викладач.

В 1940–1941 уч.р. кафедрою воєнно-польової хірургії воєнфаку 1-го ХМІ керував Станіслав Йосипович Банайтіс. З перших днів війни він став на чолі хірургічної служби найбільш небезпечного Західного фронту. Станіслав Йосипович показав себе видатним організатором хірургічної допомоги пораненим. У 1942 році вийшла його праця «Короткий курс воєнно-польової хірургії» у співавторстві з П.О.Купріяновим. З цього питання були видані ще 4 посібника для фронтових лікарів-хірургів.

Головним хірургом ВМФ став Юстин Юліанович Джанелідзе, видатний вчений, дійсний член АМН СРСР. Він ще на початку ХХ століття набував медичну освіту у нашому університеті, але не закінчив його, бо у 1905 році був виключений за участь у революційних студентських виступах. Ю.Ю.Джанелідзе — автор багатьох робіт з найважливіших проблем воєнної та невідкладної хірургії. Зокрема, він запропонував засіб лікування аневризми великих судин.

Головним епідеміологом ВМФ було призначено випускника нашого вузу 1922 року Алімова Андрія Яковича, визначного радянського епідеміолога, мікробіолога та імунолога.

Терапевтичною службою 28 армії Сталінградського, а згодом 2-го Українського фронтів керував Шарлай Роман Іванович, вихованець і майбутній директор Харківського медичного інституту.

Дякуючи самовідданій праці всіх медиків на фронтах і в тилу, а також, без сумніву, і тим людям, про яких йдеться у цій статті, їх організаційним здібностям, процент повернення на фронт після поранень у нашій армії був дуже високим. За офіційними даними він складав до 73 відсотків, що сприймалося європейськими представниками як чудо в області медицини.

Ми згадали ці прізвища, щоб ще раз подякувати тим, хто наближав Перемогу у Вітчизняній війні, і відчути гордість за те, що в долях цих людей помітний слід залишив наш рідний університет, наша alma mater.

Газета «Медичний університет». Жовтень 2000 р.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА №14

14 апреля 1944 г. г. Чкалов

В течение 2-х с половиной лет работы в г. Чкалове 1-го Харьковско-го медицинского института профессора и преподавательский состав принимали активное участие в деле лечения раненых в эвакуогоспиталях ЮжУрВО.

Благодаря участию профессоров и преподавателей в работе госпиталей, раненые были обеспечены квалифицированной медицинской помощью, срочными консультациями как в г. Чкалове, так и в госпиталях на периферии, специализированные госпитали и ортделения были обеспечены высококвалифицированными специалистами (нейрохирургия, восстановительная хирургия, клиника уха, горла и носа, глазная клиника и т. д.)

Профессорский состав обеспечил в госпиталях руководство научно-исследовательской работой и провел большую работу по подготовке кадров врачей и среднего медперсонала. Значительную помощь госпиталям в деле улучшения методов лечения Медицинский институт оказал своей научно-исследовательской работой, в основном посвященной проблеме военного травматизма.

Директор 1-го Харьковского медицинского института профессор А.М.Гаспарян возглавил и организовал участие профессоров и преподавателей в работе госпиталей и лично работал ведущим специалистом в лечении урологических раненых.

Отмечая значительную оборонную работу 1-го Харьковского медицинского института, проведенную в госпиталях ЮжУрВО, Военный совет — постановляет:

ОБЪЯВИТЬ БЛАГОДАРНОСТЬ:

Директору 1-го ХМИ профессору Гаспарян А.М.

профессору Черникову Е.А.

профессору Штейнберг С.Я.

профессору Фольборт Ю.В.

профессору Федоровскому А.Н.

профессору Фаерман И.М.

профессору Синельникову С.Н.

профессору Цукерман М.А.

профессору Браунштейн Н.Е.

профессору Литвак Л.Б.

доценту Цитрицкому Е.Р.

НАГРАДИТЬ ГРАМОТАМИ ВОЕННОГО СОВЕТА:
Директора 1-го ХМИ профессора Гаспарян А.М.
профессора Брауде И.Р.
профессора Соловьева М.Н.
профессора Цейтлина А.З.
профессора Минкина С.Л.
профессора Струкова А.И.
профессора Каневского Г.Л.

*Командующий войсками ЮжУрВО Член Военного совета
Генерал-полковник (Рейтер)полковник (Чекаловский)*

БУДЕМ ПОМНИТЬ!

60 лет тому назад, 22 июня 1941 года, прогремели первые залпы Великой Отечественной войны, рассыпались в прах первые разрушенные здания, упали мёртвыми первые из 20 миллионов погибших в ту войну.

На борьбу за свободу и независимость Родины против сильного и уверенного в себе врага поднялись и стар, и млад. «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой», - звучало из всех репродукторов и находило отклик в каждом сердце.

До сих пор мы ищем имена тех, кто погиб, кто не вернулся с кровавых полей войны, памятуя о том, что «никто не забыт, ничто не забыто». Продолжается этот поиск и в нашем университете. Недавно нам стало известно имя ещё одного выпускника ХМИ, погибшего в годы Великой Отечественной войны. Его с полным правом можно отнести к поколению тех, о ком поэт Н.Майоров, убитый в 1942 г. под г.Смоленском, сказал как «о людях, что ушли не долюбив, не докурив последней папиросы...». Это Рафаил Ильич Брауде, сын известного инфекциониста, в прошлом заведующего кафедрой инфекционных болезней ХМИ, профессора И.Р.Брауде.

Младший из двух сыновей профессора не задумывался над тем, кем он хочет стать. Пример отца, преданного своей профессии врача, прекрасного пропагандиста медицинских знаний, удивительно доброго и чуткого в отношении к больным человека, сыграл свою роль и в семье: оба сына Ильи Рафаиловича Брауде закончили в своё время 1-ый ХМИ. Старший сын к началу войны уже работал, о младшем мы неоднократно встречали упоминания в многотиражной институтской газете довоенных лет «За радянського лікаря» как

об очень способном, активном, подающем большие надежды студенте.

Рафаил Ильич окончил институт в г. Чкалове, в эвакуации, летом 1942 г., получив диплом с отличием, и сразу же ушёл на фронт. Из материалов семейного архива мы узнали, что Р.И.Брауде был участником Сталинградской битвы почти с самого её начала (сентябрь 1942 г.) и до конца (февраль 1943 г.). Здесь он работал вначале в одном из санэпидотрядов Донского фронта, затем в инфекционном госпитале. Со слов родных знаем, что Рафаил Ильич приезжал в краткосрочный отпуск, а по возвращении на фронт погиб. О том, где и когда это случилось, документов, к сожалению не сохранилось.

Семья тяжело перенесла обрушившееся на неё горе, и, может быть, щадя мать, в семейных разговорах редко упоминалось имя младшего сына, унесшего с собой надежды, ожидания и мечты о будущем.

Профессор И.Р.Брауде ушёл из жизни в 1958 году, и, когда создавался институтский музей и собирались сведения о погибших сотрудниках, никто не назвал имени его сына, ибо сам Илья Рафаилович, из присущей ему скромности, редко с кем говорил о семейной трагедии.

Теперь мы знаем имя ещё одного погибшего нашего выпускника, врача, который, несомненно, с честью бы продолжил дело отца. С довоенной фотографии смотрит на нас молодой человек с открытым и добрым лицом. Это Брауде Рафаил Ильич. Запомните это имя. Он один из тех, кто положил свою жизнь за нас с вами на алтарь Великой Победы!

Ж.М.Перцева

Газета «Медичний університет». Червень 2001 р.

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ХАРЬКОВСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА

В истории Харьковского медицинского института важное место занимает деятельность военно-медицинского факультета, с которым была непосредственно связана работа всех кафедр ХМИ на этапе додипломной подготовки врачей.

Как самостоятельное подразделение военно-медицинский факультет при ХМИ был организован в апреле 1939 г. на основе специального постановления Правительства СССР №148/15с от 1 февраля 1939 г. Создание ВМФ при 1-м ХМИ, как и других аналогичных факультетов в стране, отражало обусловленную обстоятельствами того времени

необходимость подготовки и усовершенствования кадров военных врачей для армии и военно-морского флота. В соответствии с этим постановлением был определен ряд важных организационных положений, обеспечивавших успешную работу факультета в дальнейшем:

- комплектование военно-медицинского факультета 1-го ХМИ должно осуществляться за счет студентов гражданских медвузов;
- обеспечение основными учебными, лабораторными, клиническими базами и классными помещениями должно производиться за счет 1-го ХМИ.

С момента организации военно-медицинские факультеты решали задачи, связанные с подготовкой военных врачей для войсковых частей, учреждений и заведений армии и флота. Для этого они формировались в составе 4-х и 5-х курсов слушателей по 150 человек на каждом курсе, причем комплектование должно было идти преимущественно за счет студентов-мужчин.

На протяжении всего периода деятельности военно-медицинского факультета при ХМИ его начальниками были: Великий Андрей Алексеевич, военврач 1 ранга (1939–1940 гг.), Семек Сергей Александрович, генерал-майор м.с. (1940–1941 гг.), Макаров Владимир Николаевич, полковник м.с. (1950–1956 гг.).

Для обеспечения специальной профильной подготовки военных врачей в рамках единого учебного плана 1-го ХМИ были созданы следующие кафедры: кафедра военных и военно-санитарных дисциплин, кафедра военно-полевой хирургии со стоматологией и военно-полевой рентгенологией, кафедра военной гигиены, эпидемиологии с дезинфекцией и паразитологией, кафедра санитарно-химической защиты с патологией и терапией отравляющих веществ. Укомплектование кафедр основным профессорско-преподавательским составом и оборудование их наиболее важным учебным имуществом было в основном завершено к 07.02.1940 г.

Среди преподавателей факультета необходимо отметить военврача 1 ранга С.А. Семеку, в дальнейшем начальника Военно-медицинского (санитарного) отдела 1-го Украинского фронта. В послевоенное время он возглавил военно-медицинский факультет Центрального института усовершенствования врачей в Москве. Начальник кафедры военно-полевой хирургии военврач 1 ранга С.И. Банайтис в начале войны стал главным хирургом наиболее сложного в то время фронта — Западного. В 1942 г. он в соавторстве с П.А. Куприяновым выпустил «Курс военно-полевой хирургии». Кафедрой санитарно-химической защиты, клиники и терапии отравляющих веществ руководил военврач 1 ранга профессор Б.И. Предтеченский, кафедрой военных

и военно-санитарных дисциплин — бригадврач, генерал-майор м.с. Н.М. Невский, ставший после войны начальником главного госпиталя Советской Армии им. Н.Н. Бурденко в Москве.

По свидетельству слушателя военфака выпуска 1941 г. М.А. Марченко, подполковника м.с., заслуженного врача Таджикской ССР, эти преподаватели привили им «любовь к военному делу, организации и тактике медицинской службы. Многие их выкладки и переданный опыт пригодились на войне».

Учебный план военно-медицинского факультета по основным медицинским дисциплинам соответствовал учебным планам лечебных факультетов гражданских медвузов. Было лишь увеличено количество учебных часов по общей и санитарной тактике, военной гигиене, санитарно-химической защите и военно-полевой хирургии за счет известного сокращения учебных часов по акушерству и гинекологии, детским болезням и исключения таких дисциплин, как гигиена труда, профессиональная гигиена и т.п.

Весь исторический период становления и деятельности военно-медицинского факультета при ХМИ охватывает два этапа. Первый — от момента организации его в 1939 г. и до 15 августа 1941 г. (до оккупации Харькова в период Великой Отечественной войны), когда в октябре 1941 г. факультет был эвакуирован из Харькова в Саратов. Второй — охватывает послевоенный период работы факультета в 1950–1956 годы.

Отбор слушателей производился непосредственно военно-медицинским факультетом за счет студентов медицинских вузов, успешно окончивших три курса медицинского института и отвечавших требованиям к лицам, поступающим в высшие военно-учебные заведения. При этом студенты, принятые на военный факультет, зачислялись на действительную военную службу.

В 1939–40 уч. году зачисление слушателей на военно-медицинский факультет проводилось после 3-го курса из числа студентов 1-го и 2-го Харьковских, а также Днепропетровского и Одесского институтов. В период 1950–1956 гг. состав слушателей факультета комплектовался после 4-го курса медицинских институтов всего СССР, в том числе и ХМИ. Подготовка врачей проводилась в течение 2-х лет как на специальных военных кафедрах, так и на клинических кафедрах ХМИ

Ускоренные выпуски 1-й (приема 1939 г.) составил 151 человек, выпуск 2-й — 141 человек, выпуск 3-й (приема 1940 г.) — 151 человек, в том числе 13 женщин. Все три выпуска (06.02.1940; 31.07.1941; 15.08.1941.) были направлены в армию зауряд-врачами III ранга.

Последнему выпуску предшествовал выход в Чугуевские летние лагеря. К их расположению курс совершил двухдневный марш пешей колонной при полной выкладке, положенной красноармейцу в походе. На малых и больших привалах слушателей обучали соблюдению питьевого режима, рациональному использованию сухого красноармейского пайка, приготовлению пищи в полевых условиях в солдатских котелках.

В течение месяца проводились занятия на местности, отрабатывались навыки оказания первой медицинской помощи раненым и выноса условно раненных с поля боя. Учились разворачиванию на местности батальонного и полкового медицинских пунктов, выполнению нормативов по разворачиванию и свертыванию этапов медицинской эвакуации в кратчайшие сроки. Кроме этого, велись занятия по ориентированию по компасу на пересеченной местности, проведению санэпидразведки населенных пунктов с целью недопущения заноса инфекционных заболеваний в войска. По свидетельству современников, полевые медицинские учения и приобретенный в летних лагерях опыт очень пригодились в условиях настоящей и боевой обстановки на полях сражений Великой Отечественной войны. Характеризуя деятельность военно-медицинского факультета при ХМИ, следует отметить, что на всех кафедрах факультета проводилась разнообразная организационно-методическая, учебно-воспитательная и научно-исследовательская работа, касающаяся прежде всего актуальных вопросов повышения качества специальной подготовки кадров военных врачей, а также решения приоритетных проблем медицинской науки и практики в условиях мирного и военного времени.

Большое внимание, в частности, уделялось участию слушателей ВМФ в научных исследованиях специальных кафедр. Тематика научно-исследовательской работы слушателей носила целенаправленный характер и охватывала широкий круг проблем прежде всего военной медицины, что способствовало углублению специальной военно-врачебной подготовки будущих специалистов. В 1954 г. вышел в свет сборник научных работ слушателей (отв. редактор В.А.Макаров), в который вошли статьи слушателей 5-х и 6-х курсов по различным проблемам военно-полевой хирургии, военной гигиены и эпидемиологии, военной токсикологии, организации системы медицинского обеспечения войск и др.

Столь же активно развивалась научно-исследовательская работа преподавателей специальных кафедр ВМФ, которая осуществлялась на основе постоянного широкого творческого взаимодействия с различными кафедрами ХМИ, что придавало исследованиям необ-

ходимую комплексность и научно- практическую значимость, существенно обогащая весь процесс подготовки военных врачей.

За время деятельности ВМФ при Харьковском медицинском институте вышли в свет 8 выпусков сборников научных трудов факультета.

Таким образом, деятельность военно-медицинского факультета — важная часть 200-летней истории ХМИ. Она отличалась широкой разносторонностью, охватывая все направления учебно-воспитательной работы коллектива факультета в деле успешной подготовки военных врачей.

Выпускники ВМФ Харьковского медицинского института прошли сложный жизненный путь, включая трудные дороги войны, на которых многие из них, самоотверженно выполняя свой профессиональный и патриотический долг, отдали свою жизнь во имя победы. Памятник на территории Харьковского государственного медицинского университета в граните запечатлел благодарное отношение потомков к подвигу всех выпускников ХМИ, погибших в Великую Отечественную войну. Память о них будет жить вечно в наших сердцах!

*Д.м.н., профессор, бывший зав. кафедрой
общей гигиены М.П. Воронцов. 2005 г.*

ПОБЕДИЛИ СМЕРТЬ

В этом очерке мы расскажем о выпускнике военно-медицинского факультета 1-го Харьковского медицинского института 1940 г. Александре Иосилевиче. Перед началом войны часть, в которой он служил, дислоцировалась в районе г. Риги. В одном из первых боев остатки его батальона попали в окружение, выходили из которого, кто как мог. После шести суток блуждания по лесу из группы солдат в живых остался только А. Иосилевич, который в бессознательном состоянии был взят в плен.

Потянулся целый ряд лагерей: Митава, Гогенштейн, Алленштейн, снова Гогенштейн, в карцере которого он пробыл 48 дней, Штутгоф и наконец Маутхаузен. В плену Иосилевич назвал себя именем своего учителя украинского языка в Каховке Григорьевским Александром Ивановичем, иначе ему бы не избежать скорой и мучительной смерти.

Концлагерь Маутхаузен, построенный фашистами в 1938 г. в живописнейшем месте в Альпах, был предназначен для врагов гитлеровского рейха. Первыми его узниками были оставшиеся в живых

строители лагеря — австрийские коммунисты и политзаключенные. С началом второй мировой войны лагерь стал пополняться чехами, поляками, бельгийцами, голландцами, французами, югославами — всеми, кто боролся с фашизмом, кто не склонил перед ними головы. Направляя сюда заключенных, гитлеровцы писали в их документах: «Возвращение нежелательно».

Маутхаузен представлял собой комплекс лагерей. В него входили т.н. верхний — рабочий лагерь с внутренней тюрьмой, газовыми камерами, крематорием, нижний лагерь — лазарет, каменоломня, где производилась разработка гранитных скал, а также филиалы в восьми близлежащих городках. Одним из основных мест уничтожения узников служила каменоломня. В нее вела лестница из 186 ступеней, каждая из которых в буквальном смысле была полита потом, слезами и кровью замученных. Каждое утро вереницы истощенных оборванных людей спускались в каменоломню по лестнице, взваливали на себя тяжелые гранитные глыбы и, подгоняемые эсесовцами и надсмотрщиками, поднимались по ступенькам вверх. Часто под непосильной ношей человек падал, срывался вниз. Если узник оставался жив, на него обрушивался град ударов ногами, прикладами, дубинками, плетями, его заставляли подняться, взять камень и снова взбираться вверх. И лишь убедившись в том, что никакие побои не смогут поднять измученного носильщика, его пристреливали.

А. Иосилевич как врач попал в лагерь-лазарет. Он представлял собой несколько легких сборных барачков, окруженных рядами колючей проволоки под электрическим током. Единственным каменным строением в лазарете была умывальня. Строили лазарет позже всех остальных 3600 советских военнопленных, которые почти все погибли во время строительства за исключением нескольких десятков человек. Поэтому лагерь-лазарет узники называли еще русским лагерем. Бараки были темные и мрачные, между ними лежали горы трупов, которые не успевали убирать. В бараках грязь, теснота, зловоние. Каждый вмещал по 600–800 больных. На койках, которые были устроены в три яруса, лежало «валетом» по 2–3 человека. Тут же словно тени слонялись привыкшие ко всему больные. Это были изможденные люди, полутрупы, с посеревшими лицами, с замершим, отсутствующим взглядом.

В Маутхаузене А. Иосилевич провел более полутора лет. Все время, проведенное в разных лагерях, он ждал, что станет известна его настоящая национальность и приготовил на этот случай яд. Вместе с тем он продолжал жить, бороться не только за свою жизнь, но и помогать другим узникам верить в освобождение, в победу сил сопро-

тивлення над фашизмом. В лагері діяли підпольщики різних національностей, Йосилевич став організатором підполья в лазареті. Навряд чи було ліків, навряд чи умови в таборі сприяли одужанню хворих, але створені підпольщиками-інтернаціоналістами групи знали правдиву інформацію про ситуацію на фронті і доносили її до ув'язнених, спільними зусиллями з вищим табором отримували додаткову порцію арештантської каші і хліба для найбільш виснажених, знайшли можливість рятувати ув'язнених від смерті в душегубках шляхом заміни особистих нашивок, знятих з трунов. В початку 1945 р. вони почали виготовляти з місцевих матеріалів імітацію гранат і готувалися до озброєного опору в разі надходження наказу про повне знищення всіх ув'язнених.

Іноді серед новоприбулих Йосилевич зустрічав тих, кого знав з попередніх таборів. Ці люди ставали його помічниками, товаришами в боротьбі. В травні 1945 р. в лазареті накопичилося близько семи тисяч осіб. Більшість з них були повністю вичерпані, але всі, хто міг тримати в руках зброю, були на рахунок і готові до опору. І коли 5 травня перед табором з'явився розвідувальний радянський танк, почалося повстання. Було роззброєно охорону, над табором вилетіли прапори різних країн, серед них і радянський. 7 травня в табір увійшла регулярна частина американської армії. Було зроблено спроба розпустити міжнародний комітет, але ув'язнені не дали американцям можливості виконати їх наміри. Через кілька днів в табір приїхав представник Радянського Союзу 46-ї армії. Всі, хто міг тримати в руках зброю, пішли в розпорядження Радянської Армії. А. Йосилевичу і групі лікарів доручено було евакуювати хворих в стаціонарні госпітальєри. В серпні 1945 р. в Австрії він зустрів ще одного слухача військово-медичного факультету ХМУ М.А.Марченко, який в той час працював начальником санітарної служби дивізії, і пішов на службу до нього. Після війни А. Йосилевич працював лікарем-фтизіатром в Харкові, довгий час підтримував зв'язок з своїми друзями-антифашистами з різних країн. В одному з листів поляк Казимир Русинек так охарактеризував значення боротьби радянських ув'язнених в концтаборі: «Ви були для нас прикладом любові до батьківщини і благороднішого інтернаціоналізму, ви були для нас джерелом невичерпної віри в перемогу над гітлеризмом, в перемогу загальнолюдських ідеалів».

*Директор Образцового музею історії ХНМУ Ж.Н.Перцева.
Газета «Слово ветерана». 2012 г.*

ПАРТИЗАНСКИЙ ВРАЧ Н.К. МАЕВСКАЯ

Более 70-ти лет тому назад 22 июня 1941 г. в 4 часа утра фашистская Германия без объявления войны вероломно напала на нашу Родину. На огромном пространстве от Баренцева до Черного моря фашисты нанесли внезапный удар небывалой силы. Тысячи орудий и минометов одновременно открыли ураганный огонь по нашим пограничным заставам, районам расположения войск, штабам, узлам связи и оборонительным сооружениям. Одновременно сотни фашистских самолетов обрушили свой смертоносный груз по всей западной пограничной полосе до 400 км. в глубь страны. Враг бросил против нас 190 дивизий, 5 млн. солдат и офицеров, более 3-х тысяч танков, 4500 самолетов.

Весь народ поднялся на защиту свободы и независимости страны. И в первых рядах ее защитников были, конечно, медики — люди самой гуманной профессии. Среди них было много женщин. Статистика свидетельствует, что на фронтах воевало более 800 тысяч женщин: летчиц, радисток, разведчиц, снайперов и др. Однако больше всего женщин было среди медиков. Достаточно сказать, что только в составе военных хирургов женщин было до 43 процентов. Об их действиях на фронте остались многие документальные материалы, значительно меньше сохранилось сведений о женщинах-партизанках, тем более о медиках-партизанках. Об одной из них, выпускнице 2-го Харьковского медицинского института 1940 г. Маевской Надежде Казимировне, чья военная судьба была тесно связана с легендарным партизанским соединением под руководством дважды Героя Советского Союза С.А.Ковпака, мы и хотим рассказать.

История медицины не знает в прошлом организованной медицинской службы в партизанских отрядах и предоставления квалифицированной помощи раненым и больным партизанам. Такой опыт впервые был приобретен в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Н.К.Маевская — одна из тех, кто организовывал эту службу в партизанском соединении С.А.Ковпака.

Родилась Н.К.Маевская 29 октября 1913 г. в с. Петропавловке Павлоградского района Днепропетровской области в учительской семье. В 1929 г., закончив семилетку, она поступила в Днепропетровский медицинский техникум, после окончания которого в 1932 г. три года работала фельдшером в г. Павлограде. Однако останавливаться на достигнутом Дина, так называли ее родные и друзья, не собиралась и в 1935 г. поступила на лечебный факультет 2-го Харьковского медицинского института. Студенческие годы были наполнены не только

заботой о приобретении профессиональных знаний, но и занятиями в спортивных секциях, среди которых любимыми были школа верховой езды и кружок ворошиловских стрелков, выполнением многочисленных комсомольских поручений. Друзья Дины по-хорошему завидовали ее кипучей энергии, молодому задору, настойчивости в достижении поставленной цели.

После окончания учебы решением Государственной комиссии она была оставлена работать в институте, назначена заведующей врачебным кабинетом при кафедре физкультуры и одновременно работала клиническим ординатором терапевтической клиники проф. В.М.Когана-Ясного. В феврале 1941 г. Н.К.Маевская была командирована Наркомздравом УССР на шесть месяцев в с. Воргол Путивльского района Сумской области для организации сельского врачебного участка. Молодой и энергичный врач, она быстро завоевала доверие колхозников, рос ее авторитет среди больных, с ее помощью была открыта новая амбулатория. С удовольствием выполняла она комсомольское поручение — занималась спортивной подготовкой сельской молодежи. «Физкультура и спорт, - говорила она, - это не только залог крепкого здоровья, но и надежные союзники в борьбе с трудностями в суровых боевых походах». Однако больше всего агитировали за спорт ее лихая езда на лошади, умение хорошо плавать и метко стрелять.

Война прервала мирную жизнь Воргола, как и всей страны. Теперь, кроме больных односельчан, она оказывала медицинскую помощь и раненым красноармейцам, прибывавшим в амбулаторию с переднего края фронта. Приходилось ей бывать и в соседних селах, уже занятых фашистами, чтобы помочь раненым, оказавшимся в окружении. Н.К.Маевской предложили эвакуироваться в тыл, но она отказалась, узнав о том, что сельские коммунисты во главе с председателем колхоза «Вольный край» С.Ф.Кириленко объединяются в партизанскую группу. На уговоры родных ответила: «На войне и скальпель — острое оружие», не думая о том, что ее слова могут стать пророческими. Вскоре ей, терапевту по специальности, придется делать разные, иногда достаточно сложные операции, не имея под рукой необходимых хирургических инструментов, часто в условиях очень далеких от операционных. Так Надежда Казимировна стала партизанкой. В октябре 1941 г. все партизанские отряды Сумской обл. были объединены в одно партизанское соединение под руководством С.А.Ковпака. Н.К.Маевской, единственному сначала врачу соединения, С.А.Ковпак поручил быть начальником медсанчасти. Так началась работа по созданию первой на Украине медико-санитарной службы в условиях партизанской борьбы.

Н.К.Маевская обладала хорошими организаторскими способностями. Вначале не хватало кадров, медикаментов, транспорта. На первых порах раненых размещали в домах колхозников, крестьяне кормили их, ухаживали, рискуя собственной жизнью. Стали появляться врачи: кто-то бежал из плена, кто-то попадал в отряд, выходя из окружения. Не хватало младшего медицинского персонала, и Ковпак разрешил ей отобрать наиболее крепких, ловких и сильных девушек-партизанок для подготовки медицинских и операционных медсестер, а санинструкторов и санитаров готовили из бойцов-партизан. Вскоре в каждом батальоне была организована санчасть со своим начальником, в артиллерийском и кавалерийском дивизионах — фельдшерские пункты, в ротах и в отделениях — появились фельдшера и санинструкторы. Появилась аптека, амбулатория и даже подвижный «лесной госпиталь» с изолятором и инфекционным отделением. Все это хозяйство размещалось в лесу, в шалашах и палатках, а на маршах — на подводах, за своевременным предоставлением транспорта всегда строго следил С.А.Ковпак. Врачи сами создавали хирургические пилки-ножовки, «протезы» челюстей, медицинские инструменты, аппаратуру, например, самодельный аппарат для переливания крови врача Т.К.Гнидаш. Они находили заменители: мох вместо ваты, парашютный шелк вместо бинтов, противочесоточную мазь готовили из тола и т.п. Уже в октябре 1942 г первая партия раненых из соединения С.А.Ковпака была отправлена самолетом на Большую землю. Стало возможным проведение научно-практических медицинских конференций, темами которых, в частности, были такие: «Об использовании мха при лечении гнойных ран в партизанских условиях», «Авитаминозы, лечение и профилактика» и др.

Авторитет Н.К.Маевской в отряде был непререкаем, ей верили, и она старалась везде успеть на своей лошади Малютке, во все вникнуть, вовремя предпринять те или иные меры, необходимые для улучшения медицинского обслуживания партизан. Под ее руководством, несмотря на частые переезды персонал отрядов использовал краткосрочные остановки для оперирования, перевязок, ванн, массажей, измерения температуры, пропаривания белья в бочках и многого другого. Много лет спустя, Надежда Казимировна вспоминала о партизанских буднях: «Разве может врач вычеркнуть из памяти ампутации, сделанные обычной столярной пилой на крестьянском возу, или забыть перевязки на 30-градусном морозе, когда чужая кровь тут же застывала на твоих руках. Не забыть и ночи, проведенные в седле, когда подушкой служила шея моей Малютки...». В книге «От Путивля до Карпат» С.А.Ковпак написал о партизанском враче: «Дина на сво-

ей Малютке похожа сразу на все скульптуры древних».

Весной 1942 г. партизаны вошли в с. Старая Гута, что на Брянщине. Здесь только что прошли каратели, вырезали все население, сожгли хаты. Кругом ни души, одни пепелища. И вдруг — детский плач. Под телом расстреляной матери нашли девочку месяцев шести с окровавленным личиком: пуля опалила ей лоб. Надежда Казимировна бережно наложила шов на лобик ребенка и передала медсестре. Решили оставить девочку при госпитале, назвали Верой, верой в победу. Ковпаковцы горячо полюбили девочку, нянчили свою партизанскую дочку, невесть откуда доставали для нее свежие овощи, молоко. Но перед дальним походом пришлось оставить девочку в семье двух пожилых бездетных колхозников. Так ее след затерялся в вихре войны, и лишь спустя годы, когда Вера уже стала студенткой столичного вуза, ее поиски увенчались успехом. Радостно встретили партизаны-ветераны спасенную ими когда-то Веру.

В декабре 1942 г. Н.К.Маевская тяжело заболела сыпным тифом, давшим осложнение на легкие, и в январе 1943 г. была эвакуирована самолетом на Большую землю в Московский партизанский госпиталь. В дороге ее сопровождала характеристика, подписанная командиром партизанского соединения С.А.Ковпаком и комиссаром С.В.Рудневым. В ней, в частности, есть такие слова: «В чрезвычайно тяжелых условиях, при отсутствии медикаментов и перевязочных средств, при условии непрерывного маневрирования отряда (за 1,5 года пройдено свыше 3 000 км. с боями), имея за это время более 500 раненых, только благодаря исключительной энергии со стороны тов. Маевской — 76% бойцов, командиров и политработников снова вошло в строй...». Характеристика заканчивается трогательным обращением «...Командование Групп Партизанских Отрядов Сумской обл. просит всемерного содействия в специальном лечении и восстановлении здоровья заслуженного врача п/о тов. Маевской Н.К.»

После длительного лечения Надежда Казимировна работала в госпитале, затем в Киевском НИИ дерматологии и венерологии, а с 1955 г. — в Киевском медицинском институте. В этом году она защитила кандидатскую диссертацию, которая позволила в дальнейшем издать книгу «Медицинская служба в партизанских соединениях Украины (1941–1945 гг.)». Она награждена орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды и медалями, знаком «Отличнику здравоохранения», ей присвоено высокое звание Заслуженный врач УССР. Отмечая мужество советской женщины в Великой Отечественной войне, совет ветеранов Итальянского Сопротивления наградил Н.К.Маевскую Звездой Гарибальди, а чехословацкие партизаны

вручили ей медаль «За мужество». Как всегда, она принимала активное участие в общественной жизни, избиралась народным заседателем в суде, депутатом районного совета депутатов трудящихся в Киве.

После окончания войны партизаны не теряли друг друга из вида, часто общались, поддерживали тесную связь. И здесь Надежда Казимировна была всегда в курсе всех событий. Она знала обстоятельства жизни многих, при необходимости организовывала помощь, дружескую поддержку. Она осталась для ветеранов по-прежнему партизанским врачом. С.А.Ковпак подарил ей свою книгу «Щоденник партизанських буднів» и в посвящении написал: «Своему бойовому соратнику Надії Казимірівні Маєвській на добру пам'ять. Ти — одна з перших жінок партизан і наш партизанський лікар. Спасибі тобі, дорога Діно, за сотні повернутих у стрій бійців, за твою невтомну роботу і безмежну ласку до поранених у дні важких партизанських буднів».

Надежда Казимировна поддерживала дружеские отношения с Харьковским медицинским институтом, присылала нам свои фотографии, подарила книгу о медико-санитарной службе в партизанских соединениях Украины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Умерла Н.К.Маевская на 83 г. жизни в 2000 г. После ее смерти в музей истории ХНМУ были переданы документы, награды, партизанский альбом. Они представлены в музейной экспозиции, посвященной войне, как иллюстрация к рассказу о судьбе этой удивительной женщины.

*Ректор ХНМУ профессор В.Н. Лесовой,
директор образцового музея истории ХНМУ
Ж.Н. Перцева. Газета «Слово ветерана». 2012 г.*

ПОДВИГ ХИРУРГА

Завтра как и сегодня...врач сохранит свой сан жреца, а вместе с ним и свою страшную, все возрастающую ответственность. И жизнь врача останется такой же, как сегодня,- трудной, тревожной, героической и возвышенной.

А.Моруа

В XVII столетии по предложению знаменитого врача, бургомистра города Амстердама Николааса Ван Тульпа эмблемой медиков стала горящая свеча, заменившая змею и чашу. Внутренним смыслом этого символа были слова «Aliis inserviando consumoga», или «Све-

тя другим, сгораю сам». Эти слова по праву можно считать девизом всей жизни выдающегося врача-хирурга Александра Ивановича Мещанинова.

Александр Иванович родился 16 августа 1879 года в городе Путивле бывшей Курской губернии. Отец, Иван Петрович, был приказчиком в мясной лавке. Спустя несколько месяцев после рождения сына он умер. Мать, Любовь Гавриловна, осталась вдовой с четырьмя детьми на руках. Детство Мещанинова прошло в Киеве — брат матери забрал самого младшего из семьи — Александра — к себе и отдал его в гимназию. Во время учебы Александр давал частные уроки, готовил к экзаменам учеников младших классов, а часть денег обязательно отсылал матери. По окончании гимназии молодой человек был зачислен на медицинский факультет Киевского университета, который закончил в 1904 году. Первым местом службы молодого доктора стало местечко Смелы Киевской губернии. В годы русско-японской войны Александр Иванович служил в Маньчжурии в качестве полкового врача. По окончании военных действий 3 года работал в Елизаветграде (Александрии) под руководством О.Я.Яцевича — известного хирурга, основателя и директора Образцовой хирургической больницы Красного Креста. В 1911 г. Александр Иванович получил приглашение занять в Сумах должность главного врача и хирурга земской больницы. По предложению Мещанинова земская управа утвердила должность уездного санитарного врача, из-за чего случился конфликт с земскими деятелями Сум. Врач пошел против решения земской управы, которая назначила на эту должность племянника предводителя местного дворянства. В знак протеста Мещанинов и четверо его коллег уволились. Вскоре он вернулся в Александрию.

По окончании Первой мировой войны Мещанинова стал руководителем Сумского хирургического госпиталя Красного Креста. В Сумах его избрали членом уездной земской управы, со временем он стал уездным комиссаром и председателем общественного комитета.

После установления Советской власти в Сумах Мещанинов с семьей принимает решение переехать в Харьков. Вначале своего профессионального пути в Харькове, Мещанинов был заведующим госпиталем Земского союза. В 1919 году А.И.Мещанинов по конкурсу избирается на должность главного врача и хирурга Холодногорской земской больницы города Харькова.

Вторая мировая войны застала Александра Ивановича в Харькове.

Перед войной Харьков был одним из немногих городов СССР по численности населения, достигающей миллиона, в годы Великой Отечественной он же стал одним из немногих городов-великанов,

на такое долгое время (21 месяц!) оккупированных немецко-фашистскими захватчиками.

24 октября 1941 года фашисты заняли Харьков. За считанные дни город был razoren дотла: не осталось ни топлива, ни воды, ни пищи... На телеграфных столбах ветер раскачивал почерневшие тела казненных — сотен харьковчан лишенных жизни за малейшее неповиновение или нарушение установленного порядка. Гитлеровцы беспощадно истребляли стариков, женщин и детей, в том числе грудных младенцев.

Сразу после захвата Харькова на Холодной Горе фашисты в старой тюрьме устроили лагерь, в котором находилось порядка 18–20-ти тысяч военнопленных. Истощенных, едва живых людей фашисты гоняли на различные работы. Подчас труд был непосильным даже для здоровых и сильных людей. Что уж говорить о голодных и смертельно уставших пленных. К примеру, обессиленных и безоружных людей, словно животных, заставляли впрягаться в повозки и тащить на себе бочки с водой... В Холодногорском концентрационном лагере (так называемом шталаге №363 на Холодной Горе) — одном из крупнейших на территории Украины, в неотапливаемых помещениях ежедневно умирали от холода и голода более 150–200 человек. Проявление заботы о военнопленных считалось серьезным преступлением.

Ко времени занятия Харькова гитлеровцами Холодногорская больница была переполнена тяжело ранеными красноармейцами. Эвакуировать их из города вовремя не удалось. Предвидя расправу фашистов над оставшимися на лечении бойцами, Мещанинов предпринял решительные меры по спасению красноармейцев: на входных дверях больницы была сделана предупредительная надпись «Тиф», приказано было сжечь все обмундирование солдат, которые были заново зарегистрированы в больничных книгах в качестве гражданских лиц.

В итоге, с помощью коллег профессор организовал дополнительный госпиталь на 200 коек.

Оградив своих пациентов от угрозы физического уничтожения А.И.Мещанинов и весь персонал больницы проявили максимум усилий, чтобы не дать им умереть голодной смертью. Харьков — один из городов, которые во время оккупации остались без всякого продовольствия. За водой моментально образовывались большие очереди. Какое-то время сотрудники больницы, в том числе и две дочери Мещанинова, его жена, меняя одежду на продукты питания, приносили их больным.

В помощи не отказывали и простые жители Харькова — в больницу несли, кто что имел. Вскоре сформировалась и стала активно функ-

ционировать целая организация «Допомога», представители которой с повязками Красного Креста ходили по селам, добывая пищу для раненых и военнопленных.

Александр Иванович спасал земляков и от угона в Германию — ставил им безнадежный диагноз и прятал в стенах больницы, объясняя необходимость их пребывания там ожиданием лечения или операции.

С течением времени самоотверженная деятельность врачей под руководством Мещанинова вышла за пределы больницы. Видя как ежедневно по утрам из ворот расположенного по близости концентрационного лагеря выезжают подводы с трупами, Александр Иванович отважился на беспрецедентно дерзкий поступок — в беседе с начальником концлагеря В.Гамбеком потребовал перевести наиболее тяжело раненых и больных в госпиталь, а остальных поддерживать питанием, убеждая в опасности распространения тяжелых инфекционных заболеваний для самих оккупантов. Благодаря таким решительным действиям был создан лагерьный лазарет, старшим врачом которого был бывший заключенный этого лагеря и советский врач Константин Седов. Таким образом удалось вырвать из фашистского ада более 500 тяжело раненных узников, ведь выздоравливающие солдаты под разными предлогами в лагерь не возвращались...

Очевидно, что такое положение вещей не могло оставаться бесконечно. В апреле 1942 года о массовом исчезновении военнопленных узнал В. Гамбек и гестапо. Над группой врачей нависла смертельная угроза. Боясь неминуемого усиления партизанских диверсий, которое явилось бы непосредственным результатом смерти пользующего широчайшей популярностью врача, были проведены только предупредительные мероприятия — тяжелобольные переведены из больницы в поликлинику, а размещенный там госпиталь строго контролировался немецкими медиками, была усилена охрана концлагеря. Однако даже в таких условиях, Мещанинову удалось продолжить свою деятельность по спасению военнопленных. Врачи и подпольщики (используя специальный пропуск) выводили в безопасное место выздоровевших солдат, которых выпускали из охраняемой больницы через подвал, имевший выход в хирургическое отделение.

Только закрытие в ноябре 1942 года Холодногорской больницы смогло приостановить активную работу команды Мещанинова.

16 февраля 1943 Харьков был освобожден от захватчиков: все, томившиеся в концентрационном лагере, кто мог держать оружие ушли на фронт... За 1941–1943 гг., к первому освобождению Харькова, в Холодногорской больнице были спасены более 2000 пленных. Сколь-

ким гражданским лицам удалось здесь сохранить жизнь, посчитать не представляется возможным...

Мещанинов продолжал работать в 9-й городской больнице и после войны.

Был депутатом Харьковского городского совета и занимался вопросами озеленения, так как считал, что именно «зеленый» город может принести пользу здоровью общества.

Александр Иванович являлся новатором в хирургии: он первым в Харькове применил операцию Ламбре, первым осуществил торако-абдоминальную операцию при раке пищевода (1948 год); не ограничиваясь оперативными вмешательствами в брюшной полости, с успехом проводил гинекологические и урологические операции. Начиная с середины 20-х годов не было ни одного всесоюзного, республиканского или областного съезда хирургов, где бы он ни выступал с докладом. В течение многих лет Александр Иванович был почетным председателем Харьковского областного и городского общества хирургов, членом совета профессоров Харьковского медицинского института, больше 30 лет руководил кафедрой хирургии областного института усовершенствования врачей.

Перу Александра Ивановича принадлежит более 90 научных трудов. В 1934 году без защиты диссертации Мещанинову были присвоены ученая степень доктора медицинских наук и звание профессора. Как руководитель кафедры хирургии он подготовил более 500 хирургов, под руководством профессора Мещанинова выполнены четыре кандидатские и одна докторская диссертации.

Профессор Мещанинов занесен в Израиле в список «Праведники мира», его имя носит Харьковская городская больница скорой и неотложной помощи, пер. Светлый, где проживала семья Мещаниновых, переименован в пер. Мещанинова.

За гуманную деятельность в годы Великой Отечественной войны Александра Ивановича в 1945 году наградили орденом Трудового Красного Знамени. Это был довольно редкий случай, ведь хорошо известно, что тех, кто оставался на оккупированной территории и официально не числился ни в партизанах, ни в подпольщиках, не награждали.

Безусловно, более существенным и значимым доказательством подвига Мещанинова стала благодарность спасенных солдат и офицеров, гражданского населения города. Их письма хранятся в Харьковском историческом музее, Народном музее истории Харьковского национального медицинского университета.

В 1954 г., в день 75-летия доктора, среди многих приветствий было такое: «Лучшему из людей, врачу-бессребреннику Александру Ива-

новичу Мещанинову от любящего населения Холодной Горы». Под приветствием стояли подписи нескольких сотен харьковчан. Умер Александр Иванович Мещанинов 1 января 1965 г. В последний путь его провожали несколько тысяч людей, присутствие которых красноречиво доказывало, что Александр Мещанинов смог реализовать свое жизненное кредо: «Всю свою жизнь, силы и энергию я отдам вам, люди!».

...Длительность жизни не всегда зависит от количества прожитых лет. Её красота, истинный смысл определяется тем, что после нее остается. После жизни Александра Ивановича Мещанинова остались тысячи спасенных жизней, тысячи счастливых глаз и миллионы благодарных мыслей и чувств. Его жизнь, его дело не забыто, оно продолжается в делах его коллег, учеников, в настоящих и будущих поколениях спасенных им больных.

*Студентка II мед. ф-та Н.Завгородняя
Газета «Медицинский университет». 2009 г.*

СОРАТНИЦА А.И. МЕЩАНИНОВА – ХИРУРГ В.Ф. НИКИТИНСКАЯ

К 70-летию со дня освобождения г. Харькова от фашистских захватчиков хочется вспомнить о выпускнице Харьковского медицинского института 1936 г. В.Ф.Никитинской, замечательной женщине, прекрасном хирурге, спасавшей вместе с профессором А.И.Мещаниновым в годы оккупации Харькова раненых советских бойцов и офицеров из Холодногорского концлагеря. Сведения о ней мы находим в материалах Образцового музея истории ХНМУ, где сохранились ее личные документы, газеты с выступлениями перед студентами, фотографии, которые позволят нам воссоздать облик Валентины Федоровны и услышать ее рассказ, обращенный и к нам, живущим уже в XXI в.

Родилась В.Ф.Никитинская в 1909 г. в г. Ворошиловграде в рабочей семье. Окончив семилетку, поступила в Ворошиловградскую профшколу, а в 1927 г. сбылась ее заветная мечта – она поступила в Харьковский медицинский институт. Счастливые студенческие годы промелькнули быстро, и с 1932 г. дипломированным специалистом она уже работала в больницах Харькова и области, а в 1938 г. поступила в клиническую ординатуру Института усовершенствования врачей. Здесь и познакомилась с профессором А.И.Мещаниновым, который стал для нее примером во всем и прежде всего в отношении к своему делу. Закончить ординатуру Никитинской пришлось, потому что

в 1939 г. она была мобилизована на фронт во время Финской кампании, после которой по распоряжению Харьковского горздравотдела ее направили в Западную Украину в г. Львов, где она работала в хирургической клинике Львовского мединститута.

В 1941 г. во время очередного отпуска приехала к родным в Харьков. Здесь и застала ее война. Вернуться домой она уже не могла, но и сидеть без дела тоже, поэтому пришла к Александру Ивановичу, бывшему в то время главврачом 9-й холодногогорской больницы, который на вопрос «Что делать?», показал на операционный стол, стоящий рядом. Так Никитинская осталась работать вместе с учителем.

Больница была забита ранеными красноармейцами, все палаты, коридоры, служебные помещения были заняты. Нужно было не только оказать им медицинскую помощь, но и позаботиться о том, чтобы спасти после прихода в город фашистов, а для этого нужны были гражданская одежда, документы. Головы многим пришлось забинтовать, чтобы не бросалась в глаза короткая солдатская стрижка. До оккупации многие были выписаны как гражданские лица, других забрали местные жители под видом родственников или помогли уйти в ближайšie села. Когда в больнице появились немцы и потребовали указать военнoслужаших, им ответили, что все пациенты — гражданские жители, потерпевшие от бомбардировок.

С первых дней оккупации началось планомерное уничтожение гражданского населения города. На балконах больших зданий появились повешенные, расстреляны были пациенты многих больниц, в том числе психиатрической на Сабурке, евреев угнали в бараки на ХТЗ и там в течение короткого времени всех уничтожили. Появилось несколько концентрационных лагерей, за колючим забором которых страдали и умирали от болезней, ран и голода сотни военнопленных. Страшно было смотреть на колонну военнопленных, которых гнали на работу. Обессиленных людей, падавших падавших во время движения, на месте пристреливал конвой. Проф. А.И.Мещанинов от имени Красного Креста потребовал передавать раненых из лагеря для лечения в больницу и добился того, что комендант концлагеря согласился на это. Так в больнице начали лечить и спасать выздоравливающих военнопленных. Катастрофически не хватало еды, и тогда профессор Мещанинов с тачкой, к которой была прикреплена записка: «Жертвуйте продовольствие для больных», пошел на холодногогорский рынок. Многие жители знали в лицо старого доктора, который просил поделиться с больными продуктами, и помогали, кто чем мог. Однажды женщины нашли двух убитых лошадей, санитары привезли их на кух-

ню, и после проверки мясо было использовано для приготовления пищи.

Сначала раненых удавалось спасти от возвращения в лагерь, но потом комендант понял, что здесь не все благополучно, и приказал устроить госпиталь специального назначения для военнопленных. За колючей проволокой, под охраной немецких часовых он был расположен вначале в первой городской больнице, а затем в помещении 13 школы. По предложению А.И.Мещанинова В.Ф.Никитинской пришлось перейти работать в этот госпиталь. Но и здесь находилась возможность помогать своим больным. Сестры и санитарки доставали одежду, пропуска и под видом сотрудников выводили выздоравливающих за пределы госпиталя. Однажды начальник госпиталя Ганс Штаперт заметил, что из терапевтического отделения исчезло несколько военнопленных. Разъяренный фашист вызвал к себе в кабинет доктора И.Н.Рахманинова, который в ответ на брань Штаперта позволил себе спокойно ответить: «Я не надсмотрщик, я врач. Мое дело лечить, а не следить за больными». И.Н.Рахманинов был тут же расстрелян. Так погиб прекрасный врач, преподаватель харьковского медицинского института, представитель известной в Харькове медицинской семьи Рахманиновых.

Эта расправа вызвала у врачей еще большую ненависть и желание отомстить за товарища. Военнопленные продолжали исчезать из госпиталя, и никакие меры фашистов им не помогали. Была установлена тесная связь с другими подпольными группами, особенно с врачами 6-й поликлиники на Москалевке, которыми руководил доктор Давиденко, и подпольщиками концлагеря.

Чтобы задержать в госпитале раненых, ночью Валентина Федорова делала им разрез кожи в области слепой кишки или по средней линии, характерные при операции аппендицита и прободения язвы желудка. Такая «операция» позволяла военнопленному считаться минимум две недели тяжело больным, в то же время он имел возможность бежать из лагеря.

Перед своим первым отступлением из города в феврале 1943 г. немцы обложили здание больницы динамитом, чтобы подорвать его. Всех, кто мог ходить, медперсонал выводил во двор и, если удавалось незаметно обойти часового, передавал населению. Советские войска были на подступах к городу, и немцы в спешном порядке отступали. Сотрудники больницы разобрали динамит и стали готовиться к приему раненых от армейских частей. С какой радостью везде встречали освободителей, с какой энергией работали медики, оказывая помощь раненым!

К сожалению, эта радость оказалась недолгой: фашисты снова оккупировали город. В этот период гитлеровцы особенно зверствовали. Они сожгли заживо около 400 раненых, которых не успели эвакуировать из госпиталя в центре города. Почти каждый день устраивали облавы на улицах и площадях, где было много народа. Остановливалась машина, из которой выпрыгивали немецкие солдаты, хватали людей и везли их на «опорный пункт», чтобы потом отправить в Германию. Никто не знал, вернется ли он домой или нет. Но, не смотря ни на что, врачи продолжали свою работу. Скольких людей удалось спасти в тот период, неизвестно, но о судьбе одного из них — летчика А.Устинова — Валентина Федоровна рассказала отдельно.

«В июле 1943 г. его самолет был сбит над Харьковом и, пока летчик летел на парашюте, немцы буквально расстреляли его. В госпиталь Устинов был доставлен в очень тяжелом состоянии: у него было 16 ран, он потерял много крови. Мы с Юлей Винниченко обработали раны, удалили пули. Надо было делать операцию, ведь одна пуля осталась в легком, но мы боялись, что он ее не выдержит. Как и раньше, у нас не было антибиотиков, сульфидин и стрептоцид не помогали, у бойца поднялась высокая температура. Рана загноилась, и мы все-таки решили немедленно делать операцию. Но для этого необходимо было рентгеновское обследование легкого, чтобы увидеть, где находится пуля. Решили упросить врача немецкого госпиталя дать разрешение на обследование, и в день, когда в госпитале не было Штаперта, я организовала «экспедицию». В ее подготовке принимали участие, кроме меня, еще 7 человек сестер и санитаров, потому что мы решили воспользоваться случаем и освободить из фашистской неволи еще одного летчика — выздоравливающего Н.Соболева, который лежал в нашем госпитале. Медсестра О.Никитинская предложила взять с собой гражданскую одежду для Соболева, повести его в рентгенкабинет, там переодеть и вывести на улицу. Договорились с медсестрой из 6-й поликлиники Н.Протопоповой, что она поможет перевести Н.Соболева в гражданскую больницу на площади Фейербаха. «Экспедиция» была назначена на 15.00, когда менялась охрана. Мы решили при одних часовых войти, а при других вернуться, тогда не будет заметно, что не все люди пришли.

Двинулись в путь целой процессией: 4 санитаров из числа легкораненых несли Устинова на носилках, за ними О.Никитинская вела под руку Соболева, а я и Юля Винниченко шли позади, неся с собою большой бикс, в котором прикрытая простыней и ватой лежала одежда для Соболева. Проходя мимо часовых, мы объяснили, что идем на рентген в немецкий госпиталь. В немецком госпитале охраны не было,

в рентгенкабинете работала врач К.Резцова, с которой мы поддерживали постоянный контакт. Осмотрев больного и наметив, как оперировать, мы оставили О.Никитинскую готовить Устинова к обратной транспортировке, а сами вышли во двор, где надо было переодеть Соболева. Для этого была использована старая пустая будка для часового, вход в которую мы закрыли своими спинами. На улице Соболева уже ждала Протопопова, которая увела его от госпиталя, а мы вместе с носилками, на которых лежал Устинов, вернулись к себе.

Алексея Устинова взяла к себе на квартиру Е.Шидловская, которая жила на ул. Коцарской, 34. У него снова поднялась температура, и я поняла, что у больного развивается эмпиема — гнойное воспаление легких, и надо немедленно оперировать тут же на квартире Шидловской. На следующий день я произвела ему резекцию двух ребер, вставила резиновую трубочку, через которую в банку стекал гной. Раненому сделали инъекции камфары, кофеина и оставили на попечение Шидловской, проинструктировав, как ухаживать за ним.

В последние дни перед приходом наших войск в августе немецких часовых в госпитале сменили местные полицаи, да и те на своем месте стояли не постоянно, они отлучались куда-то, видно, собственная судьба беспокоила их все сильнее. Пользуясь этим, мы выводили и раздавали населению всех ходячих раненых, вынесли многих заключенных с гипсовыми повязками, которые не нуждались в постоянном уходе. В госпитале оставались только такие, которых нельзя было даже переложить с кровати на носилки. Но даже и их нам удалось спасти, перетянув кровати в одну большую палату на втором этаже и забаррикадировав дверь в нее пустыми кроватями, матрацами, шинами и прочим. В этой палате постоянно дежурила медсестра.

В последний день перед приходом наших войск, я сходила в гинекологическую клинику, которая располагалась неподалеку, и договорилась с дежурным врачом и медсестрой, что на день-два принесем к ним одного раненого, которого надо спрятать в женской палате. Мы боялись, что немцы найдут Устинова на квартире у Шидловской и перенесли его в гинекологическую больницу. Там на него надели женскую сорочку и положили в отдельную палату. Голова у него была забинтована, видны были только глаза на исхудавшем лице. Он чисто побрился и очень был похож на больную женщину».

Алексей Устинов рассказывал потом, что узнав о том, что по ул. Свердлова уже идут наши войска, не выдержал, не выдержал, сполз с кровати и с трудом вышел во двор. Через решетчатые ворота были видны солдаты, идущие по улице. Он подошел к воротам, держа в руках трубку, которая была вставлена в его грудь, смотрел на советских воинов,

и слезы неудержимо лились из глаз. Он остановил одного из них и сказал: «Подожди, браток, дай на тебя посмотреть поближе...». Тот остановился и, с удивлением глядя на Устинова, на его женскую сорочку и бороду, проступавшую на лице, сказал: «Что-то я не разберу, ты мужик или баба?»- «А у меня, — вспоминал Устинов, — перехватило горло, и я ничего не мог сказать, только стоял и плакал».

Освобожденный Харьков ликовал, на митингах звучали здравицы в адрес освободителей. Жизнь продолжалась, но продолжалась, к сожалению, и война. Валентина Федоровна вступила в ряды Красной Армии, работала ведущим хирургом и начальником отделения в госпитале первой линии №401, где и находилась до окончания войны. Демобилизовалась в 1946 г. Награждена двумя орденами и пятью медалями. В этом же году она вышла замуж за генерала Труфанова Н.И., освобождавшего со своими частями Харьков в августе 1943 г. Вместе с мужем, переезжая с одного места его службы на другое, работала хирургом на Дальнем Востоке, в Хабаровске, Южно-Сахалинске, Китае. Будучи в Китае, она овладела новым для нас методом лечения — иглоукальванием. В 1960 г. семья Труфановых-Никитинских вернулась в Харьков. В дальнейшем Валентина Федоровна не расставалась с любимым делом — медициной, продолжая до глубокой старости оказывать помощь всем, кто в ней нуждался.

*Рассказ составлен по материалам персоналии
В.Ф.Никитинской, хранящейся в фондах
Образцового музея истории ХНМУ.*

*Подготовила директор музея истории Ж.Н.Перцева
«Медицина газета». 2013 г.*

ХАРЬКОВСКАЯ СЕМЬЯ КСЕНИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ ИЛИАДИ

Среди харьковских медиков, оказывавших медицинскую помощь населению Харькова в тяжелые годы немецкой оккупации, помогавшей тем, кто остался для подпольной работы, нельзя не назвать врача-фтизиатра Ксению Александровну Илиади.

Родилась К.А.Илиади в Бессарабии (ныне Молдова) в далеком 1895 г. в семье, где было 16 детей. Многодетной семье помогали родственники, маленькую Ксюшу забрала к себе бабушка, жившая в Кишиневе. Здесь девочка посещала церковно-приходскую школу, затем закончила гимназию, в которой училась на средства греческого общества им. Чуфли. Это было время первой мировой войны. Она работала, преподавала рабочим, но желание учиться, получить

професію врача не оставляло девушку, и в 1917 г. она переехала из Бессарабии в Харьков. Обратнo вернуться она не смогла, так как в январе 1918 г. Бессарабия была оккупирована Румынией. Таким образом, судьба разлучила К.А.Илиади с родителями на целых два десятилетия. В Харькове она пережила революцию, гражданскую войну, во время которой работала добровольно сестрой-волонтеркой в инфекционных красноармейских госпиталях. В 1928 г., после окончания Харьковского медицинского института, осуществилась ее мечта: она стала врачом-фтизиатром.

Туберкулез в 20–30-е гг. XX века был очень распространенным заболеванием, и работа врача-фтизиатра была крайне важна и, конечно, связана с риском. К.А.Илиади работала в разных туберкулезных диспансерах, но большей частью — во 2-м тубдиспансере, здесь она встретила и войну.

Незадолго до ее начала, в 1940 г., Бессарабия вошла в состав СССР и Ксения Александровна смогла забрать к себе престарелых родителей. Они были тяжело больны, и она не смогла эвакуироваться и осталась вместе с ними в оккупированном Харькове, где они и умерли в период 1942–1943 гг.

В Харькове был установлен жестокий оккупационный режим, смертельная опасность вошла в каждый дом, подстерегала каждого жителя. Позже, уже после войны, К.А.Илиади писала: «Внимая всем ужасам фашистского разгула, видя страдания людей, слезы бедных матерей — разве можно было быть пассивным зрителем? Как можно было не откликнуться на людское горе? Не спасти молодежь от угона в фашистский стан, не помогать советским людям — это означало бы помогать гитлеровскому зверю, значит, быть предателем Родины».

И Ксения Александровна, работая в тубдиспансере, с риском для жизни спасала молодых людей от угона в Германию, выдавая им фиктивные справки о наличии открытой формы туберкулеза, лечила изувеченных, раненых, тяжело больных. Для большей убедительности она делала мнимым больным пневмоторакс легких, писала справки и на немецком языке, понимая, что оккупационные власти им больше верят. Таким образом она спасла от угона в Германию десятки человек, в том числе А.Н.Новицкого, ставшего после войны врачом-хирургом, В.Л.Иваненко, А.П.Бондарь и многих других. Жизньo обязан был К.А.Илиади Николай Сергеевич Бакшеев, харьковский врач-гинеколог, в дальнейшем член-корреспондент АМН СССР, главный акушер-гинеколог Министерства здравоохранения УССР в 1959–1974 гг. После войны он рассказывал о Ксении Александровне: «Она снабдила

меня документами, которые дали возможность сохранить дом, в котором я жил, от заселения немцами, так как немцы боялись заходить в дома, где жили туберкулезные больные. Таким образом, я имел возможность укрывать партизан и подпольщиков, лечить раненых. Ксения Александровна спасла жизнь сотням советских людей, рискуя своей жизнью, ведь она оказывала помощь не только больным, но и подпольным работникам. А ведь только за одного из них она могла быть повешена»

В феврале 1942 г. к Илиади обратилась Полина Авраамовна Ионова. Ее мужа арестовали за злостный саботаж, подвергали истязаниям. Он крайне нуждался в медицинской помощи и была возможность попасть в гестаповские застенки. Это была рискованная операция, которая в дальнейшем закончилась трагически. Женщины проникли в тюрьму, но были разоблачены. Павла Ионова расстреляли, его жену Полину зверски избили. К.А.Илиади, как врача, условно отпустили до выяснения всех обстоятельств дела. «Вспоминаю как кошмарный сон,- писала позже Ксения Александровна,- вид больного — это был живой труп, и душераздирающие крики и стоны П.А.Ионовой».

После освобождения г. Харькова от фашистов К.А.Илиади получила много писем от спасенных ею людей. Приведем отрывок из письма В.Павлова, которого она лечила после жестоких побоев в гестапо. В первый же день освобождения города он ушел на фронт. «Дозвольте від щирого серця подякувати Вам за любов і ласку,- писав он.- Адже це Ви і тільки Ви допомогли мені дожити до щасливих днів, коли я зміг повернутись в ряди нашої доблесної Червоної Армії. Коли б не Ви, я б давно згнив де-небудь у таборах Німеччини, а зараз я воюю за Батьківщину, за свій народ...».

Среди харьковчан, спасенных К.А.Илиади, был и К.К.Терзян, тогда 19-летний юноша. В ходе полицейской облавы его схватили и поместили в здание вокзала для отправки в Германию. Молодого человека спасла медицинская справка на русском и немецком языках, выданная К.А.Илиади: «...болен двусторонним туберкулезом легких, к физическому труду абсолютно не пригоден...». После освобождения Харькова Терзян тоже ушел на фронт. В послевоенное время стал инженером ХЭМЗа, женился, воспитывал сына и дочь. Именно он, Терзян, в 1964 г. начал поиски врача, спасшего его в тяжелое время оккупации города.

А Ксения Александровна и после войны продолжала работать во 2-м тубдиспансере, и мало кто знал о ее деятельности в те страшные годы. К поискам Терзяна подключились члены военно-научного общества харьковского Дома офицеров. О подвиге К.А.Илиади в га-

зете «Соціалістична Харківщина» в 1967 г. была напечатана стаття «Память сердца», ее наградили медалью «За отвагу». До самой смерти ей продолжали писать спасенные ею люди, делились с нею своими радостями и горестями. Она прочно вошла в их жизнь, и все они стали членами одной большой семьи — харьковской семьи К.А.Илиади.

*Директор Образцового музея истории ХНМУ
Ж.Н.Перцева. Газета «Слово ветерана». 2012 г.*

70 ЛЕТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ХАРЬКОВА

23 августа наш город праздновал 70-летие освобождения Харькова от немецко-фашистских захватчиков. Почти два года, с октября 1941, длилась мрачная ночь оккупации, но город жил, боролся и верил в свое освобождение. И оно приходило дважды, трагическое и радостное одновременно, в феврале и окончательно в августе 1943 г. Тысячами жизней советских людей — мирных жителей и советских воинов — заплачено за него, и наша совесть не разрешает нам забыть об этом. В связи с этой датой хочется еще раз вспомнить о людях, событиях и фактах того страшного времени. Сведения, приведенные в этой статье, почерпнуты нами в основном из архивных материалов, хранящихся в Харьковском государственном архиве.

Фашисты заняли Харьков 23 октября 1941 г. после кровопролитных боев и сразу же установили немецкий оккупационный режим. За нарушение любого из приказов командования должен был последовать расстрел. На всех перекрестках висел отпечатанный на немецком и украинском языках приказ коменданта города и командующего немецкими войсками, требовавший срочно сдать оружие, военное имущество, автомашины. Коммунисты и комсомольцы, согласно этому приказу, должны были зарегистрироваться в комендатуре. За неисполнение — расстрел.

В первые дни оккупации немцы повесили 116 человек. Их тела висели на балконах гостиницы «Харьков», на столбах и деревьях.

В район тракторного завода в декабре 1941 г. было согнано, а затем уничтожено около 20 тыс. евреев, жителей города, среди которых было немало врачей. Здесь погибли профессор Л.С. Бер, асептолог госпитальной клиники внутренних болезней О.Е. Борц, зав. отделением института Охматдет Х.А. Минц, врач В.А. Каминская с дочерью и многие другие.

«Покончив с евреями, фашисты принялись за уничтожение украинского и русского населения Харькова. Помимо арестов, истязаний

и убийств, они широко представляли Харьковской интеллигенции самой умирать от истощения и болезней», - писал А.Н. Толстой, посетивший Харьков в сентябре 1943 г.

Оставшиеся в городе врачи помогали нуждающимся в медицинской помощи. Некоторые из медиков были связаны с подпольем. В Харьковском историческом музее сохранилась тачка с надписью «Жертвуйте для больных», с которой систематически появлялся на базарах города проф. А.И. Мещанинов. Рискуя жизнью, он организовал в своей больнице лечение раненых красноармейцев, а после выздоровления помогал им уйти в партизаны. Вместе с ним работали ассистенты госпитальной терапевтической клиники И.Н. Рахманинов и выпускница 1-го ХМИ В.Ф. Никитинская. После побега раненых красноармейцев из больницы И.Н. Рахманинов был застрелен гестаповским офицером прямо в больничном кабинете.

Фельдшером санпропускника у Мещанинова работал студент 2 курса ХМИ И. Кузнецов, ставший впоследствии к.м.н., доцентом кафедры кожных болезней нашего института.

В клинике Мещанинова получали хирургическую помощь жители прилегающих районов Холодной горы. В другой части города, Заводском районе, работал проф. М.Н. Шевандин. Он, как и проф. В.П. Недохлебов, работавший в центральной части города, был связан с подпольем. В конце 1941 г. они были схвачены гитлеровцами и расстреляны.

Женщинам оказывали помощь профессора-гинекологи, зав кафедрами 1-го и 2-го ХМИ П.Х. Хажинский и Е.Г. Щербина. С риском для жизни спасала многих людей от угона в Германию врач-фтизиатр К.Г. Илиади, которая выдавала фиктивные справки о наличии у них активной формы туберкулеза. Один из спасенных ею - Н.С. Бакшеев — в дальнейшем стал д.м.н., профессором и в 60-е годы главным республиканским хирургом-гинекологом. Спасенный К.Г. Илиади, он, в свою очередь, тоже оказывал помощь харьковскому подполью.

В деревне Колонтаевка, Краснокутского района, районный врач Э.Я. Сербинова, выпускница Харьковского мединститута, устроила в подвале собственного дома госпиталь, где выхаживала раненых красноармейцев.

Город лежал в руинах. Фашисты разграбили и сожгли исторический музей и картинную галерею, взорвали и уничтожили гордость харьковчан — Дворец пионеров (бывший Дом дворянского собрания на площади Конституции, где сейчас стоит памятник революционерам), гостиницы «Интернационал», «Красная», «Спартак», «Астория», здание военной академии, аэроклуба, Дом проектов,

почтамп, ж\д вокзал. Из 33-х институтов 28 были полностью разрушены.

16 февраля 1943 г. Совинформбюро сообщило о том, что «наши войска после решительного штурма, перешедшего в ожесточенные уличные бои, овладели городом Харьковом».

Именно в этот период погиб доцент кафедры эпидемиологии А.К. Грицай, бывший командиром санитарно-эпидемиологического отряда 40-й армии Воронежского фронта А.К. Грицай. Он возглавлял группу из 5-ти человек, направленную со спецзаданием в Харьков 18 февраля 1943 г. В пути машина попала на мину, Афанасий Карпович был тяжело ранен и умер от ран в госпитале Харькова.

Однако освобождение Харькова было, к сожалению, не окончательным. Опомнившись от внезапного штурма и собрав все силы, гитлеровцы в середине марта 1943 г. снова заняли город.

В первые дни вторичной оккупации Харькова гитлеровцы совершили одно из своих самых чудовищных злодеяний. На территории клинического городка, где находился военный госпиталь, фашистские изверги уничтожили 41-го раненого командира Красной Армии, а около 400-х раненых красноармейцев сожгли живьем в одном из корпусов окружного военного госпиталя.

Гитлеровцы дополнительно угнали на принудительные работы в Германию 50 тыс. человек. Десятки тысяч харьковчан были расстреляны и повешены. В районе Харькова скопилось много немецких войск и техники. Как вспоминал впоследствии маршал М. Захаров, из показаний пленных стало известно, что войскам противника был зачитан приказ Гитлера, что ни один немец не имел права уйти из Харькова. Солдатам были обещаны награды.

Вечером 22 августа всем советским войскам был отдан приказ о ночном штурме города. Всю ночь с 22 на 23 августа в городе шли ожесточенные уличные бои. Противник превратил все каменные постройки в своего рода доты. Нижние этажи домов использовались в качестве огненных позиций артиллерии средних калибров, верхние этажи заняты были автоматчиками и пулеметчиками.

Утром 23 августа истерзанный город был в руках советских войск. Но немцы еще долго сопротивлялись на ближайших подступах к городу. Почти неделю обстреливали его из дальнобойных орудий. Так пришла в Харьков долгожданная свобода. 30 августа на пл. Дзержинского состоялся грандиозный митинг, посвященный освобождению города, на котором выступил Н.С. Хрущев, в то время командующий Воронежским фронтом.

Харьковчане явились инициаторами ценного патриотического начинания тех дней — движения добровольческих восстановительных бригад с лозунгом «Любите свой город, восстанавливайте его своими силами!» Этот почин был подхвачен всей Украиной. Свою лепту в его осуществление внесли в те годы студенты и преподаватели Харьковского медицинского института.

*Ж.Н.Перцева,
Директор музея истории ХНМУ
Газета «Медичний університет». 2013 г.*

ЗМІСТ

Від ректора	5
Розділ 1. Книга пам'яті Харківського національного медичного університету	7
Розділ 2. Вустами спогадів і пам'яті	15
Как начиналась для меня война (воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны)	16
Бодня И.Ф. Мои военные дороги	17
Бондаренко И.П. Память о Великой Отечественной войне — урок для поколений	18
Бранзбург Е.Д. Будни авиационного механика	22
Габель Ю.О. Харькову. 22 мая 1942, г. Чкалов	23
Грицай А. Мои воспоминания.	24
Воспоминания врача Г.З. Джинчвеладзе.	26
Евтушенко Г.И. Летать выше всех.....	31
Колпакова К.Д. Письмо ректору	35
Липшиц Р.У. Торжествующая сила музыки.	37
Малая Л.Т. Моя военная судьба.....	38
Марченко М.А. Так началась война	43
Митасов И.Г. Вброд через Гнилое море	48
Овденко А.В. Самые большие сторонники мира — бывшие фронтовики	51
Орлова З.М. Налет	55
Скиба С.И. Санинструктор С.Скиба	56
Смолкина Б.М. Все для фронта, все для жизни	60
Степанюк Т.И. Как начиналась для меня война.	63
Однокурснице. Саратов, 1942.....	66
Себя участником войны считаю.	67
Струков А.И. Воспоминания о работе в Оренбурге в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	69
Суворов Ф.И. В памяти, и в сердце.....	75
Татаренко В.А. Годы испытаний.	81
Харченко А.И. Мои военные профессии.	83
Черная Т.Т. Минер ошибается только раз	86

Черненко В.Д. Эхо войны	89
Юрченко С.Д. Дружба, рожденная на фронте	92
Как я встретил День Победы (воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны)	97

Розділ 3

Велика Вітчизняна війна на сторінках газет і журналів.	101
--	-----

Москаленко. Незабутнє	102
Пеньков М.О. Генеральний наступ на Берлін.	103
Трубніков В.П. У битві за Белград.	105
Шкода Ю.С. Фронтові дороги	106
Путерброт А.Д. Герой Советского Союза Г.О. Буганов	107
Карасев И. Подвиг в Грюнвальде	110
Перцева Ж.Н. У війни не жіноче обличчя	113
Лесовой В.Н., Перцева Ж.Н. Харьковские медики в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	118
Советская Киргизия. 09.05.1942. Творческая конференция научных работников Киргизии.	132
Советская Киргизия. 27.06.1943. Новый лечебный препарат	134
Перцева Ж.М. Вони наближали перемогу.	134
Постановление Военного совета Южно-Уральского военного округа №14 от 14 апреля 1944 г.	136
Перцева Ж.Н. Будем помнить!	137
Воронцов М.П. Из истории военно-медицинского факультета Харьковского медицинского института	138
Перцева Ж.Н. Победили смерть	142
Лесовой В.Н., Перцева Ж.Н. Партизанский врач Н.К. Маевская	145
Завгородняя Н. Подвиг хирурга	149
Перцева Ж.Н. Соратница А.И.Мещанинова — хирург В.Ф. Никитинская	154
Перцева Ж.Н. Харьковская семья Ксени Александровны Илиади	159
Перцева Ж.Н. 70 лет освобождения Харькова	162

ВИЩА МЕДИЧНА ШКОЛА ХАРКІВЩИНИ В РОКИ ДРУГОЇ СВІТОВОЇ ВІЙНИ

Видання друге,
виправлене й доповнене

За загальною редакцією В.М. Лісового та Ж.М. Перцевої

Відповідальний за випуск: *І.В. Лєтїк*
Комп'ютерний набір: *Л.О. Сїласва*
Дизайн та комп'ютерне верстання: *В.С. Ск!п, А.В. Побєдїна*

Формат 60×90 1/8. Ум. друк. арк. 12,0.
Тираж 500 пр. Зам. 2/15.

ХНМУ

м. Харків, 61022, пр. Ленїна, 4

Свїдоцтво субєкта видавничої справи ДК № 3242 від 18.07.2008 р.

Мїсце видання: ФОП Мїлєшкїн В'ячеслав Валерїїович
Вїдповїдальний : Мїлєшкїн В'ячеслав Валерїїович

С.І. Банайтіс (2-й праворуч) на Західному фронті (1941 р.)

Р.І. Шарлай (стоїть 1-й праворуч) серед однополчан (1943 р.)

В.М. Шамов

С.О. Семека

О.І. Черкес

І.Ф. Бодня (1-й
ліворуч) у зруй-
нованому Берліні
(1945 р.)

Р.І. Брауде

П.К. Грицай

Д.Д. Арнольдї

Слухачі військово-
медичного факультету подружжя
О.В. і Т.Т. Вишинські
(1941 р.)

Б.М. Хмельницький

Почесна грамота Новосибірської
обласної ради депутатів трудящих
Б.М. Хмельницькому (1943 р.)

А.М. Утевський

Почесна грамота Президії Верховної
Ради Киргизької РСР А.М. Утевському
(1944 р.)

Т.І. Тихонова

Кафедра епідеміології 1-го ХМІ у Чкалові (1942 р.) (Сидять у 2-му ряду зліва направо 2-й М.М. Соловйов, 4-й Д.С. Ловля)

Подяка колективу 1-го ХМІ Верховного Головнокомандуючого
Маршала Радянського Союзу
Й.В. Сталіна

Викладачі 1-го ХМІ зі студентами у Чкалові (у 2-му ряду сидять зліва
направо 4-й А.М. Гаспарян, 6-та Б.М. Смолкіна, 1942 р.)

Р.У. Ліпшиць

Т.І. Степанюк

К.Г. Москаленко

К.О. Іліаді серед врятованих нею людей (1950 р.)

О.Й. Іосилевич

Н.К. Маєвська й двічі Герой Радянського Союзу, командир партизанського з'єднання С.А. Ковпак (1942 р.)

В.Ф. Нікітінська

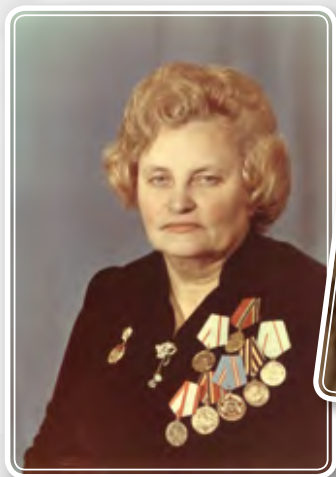

І.М. Рахманінов

Проф. О.І. Мещанінов (сидить у центрі) з людьми, які допомагали йому рятувати поранених (1944 р.)

І.І. Грищенко

Т.Т. Чорна

Б.Я. Задорожний

В. Д. Черненко

Г.І. Дуденко

В.П. Трубніков

Л.Т. Малая

І.Г. Мітасов

С.І. Скиба

З.М. Орлова

С.Д. Юрченко (1-й ліворуч)

С.Д. Юрченко

Кавалеры ордена Трудового Червоного Прапора професори
В.О. Белоусов, М.М. Бокариус, Б.В. Альошин, Є.О. Попов (1945 р.)

В.О. Татаренко

О.В. Овденко

И.П. Бондаренко

Є.Д. Бранзбург

Ю.С. Шкода

М.О. Пен'ков

Г.І. Євтушенко

О.І. Харченко

Б.М. Смолкіна зі студентами (2000 р.)

Ветерани війни з керівництвом і співробітниками університету
(2004 р.)